

Александр Филатов-Тоцкий

Купание железного коня

Степные рассказы

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф51

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Филатов-Тоцкий Александр

Ф51 Купание железного коня : Степные рассказы / Александр Филатов-Тоцкий. – [б. м.] : Издательские решения, 2018. – 150 с. – ISBN 978-5-4490-5287-2

«Купание железного коня» – очередная книга прозы оренбуржца Александра Филатова. Автор известен и как поэт – его сборники стихов выходили в Челябинске, Калуге и Оренбурге. Лауреат конкурса им. Валериана Правдухина.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

СТРАННАЯ ШТУКА – ПАМЯТЬ

Рассказ

– Знаешь, Иван, вот какая странная штука память. Детство своё помню в подробностях, что сегодня с утра делал – не помню, хоть убей.

– Так и я Лёша, не помню сегодняшние события. Дойду до автобусной остановки, вдруг вспомню – телефон забыл. Вернусь домой, а зачем, не помню. И опять на остановку... И так до пяти раз.

– Склероз у тебя, дружок. Ну, это ж хорошо – никогда голдным не будешь – до пяти раз только позавтракаешь...

– Да иди ты! Тебе только бы схохмить чего-нибудь. А докажи, что ты детство помнишь!

– Легко!

Как-то, лет шестьдесят назад, был хороший день. И получилось так, что мне пришлось пойти в школу с опозданием. Я и появился в нашем школьном дворе на горке ко второму уроку. Портфель у входа бросил и стал кружить вдоль школьного забора. На огород прибранный посмотрел, на сад недавно посаженный. И тут увидел военного человека, но в какой-то неведомой мне, странной форме. Он шёл по центральной дорожке в школу.

Ну ты ж, Ваня, не дашь мне соврать, мы тут в нашем военном городке разных защитников родины видели – от рядового до маршала. Ну, там Жуков, Малиновский у нас были, Баграмян, Гречко... Иностраннных военных кучу видели. И женщин военных...

– Как же, у нас англичанка полковником была запаса, а муж её – комдивом. Помню. Переводчицей в войну была, в миссиях разных участвовала. Хорошо английский преподавала, да к чему он нам?

– Видишь, и ты кое-что вспоминать начал. Голиковы они были – англичанка и её муж.

Так вот, а тот военный – в чёрной папахе, в тёмной форме с красными лампасами, в блестящих чёрных сапогах, и, самое интересное, в чёрных перчатках. Представляешь, Ваня, тепло,

почти лето, а он в перчатках. Ну и главное — на боку шашка в чёрных ножнах с латунно-жёлтой отделкой.

Он в школу вошёл, а я призадумался — кто такой, почему не знаю...

Отвлёкся от события с военным, после звонка на перемену в класс появился. И вдруг меня вызывают к директору школы.

— Это к Чичаеву, что ли?

— Да, к нему. Ничего себе, думаю, за опоздание накажут или как. Уже за такие мелочи — и к Николаю Григорьевичу. Что-то слишком строго наказывать хотят. Анастасия Георгиевна меня за руку по коридору ведёт, а я как-будто сопротивляюсь, но тоже иду.

Постучали в дверь кабинета, вошли. И опять этот весь чёрный военный передо мной — сидит рядом с директором, шашку свою поглаживает одной ладонью, а во второй аккуратно перчатки держит и по коленке похлопывает.

— Этот? — спрашивает директор.

— Да, этот, — отвечает военный. — Он подойдёт.

— Ладно, Лёша, иди в класс, с тобой позже поговорим.

Уже уходя услышал: «Он у нас боевой — солист хора, поёт и рисует хорошо, отлично учится...». И как-то впервые вдруг стало не по себе, стыдно как-то.

После уроков Анастасия Георгиевна оставила меня и сообщила: «Тебя директор на встречу с военными приглашает. Ты должен поздравление от ребят школы зачитать и стихотворение — вот листок с текстом.

— Почему я? Я же в концерте пою, и в танцевальном номере выступлю кубанским казаком...

— Тебя генерал выбрал.

— Какой генерал?

— Чапаев.

Тут я и опешил. Ведь Чапаев погиб, я ж в кино видел. Он в Урале утонул, потому что раненый был.

— Ведь Чапаев погиб! — крикнул я.

– Да, погиб наш герой. А это сын его к нам приехал, Александр Васильевич. Он за школой нашей присматривает. И чем-то ты приглянулся ему.

– А как он выбрал меня, почему?

– Ну, наверно, ты хороший мальчик, да и сын фронтовика.

– Вот как...».

А после концерта и чаепития с конфетами я долго ходил в костюме кубанского казака, многократно напевая «Гулял по Уралу Чапаев-герой», но это было уже дома, в полном одиночестве...

– И помнишь?

– Помню.

– А мне показалось – сочиняешь. Нельзя такие подробности целых шестьдесят лет помнить.

– А может быть, и сочиняю. Вот стал сомневаться. Была ли шашка при нем? А из чёрного, может только сапоги да перчатки были... Но он у меня в памяти таким бравым казаком и остался. Хотя читал я как-то – Александр Васильевич Чапаев после аграрного техникума к нам в Оренбургскую область был направлен. Работал агрономом. Потом служил срочную, там и надумал стать военным. Потом – война, он в Курской битве подполковником участвовал. Победу встретил полковником, орденоносцем. Два ранения имел. Потом военную академию закончил имени Дзержинского, был командующим артиллерией нашего Приволжского военного округа. В учениях наших атомных участвовал – руководил сводными артиллерийскими частями. В отставку ушёл генерал-майором. Потом по местам боёв отца ездил, перед молодёжью о подвигах его рассказывал, как в нашей школе... Вот таким героем был сын нашего Чапаева! Гордись! А то мы только на анекдоты пошлые про героев наших способны. Между прочим, Василий Иванович георгиевским кавалером был полного банта, ему старшие офицеры первыми должны были честь отдавать. А Россия должна всегда про это помнить.

– Ну и память у тебя, Леха! Как магнитофон! Ничего такого я не помню. Нет, вру. Вспомнил, как защитник Брестской крепости Гаврилов к нам приезжал, да знамёна русской славы в Доме офицеров показывали... А подробности не помню.

– Газеты надо читать, Ваня, до глубокой старости. Тогда и память хорошая будет.

БЫТОВУХА

Рассказ

Я просто сидел на лавочке, как наши пенсионеры. Я грелся на солнышке, как наш дворовый чёрно-белый кот. Я, наверное, ни о чём не думал, наоборот – отдыхал от раздумий и наслаждался новой весной.

Внутри подъезда дверь резко хлопнула, так сильно, как не хлопала никогда. Потом раскрылась железная подъездная дверь, и наружу выскочил сосед Геннадий. Не глядя по сторонам, он почти бегом направился к моей лавочке, плюхнулся рядом и застыл, обхватив голову руками. Вдруг его потрянуло, а потом Геннадий стал вздрагивать с какой-то неуловимой периодичностью.

Что же случилось с соседом?

– Ты не заболел, Геннадий? – спросил я. Никакой реакции: – Гена, что с тобой?

– А-а, сосед... – медленно и слабым голосом сказал он. И более – ничего.

– Да что с тобой, мужик? – снова спросил я.

– Ничего. Достала уже!

– Кто, жена?

– Бытовуха... Ну и жена тоже.

Минут через пять Геннадий заговорил, да так, что и не остановить:

– Понимаешь, достала меня наша новая жизнь. Вот полчаса назад стал я резать рыбу ножом. Немного нажал – в руке остались две половинки ручки. И это уже не первый нож в руках ло-

мается... А кастрюли? Тонкие, мелкие – в них варево запросто пригорает. А крышки к кастрюлям делают так, что её горячую в руках не удержишь... А сковородки? Не подвинтишь вовремя ручку – рискуешь однажды жареную картошку себе в тапки уронить. А новейшие покрытия на этих сковородках? Чистить обычным способом нельзя. Опасно. Но кто об этом помнит? Вот раньше нормальная советская посуда была, и зачем её упразднили?

А бутылки? Вроде стекло, а на самом деле пластик, да и опять же вредный для человеческого здоровья. Как с этим быть? Достали!..

Геннадий нервно извлёк из кармана сигарету, зажигалку, तोропливо прикурил и затаился задумчиво...

Продолжил:

– А возьмем электричество. Патроны делают одноразовые, из мягкого металла. Когда лампочки перегорают, а делают это они часто, они горят и отстреливают стеклянную часть. В патроне остаток заваривается, да так, что удаляется только вместе с «мамой» патрона. Раньше такого не было никогда... А в патронах куча мелких болтиков и прочей мишуры, которую без очков не увидишь, а в руках – не удержишь. Не чужешь их грубыми пальцами. Для кого, для чего такое делается? А провода – тонкие – в руках рвутся, вес лёгкой люстры не выдерживают. Греются, слипаются, перегорают! Изолента какая-то деревянная, даже к себе самой плохо прилипает. Вот производители, вот изобретатели-конструкторы – руки им отрывать! У моей бабки лет пятьдесят-шестьдесят назад проводка сделана – никаких проблем до сих пор. А у нас? Где надёжность, электробезопасность? Достали!

А батарейки? Их много и все разные. И в семье их целая куча нужна, чтобы все пульта, фонари, тонометры и прочее – работали. Но через месяц – покупай обновление этой кучи. Это куда годится?!

Про поддельные продукты молчу. Про поддельные лекарства молчу. Травят народ, как хотят, и управы на производителей

нет. Так жить невозможно. Про сантехнику молчу — капитально отлаживаю каждый год...

Ни качества, ни гостей. Клеммы, разъёмы друг к другу не подходят. На мусорку люди иной раз технику бытовую из-за ерунды выбрасывают, а торгашам — в радость! Ещё купят. Моя вон третий чайник за год купила, и последний ли? А что, в починку уже не берут мастеровые мужики, легче сказать: «Ваша модель устарела, запчастей нет, а если есть, то где-то в Корее». Достали уже! Я заметил, каждая решённая проблема порождает две-три новых. Закон новой жизни... А у тебя не так?

— И у меня, пожалуй, так. Только совсем без проблем никто не живёт. Есть проблемы — есть возможность жить далее, — ответил я.

Тут Геннадий закурил ещё сигаретку.

— Знаешь, я как-то на стол тяжело облокотился, так ножка сразу надломилась. Выглядит стол, как игрушка, но это — только наружка. Да! А раньше мебель сколько служила? Десятилетиями, веками! Сейчас нам доступна только мишура да яркие этикетки на изделиях для бедных.

Задолбала и реклама! Тебе уже не надо ничего, а она верещит: паста-паста, щётки-щётки, отели! Ни одного фильма нормально посмотреть не дают. Гады! Ну, сделайте один рекламный канал для всех, на всю страну и её окрестности, сложитесь. Кому надо, тот и заглянет, а весь народ зачем мутить? Недоумки!..

Думаю, надо быстрее решать эти мусорные проблемы, их накопилось через край. А известно, что количество однажды переходит в качество. Хотим жизнь улучшить, надо освободиться от бытовухи, — сам для себя вслух решил Геннадий, выписал ей приговор.

— Или сменить образ жизни. На Алтай, к примеру, уехать, там жизнь начать заново, — добавил я.

И Геннадий выговорился и, покуривая, заметно остывал. Я просто кивал головой и поддакивал ему, но по большей части с ним действительно соглашался. А тут соседка пожилая с сумками мимо нас шла, да и выдала:

– Всё курите и курите, подлецы, да ещё и пьёте! И когда угомонитесь – достали уже!

КИСТОЧКА НЕПРИЗНАННОГО ГЕНИЯ

Рассказ

Три дня художник Андрей Иванов ни на что не реагировал – не ел, не пил, на дверные и телефонные звоны не отзывался.

Потом стало ещё хуже – выяснилось, что и на улицу он не выходит, по квартире бродил мало, даже матери родной сегодня дверь не открыл.

Ещё через некоторое время мать заметила, что пальцы Андрея немного распухли, покраснели, а потом ладони нет-нет, да и стали скрючиваться. Было видно, что сына иногда терзают судороги. И в речи его появилась лёгкая картавость, которой отродясь не было.

Наливая чай, Андрей обдал кипятком свои ноги. Из его рук то и дело падали вилки, ножи, ложки, еда...

– Что с тобой, Андрюша? Мне кажется – тебе пришла пора подлечиться...

– Не пришла.

– Пришла, пришла. Я же вижу, каково тебе сейчас. Давай сходим к врачу.

– Да не надо. Я сам, если надо, вылечусь. Раз плюнуть!

Протестуя, Андрей бодро подсел к мольберту, зарядил его ватманом, сделал пару штришков карандашом, но он предательски выпал из руки. И тут мать услышала отчаянный вопль и чуть ли не скрежет зубовой, а также мат, как ей, быть может, показалось...

– Что у тебя, Андрюша?

– Ничего, ничего.

А ведь совсем недавно всё у Ивановых было хорошо. У Андрея наброски, зарисовки, почеркушки, эскизы и этюды текли полноводной рекой. Шла бесконечная работа над картинами.

Внушительная серия новых портретов заполняла мастерскую. А вне дома — постоянные выставки сменяли одна другую. Эпизодические встречи с друзьями и любителями живописи не давали покоя. Из городского музея просили несколько работ для новой экспозиции.

И вдруг бурная жизнь закончилась. И не от амурных страданий, как можно было подумать матери, мечтающей о внуках. А так — без причины.

А началось, наверное, в тот день, когда сын долго искал нужную кисточку и не находил. Он проверил все места, где она могла быть, все самые запылённые уголки мастерской — кисточки не было.

— Мам, — наконец сын решил задать матери вопрос. — ты-то мои кисти не берёшь, я думаю? Пропала самая важная — для глаз, для самых тонких деталей.

— Да, что ты, сынок, господь с тобою. Когда я брала у тебя инструменты? Ты тут даже уборку мне не доверяешь. И не захожу, и не беру ничего никогда.

— И куда ж она пропала? У меня работа без неё не ладится...

— Ищи и найдёшь.

Вечер того дня сын встретил в любимом кресле, молча, и свет не включил, когда стемнело.

Подумать только, из-за мелочи, из-за какой-то маленькой кисточки остановилась большая работа — заказ на картину во Дворец бракосочетания. Творческий заплыв закончился внезапной остановкой, и художник пошёл ко дну. Он вдруг осознал, что где-то не так жил, не всегда делал, что надо и как надо. Трудом и скандалами добился маломальского признания, и всё коту под хвост! Кроме мамы, никого в семье нет. Не все картины вызывают интерес и восторг у зрителей, а в каждую вложен титанический труд. Это только казалось, что работается легко, с удовольствием. Лёгкость базировалась на приобретённом с годами мастерстве и на молодом напоре. По большому счёту настоящим ценителем его работ всегда была только мама. А вокруг — лишь романтический туман...

Вспомнилась Надя. Как она была грациозна и красива! И талантлива! Однажды на курсовом просмотре студенческих работ они прошлись рядом, а потом шли почти вместе до завершения просмотра. Вместе оказались на остановке, домой ехали в одном трамвае. Андрей заметил, что Надя иногда поглядывала на него. Но встретившись с пристальным взглядом, они отводили глаза в сторону. Наверное, чтобы не увидеть больше, чем надо художнику... Дня через два Андрей решил, что Надя — это соблазн. Художник должен жить и работать один. Два художника в одной мастерской — беда! Их роман несостоявшийся закончился быстро, рационально. Всяк остался при своих интересах. И Надя молчаливо поддержала его. А после завершения сразу вышла замуж, говорят, за какого-то заводского электрика.

После Нади Андрей сблизился со многими девушками, но ни одна не замутила его разум до сумасшествия, и слава богу, как говорит мама. Но Андрей-то знал, чего по-настоящему мама хочет — его устроенности и внуков.

И хозяин из него никакой! Дачи нет, гаража и машины нет. Квартира, и та — мамина. На срочной службе в армии предлагали сделать военную карьеру — не решился! После службы предлагали стать фотографом — не пошёл. На заводе не прижился... Сколько было разных возможностей, а начинающий художник рвался учиться искусству. И мать терпела его желания, потакала им, содержала его...

После института круг устройства на работу завёлся снова. Автомастерская, где нужен был художник-оформитель, ему не подошла — ничего интересного для живописца. Кружок-студия при Доме культуры — тоже не подошёл. Извели всю душу отчетными бумагами, порицаниями за пропуски учащихся и малой зарплатой. Сколько ценного трудового времени терялось в мелочных заботах!

Кое-как, понемногу стал получать заказы от художественного фонда. Тут-то дело и пошло, но удовлетворения всё равно не было. И Андрей всё чаще задумывался: как это художники

прежних времён трудились по своему плану без творческого союза и должностных окладов?

А как он надоел маме своими претензиями! Ведь она жила только его заботами. Впрочем, и житьё с нею ему порядком надоело: ежедневно одно и то же. То сварит что-то не то, не так, то продукты не те. То обидное что-то скажет. Порою кажется, что она после отца только потому замуж не вышла, что страстно желала сыну досадить за его неправильную жизнь. Действительно, чего ждать от бывшей крановщицы, которая после ремеслухи никакой другой жизни не видела и не знала? Сын для неё был гением, пока ещё непризнанным, но с большой перспективой. Вот и вкладывала она свои малые силы в его большое искусство. Где шлепком, где подзатыльником, досыта кормила картошкой и хлебом, стирала и штопала, читала нотации и в мечтах представляла время, когда её сын станет великим, как Репин, и заведёт, наконец, семью.

Утром мать подошла к сыну и сказала: — Ты не эту кисточку искал?

Андрей так и подпрыгнул в кресле: — Эту! Мой «мышинный хвостик»! А ты зачем её брала?

— Не брала я её. Ты сам оставил кисточку в цветочном горшке на кухне. Вижу — землю взрыхлил...

— Не помню. Это я машинально сделал. Теперь лицо невесты допишу! — закричал он взволнованно.

Утонувший, было, творец вынырнул из депрессии, и ночные переживания потеряли свою силу. Поэтому он устроился в кресле удобнее и крепко заснул.

СКАЗКИ НА НОЧЬ ПРО ЛУНУ

Малая проза

Первая сказка: Луна приближается к Земле и «скоро погубит всё живое».

Сказка вторая: Луна удаляется от Земли и «скоро всё живое вымрет».

Однако Луна остаётся на законной орбите. «Кто-то корректирует и стабилизирует её путь» — это тоже похоже на сказку, но в каждой сказке есть правдивый намёк.

Учёные разумных стран, соединяйтесь! Определитесь, наконец, с нашей общей Луной. Почему она у вас туда-сюда болтается, и, одновременно, остаётся на привычном месте? А древние мудрецы сообщили будущим поколениям, что были времена, когда у Земли вообще Луны не было. Говорят, существует гора письменных источников и графических фактов, в которых Луны не было. И ничего. А жизнь, вроде бы, была, если было кому написать сообщение в будущее. А как же «зарождение жизни с помощью приливов и отливов»? Или снова нам рассказывают вовсе нелогичные сказки? А жизнь была — доказали! — и двигалась ускоренным темпом до высокой организованности. Или, всё-таки, и раньше была какая-то древняя Луна, а, может быть, и не одна? Потом они исчезли, и нам явилась Луна сегодняшняя? Сказки! Но не народные — в народных только сущая правда.

А новейшие сказители вдруг заметили, вычислили и поняли, что внутри нашего небесного спутника запрятан искусственный объект, сделанный, естественно, неземными руками-лапами. И вообще, Луна это космический корабль — не наш, который является базой — не нашей, для громадного роя НЛО. Сказка на сказке сидит и сказочкой погоняет...

А более трезвые наблюдатели вроде бы заметили на Луне вулканические процессы. Да что же это такое — одни считают Луну полрой, другие — с лавой... А посередине — гвоздик! Вот и верь научной братии из сети Интернет. Нет однозначности, нет! Одни парадоксы с такой близкой нашей Луной, непорядок.

Сказки можно читать бесконечно, на ночь, еженощно... Американцы были на Луне и не один раз. Но — американцы не были на Луне никогда — все доказательства — фокусы Голливуда. Лопни-лопни, мыльный пузырь!

А русские? Облетели Луну, сфотографировали её обратную сторону, сбросили вымпел СССР, взяли пробы лунного грунта, двигали по Луне луноходы, составили лунные карты и сделали

лунный глобус. И этому есть доказательства вещественные, технические и, естественно, научные.

Я верю, друзья, что наши космонавты на Луне обязательно будут. Нашим планам и мечтам верить можно.

Кстати, и китайцы скоро обоснуются на Луне и построят первую лунную станцию. В это можно поверить со всей определённостью, ибо китайцы в последнее время перевыполняют все свои планы, и особенно, космические. Недаром бумага, порох, ракеты, и всё бытовое в мире, — китайские. И это верное доказательство их мудрости, а также гениальности Сынов Неба, что их взрастили.

Жаль, мы ныне живущие на Земле, не увидим величайших космических преобразований — американцев, русских, китайцев, японцев, корейцев, индийцев и даже бразильцев. Нам времени не хватит. Мы настоящую правду, похожую на прекрасную сказку, о Луне не увидим, а так хочется...

БОГИНЯ

Рассказ

Озеро и холмы вокруг него вместе напоминали след от лошадиного копыта, в котором стояла водица. Только следок этот был сделан когда-то давно гигантским копытом богатырского коня, может быть коня Святогора. И называлось озеро очень справедливо — Копытное.

Было уже светло, хотя солнце ещё скрывалось за горой. Два заядлых рыболова Виктор Иванович и Николай Александрович заехали на мотоцикле с коляской почти в самый центр этого природного феномена. Очень удобно: берег тут пологий, камыши — слева вода и справа вода, а хочешь — забрасывай удочки прямо перед собой.

Николай Александрович быстро приспособился к месту и забросил удочки в воду. Посидел немного — результата нет. А Виктор Иванович извлёк снасти из мотоцикла, но разматывать удочки не стал, оставил их на предполагаемом месте бу-

душей рыбалки, и, накрывшись курткой с головой, завалился спать под ближайший кустик. Он почти всегда так делал — в начале выезда торопил друга, сам долго суетился, а у водоёма пока не выспится, рыбачить не начинал. Но в последнее время часто выигрывал рыбацкое соревнование с другом. Успевал наловить не меньше, а то и больше Николая.

Час прошёл, два... Николай Александрович уже начал завидовать другу. Дрыхнет, понимаешь, в своё удовольствие, а тут не клюёт совсем. Одного карасика поймал рыболов, и — всё. Молчок. Поплавок стоит на месте мёртво, не шелохнется.

А вот и Виктор Иванович очнулся — то ли совесть его разбудила, то ли солнце нагрело? Он расположился к рыбной ловле, но поглядывая на поплавки Николая Александровича, уже понял — не будет сегодня удачи. Утренние туманы испарились, тучки пропали, небо ясное во всю ширь и до самой глубины, ветра нет, движения в воде нет... Не будет рыбалки!

На рыбалке друзья разговаривали мало. А о чём говорить? За десятилетия общения тем для бесед почти не осталось. Рыба, раки, удочки, оснастка, донки, черви, насадки, прикорм, лето, зима. А ещё — жёны, дети, внуки — ну обо всём говорено и не раз.

— Вот карась, падла, капризная всё же рыбка, — произнёс Виктор Иванович. — И тут не клюёт. А мне говорили — дуром клевать будет на Копытном.

— Да уж. Клюёт там, где нас не было. Или — а вот вчера клевало... Старая песня.

— Куда нам ещё съездить? Может, в Пронькино другим разом махнём? Или в Елшанку?

— Оно, конечно, можно. Но, думаю, и там такая же нерадостная история. Испортилась наша вольная рыбка совсем — развинтился погодный агрегат...

И — замолчали. А погода в этот день, правда, как раз не менялась: солнце размеренно двигалось своей высокой тропой, и рыболовам постепенно становилось жарко.

— Это моя зверушка рыбалку сглазила...

– Как это так?

– Да так. Вчера всё твердила – не надо рыбалки. Не надо рыбы – сам будешь чистить. Надо на огород ей съездить, к даче, посмотреть, что и как. Я ей говорю: обещал я Николаю, что поедем. А она своё и своё. Весь мозг пропилила.

– А ты б её на рыбалку взял, авось понравилось бы...

– Брал. Есть такой опыт. Больше не возьму.

– Почему?

– Им условия нужны. Червей накопай и насади. Удочку размотай и забрось. Зонт нужен от солнца, плащ от дождя. Блестит река – плохо, ветер в лицо – плохо. Комары заедают, слепни – сосредоточиться не дают.

Подсказывать надо – когда подсекать рыбу, когда тянуть, как вываживать. Еды надо много, питья канистру. Полчаса посидели – всё, рыба не клюёт – пора домой. Вот ты свою выведи – все прелести женской логики узнаешь.

– Точно, сложно с ними, с бабами. Не понимают они мужских хотений. Я, к примеру, за хорошую рыбалку жизнь могу отдать, а ей – хоть бы рыбалки и не было совсем. Не везёт рыболовам с жёнами. Ерши – сопливые, колючие, мелкие, окуня – плохо чистятся, голавли – костистые, караси – воняют тиной... Не угодишь!

И грибы она не понимает, и ягоды. Собираешь-собираешь – упаришься. А тебе навстречу – перебирай сам.

Друг посочувствовал другу. И снова замолчали. Очнулись:

– Ну, что, закругляемся и в обратный путь?

– Давай ещё полчасака...

Вдруг на косогоре явилось настоящее чудо: светлая и сильная, легко одетая или, наоборот, почти не одетая, молодая женщина с распущенными солнечными волосами прискакала верхом на гнедом коне, спустилась к озеру.

Она медленно спешила на противоположном от мужиков берегу, отпустила уздечку, ласково потрепав коня, и пристально посмотрела на водную гладь, прикрыв глаза ладонью. Конь занялся травой...

Долго смотрела на Копытное, словно на занятную художественную картину, или словно захватывающую книгу читала и замерла в раздумье.

Оглянулась. Присела и подняла с земли удочку (она загодя там лежала). Ни телескопическую, ни бамбуковую, а обычную — из черёмухи или из берёзки сделанную. Ловко закинула леску в озеро и почти сразу вытащила увесистого карася. Потом — второго, третьего. Ещё и ещё!

А мужики заморожено следили за каждым её уверенным движением. Волшебница, не иначе! Или бывшая русалка, и с водяным в сговоре...

У мужиков поплавки дремали, а в головах быстро вращались вопросы: как это? почему? кто она такая?

— Да подкормила она своё место! И ловит в тени! В тени сейчас карась, а мы на солнце сели! — вырвалось у Виктора Ивановича.

Но тут рыбалка закончилась. Местная богиня смотала удочку, положила её к ногам, накинула клетчатую рубашку с коротким рукавом, подняла садок и вспрыгнула на коня в замах, как лихой казак.

В сторону рыболовов она так и не взглянула. Уже за бугром, издали кто-то окликнул её:

— Дашка, ты чё делала на Копытном?

— Загорала...

КАРАСИНЫЕ СТРАДАНИЯ

Рассказ

Пенсионеры Виктор Иванович и Николай Александрович, а во дворе просто — Иваныч и Саныч, решили как-то оторваться от скучной лавочки у дома и... куда? — правильно, махнуть на рыбалку! Накопали червей, запарили перловки и кукурузы, залили полный бак бензина в мотоцикл. Но утром уехать не получилось — то да сё — провозились до обеда, а в Осиновку приехали лишь к вечеру.

– Ничего, – сказал Иваныч. – Если дело пойдёт или что – тут и заночуем. Видишь крайний дом? С хозяином я договорился недавно.

– Конечно, – подхватил Саныч, – вечернюю зорьку отси-дим, утреннюю прихватим. Дома нас как бы ждут, а как бы и не ждут – знают, что никогда не пропадём.

– Да уж! Такие мы умные...

А рыбалка не пошла. Пруд сделался, как стекло, – ни шоро-ха, ни всплеска. Мужики подкормили места, но поклёвок не до-ждались.

И тут в ближнюю рожицу лихо заехал «Форд». Из него вы-шла молодёжь. Вся – навеселе. За первой машиной ещё пяток серебристых и блескучих авто подкатил. Молодых стало гуще.

Рыболовы поняли, что ребята подъехали прямо со свадьбы. Они чего-то выпили меж деревьев, чего-то закусили, что-то спе-ли, посмеялись и полезли в пруд купаться.

Иваныч и Саныч немного взволновались, но знали, что рыба купальщиков не боится, а рыболовов никто не обидит.

Но зря они понадеялись на свои позитивные мысли. Краси-вая и молодая девушка разделась рядом, чуть позади рыбаков, и шумно рухнула в воду, раздвигая её мощной грудью. Раздви-нулись и поплавки. За нею, видимо, муж её побежал по следам жены, и стали они плавать, брызгаясь и хохоча.

Рядом появились маленькие детки – справа от рыболовов, а слева бухались в пруд парни и девочки.

– Всё! Пипец, как говорит мой младший внук. На сегодня от-рыбачились. Поехали на ночёвку, что ли?

– Ну, вот как такое понимать, Саныч? Берега им, что ли, не хватает? Ведь это чистое хамство. Ни рыбаков не уважают, ни возраст наш.

– Не чистое, а грязное. Иным хамство не бывает. Это просто полное отсутствие воспитания. Или воспитание наоборот – та-кой вот вид извращённого патриотизма. Мы с тобой не местные, значит должны соблюдать их уличные законы... А ты помнишь, в Ольшанке подобный случай был? Тогда девчонки тебе тоже

прямо под крючки лезли, чтоб в пятнашки поиграть. Им тоже берега не хватало. И не пятнашки им были нужны, а старикам досадить... Так и тут.

– Я вот подумал, пора закон правильный сочинить: пенсионеры везде по стране должны рыбалить бесплатно и безопасно, чтоб их никто не смел обижать. Можно этот закон и не только для рыбалки придумать – для всего! Ладно, поехали...

Крайний дом недалеко. Иваныч пошёл на переговоры к хозяину, но не успел войти в дом. Из проёма двери показался молодой мужик и с порога сказал:

– Привет! Ночевать вы здесь не будете. Тут старики живут. Я их внук. Мало ли чего? Вдруг запьёте...

– Да нам только мотоцикл во дворе поставить, а переспали бы в любой сараюшке.

– Нет. Нам не надо осложнений.

– Ну и ладно. До свидания.

У мотоцикла Саныч спросил Иваныча:

– Что такое? Ты ж предварительно договорился...

Призадумались, закурили. И тут сообразили – на пруду-то тишина. Видимо, молодёжь уехала свадьбу допивать-догуливать. Ничего не стоит вернуться на пруд, на прикормленный бережок, да и продолжить рыбалку.

Вернулись. Точно, как корова слизала всех купальщиков. Рыбаки вновь расположились в избранном месте, забросили снасти в воду. Но клёва, как не было, так и нет. А в небе вдруг исчез месяц, за ним – пропали звёзды. С запада надвигалась громадная туча. Она, словно поджидала рыбаков. Мелкий крап сменился крупной дробью дождевых капель, а вместе с ветром пришла стена сплошных водяных потоков. Да ещё темь!

Иваныч и Саныч побросали удочки, спрятаться некуда: место голое, а редкая рощица, что вблизи, вряд ли чем поможет. Промокать, так промокать! Мокрые до нитки уже...

И тут Илья-пророк на колеснице по туче проехался с таким грохотом, что в него запросто поверишь. Там он где-то! Молнии

блеснули в разных местах и рядом, громы ревели уже непрерывно.

Тут Иваныч вспомнил и достал из мотоциклетного багажника старенький плащ. Присели рыбаки в соседнюю ямку, накрылись этим плащиком и замерли, спасая друг друга от сырого холода...

Водяная буря уходила. В ямке на дне плескалась вода. Рыболовы приходили в себя.

— Унесло нечистую силу!

— Бомбёжка натуральная, как в Афгане.

— Ладно, всё прошло. Вот уже и рассветёт скоро — видишь полосу светлую? Солнце встанет, обогреет — переживём.

Но и утром не повезло. Опять никаких поклёвок. Саныч пару окуньков с мизинец поймал и в воду выкинул. А Иваныч очень приличного карася добыл. Только этот карась больше никого за собой не привёл.

— Да что ж это такое? Поехали домой.

— А что, согрелись, поехали...

Иваныч поднял садок, и этот самый килограммовый карась на глазах рыболовов трепыхнулся, нашёл дыру, да и с удовольствием шлёпнулся в родной пруд.

— Вот зверок! Ушёл! Дырка... Больше я сюда не поеду.

ХУДОЖНИКА ОБИДЕТЬ МОЖЕТ КАЖДЫЙ

Рассказ

Сказать по чести, сначала Иван обидел Марию. Он решительно отказался делать хоть что-нибудь на даче.

— Не хочу и не буду. Мои дела серьёзнее твоих, — заявил он супруге. — Я допишу и продам картину, а на эти деньги мы купим и помидоры, и огурец, и долги раздадим, и на еду хватит. Не за помидорами я сюда приехал!

— Как надоел ты, Ваня, со своими мечтами, — парировала Мария, поджимая губы. — Вот не зря от тебя Надежда сбежала. Жить с таким ненормальным невозможно!

Иван не стал отвечать на выпады Марии — женские дела ровным счётом ничего не стоят, а бытовой круговорот — бесконечная еда, посуда, вещи, платы — утопит любое творчество. Как нормальный человек может жить и творить в обстановке бабских претензий на якобы нормальное существование? Уже вся квартира в её помидорах — ступить некуда, а она опять за своё.

Мария, ворча, занялась сбором урожая. Его надо не только собрать, но и как можно быстрее закрутить в банки. Часть замариновать, часть засолить с капусткой, сделать жгучку с хреном... Она отключила внимание от своего суетливого и крикливого мужа. Дело — прежде всего.

Иван побегал взад-вперёд, как молодой петушок в поисках противника. Уселся на брёвнах и тут же отомстил Марии. Коричневым цветным карандашом он сделал рисунок с натуры — широкий зад жены. Увлёкся, и в альбомчик навечно попали и его «городская крестьянка» в разных позициях, и шикарный пень с раскидистыми корнями, очень похожий на Горгону, и грибы-мухоморы, и собачка Лизка...

О, Лизка — это настоящая, преданная художнику модель из мира животных! Она неизменно позировала хозяину столько, сколько надо по времени, и до тех пор, пока он не скажет: «Всё, Лизка! Пошли за карасями!». С любимой собачки он уже много лет начинал художественную разминку перед любой серией набросков и зарисовок.

А зачем менять годами заведённый порядок? Иван взял с собой удочку, баночку червей, лёгкий акварельный этюдник, заряженный бумагой и инструментами для карандашных дел. И весело направился к ближайшим болотцам, чтобы лишний раз понаблюдать за природой, найти интересные сюжеты из её жизни, высмотреть и зафиксировать что-нибудь неожиданное в свой многотомный альбом.

И тут у Ивана было правило простое, почти как по-Маяковскому: поработал сидя — поработай стоя. И вообще, настоящего художника, как волка, ноги кормят. Ходить по миру на-

до, толкаться среди людей и деревьев, а не помидоры собирать.

Если не получатся этюды и наброски — будут караси. Не клюёт карась — будут этюды. Чёткая диалектика!

Когда Иван вернулся и с этюдами, и с карасями, он радостно закричал уже от калитки:

— Маша, таких карасей ты ещё не жарила! И этюдов таких ещё не было, а теперь есть!

А Мария, как деревянная, сидела на брёвнах рядом с умывальником. Перед нею стояли корзины и вёдра с помидорами, овощами и зеленью. Она ответила тихо:

— Да что я с тобою только не видела. Я видела всё. Только жизни не видела...

Её замкнуло, она что-то шептала и шептала приглушённо. И хорошо, что Иван ничего не расслышал.

На другое утро Иван опять сделался гневливым и психованным. Он заказал грузовую газель. Машина подъехала, и он загрузил в неё из мастерской кучу этюдов, картонок и готовых картин, взял снаряженный масляный этюдник, дополнительные кисти, тубы с краской, разбавитель-тройник, и тысячу всяких мелочей. И решительно отправился на малую родину. Замысел был простой: освежить старые связи, побывать в школах, в музее, встретиться с творческой средой и написать что-то новое, а в конце поездки устроить выставку для земляков. Успел для приличия позвонить Марии о своём внезапном отбытии в Оренбургскую область.

Ничего не сказала Маша, лишь вздохнула и пожелала доброго пути. А Иван по инерции кричал в трубку телефона из мастерской:

— Когда приеду? Как приеду. Ты лучше не жди. Может быть, я и вовсе не вернусь. Пока!

Иван клацнул трубкой по аппарату, выскочил на улицу, прыгнул в машину и сказал шофёру: — Поехали!

Как выяснилось, в родном краю все его бывшие родственные и дружеские связи оборваны или утрачены. Иван мыкался на газели то к одним, то к другим — нигде его не принимали.

Родного посёлка и родного родительского дома у Ивана не существовало. Давно. Неперспективным его крошечное поселение оказалось. Родители умерли, хотя и считались долгожителями. На родном месте — одни бугорки, да ямки, да несколько заброшенных крестов неподалёку.

В другом посёлке, где Иван работал в молодости, хороший друг и рыбак Окунев умер года два назад, а его семья переехала в соседний район. Очень долго не был Иван на родине, никому не писал, не звонил — думал, что она, родная земля и твердыня, никуда не денется. Земля и реки, вроде бы, те же, а людей как повыкосило.

В райцентре, где когда-то Иван учился в старших классах, из родных осталась одна единственная изба на берегу реки. И в ней жил его племянник, которого Иван никогда не видел. Однако надо куда-то приземляться.

Иван постучал в дверь. Племянник вышел, но сразу не пустил дядю за порог. Поговорили на улице. Он, племянник, был слишком дальним родственником, чтобы знать и помнить Ивана. Вышел он к художнику в каких-то замызганных трениках, в нестиранной бесцветной майке. На голове — немые вихры.

А водитель газели уже сильно нервничал — ему пора возвращаться в город, а машина всё никак не доберётся до цели.

— Давай, разгружай, дядя, свои картинки, — разрешил племянник. — Но не удивляйся — у меня больная живёт и братан ещё при мне. Как договорились, ставь литр водки сразу, а потом деньги за проживание.

— Хорошо!

Выгрузили творения Ивана в подобие двора, газель сразу уехала восвояси. Начали груз определять в дом. Много видел Иван, но такое! В комнате от сенец до печки на полу сплошной слой пивных банок, бутылок и окурков. За столом сидел братка

племянника – по внешнему виду его копия, но очень пьяная. Братан очнулся и заявил:

– У нас воровать нечего – у нас всё пропито...

Из соседней комнаты по полу к выходу медленно ползла бабка.

– Ты её не бойсь, – добродушно сказал племянник. – Она давно не кусается, и ничего не видит, и не слышит. Да и не поговоришь ты с ней – чёкнутая она.

Иван долго приглядывался к родственнице и не узнавал её. Седея, в мятой ночнушке, она ползла вперёд, но с места почти не двигалась. И никто не помогал. Иван сделал шаг к ней...

– Не надо. Я сам. Это мать моя. Зойка. Зоя Петровна. Помнишь такую? – спросил племян.

Да, Иван вспомнил. Зоя – троюродная сестра, сильно моложе его. Они не виделись лет тридцать уже. Страшно подумать. Когда в последний раз Иван приезжал к её родителям, Зоя была ещё молоденькой, шустрой, работала где-то, и вот итог. «Бог мой, что с нами происходит!» – подумал Иван, но вида не подал – воспитание уберегло от проявления эмоций.

Сын спокойно переступил через мать, потом приподнял её и вынес на улицу. А Иван спешно решил прогуляться по селу. Он пошёл улицей к самому центру. Заглянул в парк, где стоял памятник участникам Великой Отечественной войны с перечислением очень знакомых фамилий. На скамейке увидел ладную женщину. Невольно присел к ней, по старой моде испросив разрешения. И как-то разговорились.

Женщину звали Ниной. И она сразу схватила самую суть проблемы художника.

– У меня, к счастью, есть знакомый, тоже художник. Егоров. Не знаете такого – Николай Егоров. Он наш, местный... Сейчас ему позвоню.

Друг ответил быстро: – Пусть немедленно переезжает, я жду. Приезжайте вместе – тебя, Ниночка, угощу чаем, а коллегу крепким чаем. Телефон и адрес знаете. Да-да. Художника обидеть может каждый, а помогут – единицы. Я вас жду!

ВСЁ К ЛУЧШЕМУ, МОЙ ДРУГ...

Фэнтези

Два друга — два ангела парили где-то над Уральскими горами, и один вдруг заговорил:

— Ну что ты будешь! Как их ещё раз свести? Три раза проделал тщательную подготовку и сложную работу: этот Володя решил-таки поступать в военное училище, хотя был явно не совсем готов к подобному испытанию. Я внедрил ему в голову бодрящий марш и заглушил пораженческие мысли.

С Мариной тоже было много возни: она с трудом решила поступать в горный институт — ни твёрдых школьных знаний не было, ни здоровья, ни желания полюбить геологию и горное дело...

Не знали молодые люди, что им судьба по условиям моей задачи — быть вместе всю жизнь. Нам нужны были их уникальные дети. Такой вариант был просчитан на нашем суперкомпьютере, и результат должен был быть весьма многообещающим. Однако люди всегда сопротивляются богам...

Володя в училище поступил. Он подкупил приёмную комиссию — он вместо обычного грамотного сочинения создал свою первую поэму в стихах на заданную тему, и преподаватели-русаки растаяли.

И Марина в институт поступила. Если в медицинский поступают только девушки, за редким исключением, то в горный институт наоборот — поступают, в основном, романтики мужского пола. Поэтому приёмная комиссия сразу зацепила девушку в свои сети: в абитуриентском билете стоял особый знак, по которому любой преподаватель ставил положительную оценку заранее, за одно только произнесённое слово — к примеру, «горы...».

Оба пошли за высшим образованием. И в ближайший выходной моя программа свела их среди сосен на горе Уктус. Как они радовались встрече! Увидеть знакомое и почти родное лицо после месячных испытаний — что ещё нужно для любовной вспышки!

— Спасибо, Марина, за то, что ты пришла! — то и дело повторял Владимир.

— Какой ты красивый в этой форме! — восклицала девушка.

Час их встречи прошёл так стремительно, что оба были возмущены произволом нашего заведующего Временем. Но делать нечего — надо расставаться, ибо здание совместного будущего могло разрушиться в минуту.

Они бережно расстались у КПП. Владимир, оглядываясь, бодро отправился в расположение. Марина долго помахивала ему рукой уже за воротами.

Всё было правильно, и вдруг сразу 96-я страница!

...Владимиру курсанты собрали денег в дорогу, вручили общую тетрадь с утешительными пожеланиями и напутствиями, командование вручило документы об отчислении по здоровью. Вот что значит потерять сознание на плацу до приёма Присяги! Он был сражён обстоятельствами, и отправился в дорогу, не прощавшись с Мариной.

А Марина в следующий выходной опять пришла на КПП училища, чтобы получить известие об отъезде Владимира.

Как же трудно было мне свести несводимое, соединить молодых людей уже в другом городе! И надо признать — моя программа дала сбой.

Он увидел Марину, обрадовался, но у него уже появились чувства к прекрасной Ольге. Откуда эта красавица появилась на пути Владимира?

Марина увидела Владимира, и прежняя надежда на крепкую любовь вроде бы дала новый всплеск желаний. Но в общечитии у неё уже появился знакомый, с которым отношения были в стадии жгучего интереса. Откуда он взялся, зачем?

Надо было выбирать. Они выбирали. При желании в большом городе можно жить годами, ходить одними и теми же улицами, ездить одинаковыми трамвайно-троллейбусными маршрутами, и дома могут стоять рядом, и даже на работу можно проходить через одну проходную, но так и не встретиться. Никогда!

Вот, понимаешь, и провалилась моя генетическая инженерная операция по созданию Человека нового вида. А я так хотел победить в конкурсе!

— Ну, ты сильно не печалься, мой друг. Пока ты занимался своей проблемой, я занимался другой — мне было поручено всячески вредить твоему делу — придумывать препятствия, несурезицы и даже беды этим молодым и перспективным людям. Чтобы они упорно шли к нужному нам результату, сквозь любые тернии, что могут придумать звёзды. И они шли. И дали искомый результат — в итоге получилось, что никакая совместная жизнь им не светила — им нельзя было иметь детей!

Поэтому были исполнены другие варианты: Марина вышла замуж за Валерия; Владимир женился на Ольге. И только поэтому наше Человечество будет жить лишнее тысячелетие... И слава Богу! Чтобы Он ни делал — всё к лучшему!..

— Ну что, посмотрим на Алтай?

— Да. Давай полетим медленно...

ТРИ КИЛОМЕТРА МОРОЗА

Рассказ

В лёгком демисезонном пальто, с портфелем в руках Николай вышел в тамбур вагона. А поезд остановился, он ещё не добрался до станции. Остановка против небольшого городка нефтяников... Вот-вот, вот-вот — и родная станция!

Никто в тамбур кроме Николая не вышел, а он разглядел в окно, что между поездом и дорогой много снега. По дороге проехал одинокий автобус с приглушёнными окнами, он, видимо, последний на маршруте.

Николай давно не был дома. Ну, кому как — кому и десять лет не срок, а кому и месяц разлуки в тягость. Очень хотелось открыть дверь тамбура, крикнуть: «Земля родная, здравствуй!» и добраться до вокзала, а там на попутке — домой! Но сомнения остановили его — вдруг в снегу увязнешь, а на улице, чувствуется, очень холодно.

Более двух часов поезд стоял на месте из-за какого-то километра неосвоенного пути. Николай уже продрог в тамбуре, но покорно ждал движения. Наконец, поезд тронулся и быстро добрался до вокзала.

В тамбуре к Николаю никто не присоединился, даже проводник не вышел. Николай самостоятельно открыл дверь, спрыгнул на перрон и двинулся к вокзалу. Никого рядом не было, поезд пошёл своей дорогой. Повезло бы на остановке! Но не судьба — перрон чист, небольшая привокзальная площадь пуста, на остановке никого, и никаких попутных машин.

Николай так торопился, что не сразу осознал — деревянного вокзала уже не было. За время его отсутствия старый вокзал снесли, а новый каменный только начали возводить — вывели стены метра на два. Николай топтался, подпрыгивал, стучал ботинком о ботинок, пытался прятаться в небольшой воротник — бесполезно. Надо где-то спрятаться. Издалека он заметил ещё одно станционное деревянное здание, в которое только что вошёл человек.

Николай быстро добежал до этого здания, дёрнул ручку двери и растерялся: входить было некуда. Сразу за дверью стенкой на него смотрели спины людей. Пар от дыхания пассажиров вырывался наружу. И тут кто-то шумнул:

— Эй! Дверь закрой! Сквозит!

Николай дверь закрыл, попятился к стройке, спрятался в проём между стенок, но понял — тут его хватит максимум на полчаса. Что делать?

Вообще-то, на станции жила родня, можно добраться до неё. Но там одни старики — могут и не услышать стука в окно... Глубокой морозной ночью, под утро, кто тебе откроет двери и впустит в дом?

Лихорадочно, замерзая и плохо соображая, Николай принял единственное правильное решение: пешком дойти до дома, пока силы есть. А что? Тут идти-то всего три километра и триста метров. Бывшего солдата разве морозом испугаешь?

Всё! Николай отправился в путь. До поворота дошёл быстро и хорошо, даже немного разогрелся в движении. Свернул

на главную дорогу. И до моста через озеро Большое тоже дошёл неплохо. Но сразу после моста портфель выпал из задубевших рук. Выпал и скользнул вдоль дороги.

Тут Николай смекнул: «Пока руки совсем не замёрзли, надо снять брючный ремень, привязать его к портфелю и к руке, и – вперед!» Так он и сделал. И даже повеселел: во-первых, руки почти освободились от веса, а во-вторых, портфель покорно двигался за хозяином, как послушная собачка. Скорость движения увеличилась! «Ничего! Дойду!» – утешил себя Николай.

За мостом он почувствовал низовой ветерок. Вроде, слабый, но неугомонный. Шёл, остановился, постучал по ногам – они, как поленья. Чувствительности не было.

Кое-как двинулся далее. И заметил, что справа, параллельно с ним, метрах в тридцати скользит меж кустов что-то тёмное. И мысль первая – волк! А это уже очень серьёзно! Нет, всё же собака, волк уже давно наперед забежал бы или сзади напал. Понял, но на душе легче не стало – уж слишком рослая собака какая-то, и почему бежит рядом, не отстаёт. Встанет Николай – и она тормозит, двинулся Николай – и она бежит рядом. Бежит и бежит...

И тут Николай заметил звёзды. И почему-то реально подумал о смерти. А что, всё сегодня может быть. Особенно бояться вроде нечего: чтобы мы не делали, через тысячу лет от наших дел и от нас останется только прах и пыль воспоминаний. А может быть, и их не будет. На этой самой дороге давно когда-то дембель не дошёл до дома – загрызли волки. А не так давно пьяный водитель ночью на смерть сбил двух парней. Они Афган прошли и остались целы, а тут нелепо погибли... И только звёзды будут висеть на своих местах и подсвечивать путникам заснеженную дорогу...

Звёзды! Вот идёшь по световому туннелю – вокруг темнота, впереди свет! И ты почти один пока ещё тёплый, но уже находишься внутри смертельного космического холода. Что есть наша жизнь? Тонкий подвижный слой, схваченный жутким жаром и таким же жутким холодом. Немного двинься

за допустимые пределы, и нет жизни! Минус шестьдесят и плюс шестьдесят, вот и всё, что нам отпущено. Очень напоминает тонкий воздушный детский шарик с радужными разводами...

Тут мысли Николая стали заметно путаться. Впереди он увидел знакомые огни, до них было недалеко. Но это «недалеко» надо как-то преодолеть... Звёзды складывались в узнаваемые геометрические фигуры, иногда мерцали синхронно, двигались по замысловатой кривой вокруг своего центра, и даже — колыхались и дробились. «Вот холодина — даже глаза замерзают...» — отметил мимолётно Николай...

И тут ему стало лучше, теплее. Он очнулся у домика-вагончика. В маленькое окошко увидел спящих мужиков... Надо бы зайти в тепло, но и осталось уже пройти мост через реку, потом ещё с километр и — дома! «Остановливаться нельзя — будет хуже. Дойду как-нибудь».

После поворота дорога пошла на подъём. И очень трудно было двигаться — ноги почти не гнулись. «Всего лишь три километра по холоду, и — гибель! Так просто...».

Когда он вышел на прямую улицу к дому, увидел под фонарями какие-то неясные подвижные силуэты. Улица упиралась в ворота больницы, которая и замыкала тупик.

У самого дома Николай понял, что силуэты — это косули. И зачем они забрались морозной ночью в посёлок? Сколько их было? Однако размышлять о животных было уже не под силу — надо себя спасать!

Самое трудное — открыть подъездную дверь. В иinee, заледевшая, без ручки, она замёрзла и не поддавалась Николаю. И всё же он вошёл в подъезд. Портфель на удивление до сих пор следовал за ним, машинально постукивал на каждой ступеньке лестницы.

И вот — третий этаж, родная дверь. Звонок! Пауза, ещё звонок! Заспанная Мария открыла дверь, глянула на мужа и сообразила — он замёрз. Николай сделал шаг, втянул портфель, потом ещё три неуверенных шага и упал!

Мария торопливо искала водку, нашла, раздела мужа, разжала Николаю зубы и влила спасительную жидкость. А потом начала со слезами растирать его тело...

— Додумался, на дворе мороза за сорок, а он пешком... Пешком! Господи, спасибо за всё!

ЛЮБВИ, ПРЕДСТАВЬТЕ, НЕ ЖДАЛА

Очень маленькая повесть

Вчера Валентина Сергеевна влюбилась. Она поняла это по дороге из библиотеки домой. Шла себе тихо по свежему снежку, заглянула, не помнит как в магазин, купила чего-то, как бы во сне, для ужина и потом не смогла вспомнить, как оказалась на порожке собственного дома.

Тонкий месяц и яркая звёздочка при нём словно заморозили её — Валентина всё стояла и смотрела в зеленоватое небо. И никак не могла сосредоточиться.

Месяц и звёздочка — самые яркие на небесном поле. Связаны незримой ниточкой: то сходятся, то расходятся, ну, как люди прямо... И подсказывают всем, что в нашем мире везде так: разлука живёт ожиданием встречи, а встреча заканчивается обязательной разлукой. Не бывает по-другому у тех, кто живёт, кто движется в этом мире... И память подчиняется этому закону — то забудется всё, то вспомнится, когда звёздочка встретится с месяцем...

Нет, Валентина Сергеевна склерозом не страдала, да и ничем не болела так, чтобы память терять. Но со вчерашнего дня ни о чём серьёзно не могла долго думать, а вот о ком — могла...

Он появился внезапно. Нет, сначала он разок-другой заходил в библиотеку, что-то искал на полках среди книг, потом поллистал газетные подшивки, взял для чтения какую-то ветхую книгу и ушёл. Его тогда обслужила Люба. И второй раз с ним общалась тоже Люба.

Вот и Валентина Сергеевна обратила внимание на это редкое явление по нынешним временам — на нового читателя с хо-

рошими намерениями. Мужчина в годах, солидного возраста. А каков он из себя по характеру — не разобралась, слишком мало его наблюдала.

Но вчера — как гром среди ясного неба, она встретилась с ним лицом к лицу, и кого-то припомнила, почти узнала. Нет, ни имя, ни фамилия в читательском билете ничего ей не сказали. Только что-то знакомое проявилось и мелькнуло в сознании, когда он заговорил. Минутная беседа мало что дала, лишь только зацепила своей загадочностью.

Однако Валентина Сергеевна увидела в нём самое основное — интеллигентного человека с большим жизненным опытом, одетого ладно, по-городскому. Очень даже симпатичный, опрятный. И он мельком так посмотрел на неё, что стало ясно — читатель этот был одиноким и холостым. Как она это поняла, неизвестно. Но решила однозначно — человек хороший!

Он оказался ещё и скромным. Получив свои книги, простился и ушёл. А в голове Валентины Сергеевны что-то спуталось, она вдруг стала рассеянной. И задержавшись у широкого окна, что-то очень важное в своём прошлом пыталась вспомнить...

Как давно это было! Так давно, что уже кажется нереальным событием или фактом из какой-то чужой жизни...

Событие восстанавливалось туго. Валя и Лида работали на совхозном току — помогали подрабатывать обильное зерно нового урожая. Валя и Лида были девчонками пятнадцати лет, обе весёлые, обе красивые, учились вместе и во временном женском общежитии жили вместе. Поэтому и вечера проводили вместе — на площадке у местного клуба, где молодёжь, как правило, танцевала под магнитофон «Романтик». Иногда девушки прохаживались туда-сюда вдоль посёлка, иногда ходили купаться на пруд.

Заметные девчонки, было в них что-то свежее и в одежде, и в образе — одевались более-менее модно и спортивно, песни пели современные, а на ребят смотрели пока ещё сквозь пальцы, как бы пристреливаясь, как сказала бы сейчас напарница по библиотеке Люба.

И тут появились в посёлке двое новых парней — Володя и Коля. Оба из Оренбурга — будущие железнодорожные механики. Они тоже прибыли на так называемую практику. Управляющий отделением долго не думал — тут же определил их шоферить, ведь на первом курсе мальчишки изучали автомобильное дело. И весомый мотив был — отделение завалено урожаем — пшеницей, просом, кукурузой на силос. Надо было спасать свалившееся богатство, вывозить его с полей, а вот шоферов не хватало.

Иван Васильевич вызвал шофёра из второй бригады и поставил ему задачу:

— Думаю, из тебя, Петя, хороший наставник получится. Короче, сегодня к обеду эти молодцы должны шоферить, и не только руль крутить, но и зерно вывозить с поля. Понял?

— Понял. Чего не понять, пошли, пацаны...

Обрывок этой беседы и услышала случайно Валентина. «О, будущие шофера и механики будут — это интересно. Это у нас на селе приветствуется. Кому-то повезёт...» — подумала и вышла из конторы.

Честно сказать, парней в посёлке действительно не хватало: местных — по пальцам сосчитать, приезжих тоже маловато. Ждали военных водителей и шоферов из самого Ленинграда. Девчонок — хоть отбавляй, молодых женщин — тоже. Но пока была такая обстановка, что пары не складывались. И, видимо, поэтому одна из студенток финтехникума всю кружилась с командированным шофёром, который был её в два раза старше. А куда молодости деваться?

Работа на току была не интересной. Не было такого энтузиазма, какой изображали на картинах колхозно-совхозной тематики наши художники. Но труд этот был очень необходим — совхозу, району, области, стране и самим себе. Это понимают все сельские жители. Понимали и девчонки, и поэтому не стонали, не охали, не кручинились и не жаловались, а шустро и добросовестно делали полезную работу, изредка отдыхая в тенёчке и переговариваясь для бодрости духа.

После сытного обеда можно было немного поспать. А потом всегда приходила на ум одна и та же мысль, каким будет вечер? «Что сегодня, кино привезут или просто будем песни петь, или опять купаться пойдём?» – такие рассуждения овладевали работницами. Мечтания подогревали тот азарт, с которыми девушки заканчивали смену.

И вот он – долгожданный вечер! Как спустя несколько лет призналась Лида, ребята тоже заметили девчат у конторы – видимо, глянулись, как в деревне говорят. Володя сказал, что парни хотели исполнить такой расклад: Володя будет дружить с Валею, а Коля – «окучивать» Лиду. И в первый же вечер встречи судьба пошла поперёк их желаний: Валя выбрала Колю, а Лида – Володю. Они и не заметили, как это произошло. Но сложилось, как сложилось, и они приняли это.

А Валя долго этого не знала. Каждый день она слышала от Лиды, как бурно развивается их любовь. Лида с Володей действительно чаще и чаще стремились отделиться, уединиться от молодёжи и их общих развлечений. Их видели то за мехтоком, то у ближней рощицы, то на пруду. Лидка бегала счастливая, на ходу словно танцевала, а вот Вале не везло – её знакомый оказался тихим увальнем, добрым, но скучным.

Однажды Володя подвез к пруду с десятком парней и девчат. В кабине у ГАЗа-51 у него были и Валентина, и Лида. Девчонки поражались возможностям начинающих механиков. Их только начали учить, а Володька уже как заправский шофер и работал на машине, и отдыхал уверенно. А вот Николай вначале никак не мог попасть в колею дороги, машина виляла из стороны в сторону. Хорошо, что дороги у нас везде просёлочные, одинаковые во стороны – степь.

...А вот и практике конец. Когда получили расчёт в конторе и прощались на дорогу, некоторые девчонки откровенно рыдали. Парни вели себя сдержанно, но и их охватило волнение – прощались друг с другом, с красивым местом и с памятным летом. Хорохорясь перед девчонками, они настойчиво проводили такую линию: «А не выпить ли нам, братцы, на по-

сошок? Давайте, я к Яковлевне сбегаю...». Ну и выпили вскорее, конечно.

Трудовой семестр закончился, осталось немного времени на свидание с родителями, и – кому куда – в техникумы, в училища. Учёба уже ждала своих героев!

Однако невозможно предусмотреть все жизненные повороты и развороты нашей жизни. Вскоре у Вали умер отец, потом слегла с тяжёлой болезнью мама. Учебу пришлось досрочно оставить, ведь уход за мамой требовал терпения, времени и денег. А ещё хлопоты по дому, со скотиной. Так и получилось, что когда Вале предложили поработать в библиотеке, она охотно согласилась – и малые деньги в хозяйстве были нужны.

Вот уж немало лет односельчане только Валентиной Сергеевной её зовут – уважительно. Не молодая девка давно.

Сватались к ней разные мужики, да неизменными забулдыгами оказывались. Вроде и поживут с тобой недельку, а потом, смотришь, сбежал женишок – привык жить без особых забот, да и дружки закадычные в чайной заждались.

Последний претендент на место мужа не продержался и до вечера. За обедом попросил вина или водки. Валя не отказала, и – началось! Рюмка, вторая, третья, шумок, попытки спеть что-то народное, бредовые речи... Ушёл и не вернулся. Не сложилось. Слава Богу! И этот понял, что в таком прибранном, аккуратном домике, где кругом книги, живописные картины и фотографии чужих людей, ему делать нечего. К тому же, Валентина, как оказалось, спиртное не пила. И полбутылки водки держала почти год. Не хватило претенденту на семейное счастье этой водки – пошёл за другой и провалился! Зато нет худа без добра – от злого виноблудия дом и себя уберегла.

Ничего. Видно на роду ей было написано одной век коротать. Подумала: «Ладно, не мы первые – не мы и последние. Перживём.»

А как-то в Оренбурге встретила с подружкой Лидочкой и узнала страшные новости: в аварии погибла вся её семья – муж умер, детки погибли. Одна она осталась, умом стала слаба,

да и калека. Ой, грехи наши! Больно как! Уравняла их жизнь, только зачем?

...Почти до утра Валентина перебирала в памяти самые яркие события жизни, не совсем осознавая, для чего. И лишь под утро поняла – она точно знала когда-то этого нового читателя. «Спрошу его прямо, кто он?» – решила она.

Однажды этот загадочный мужчина зашёл в библиотеку раньше обычного. Сдал книги, и вдруг открыто заглянул в её глаза. Она чуть не обмерла. Вот когда чего-то ждёшь – ничего не происходит, а только перестала ждать – нате вам! Судьба сподобила – и он заговорил:

– Валя, добрый вечер! Хочу вас пригласить в какое-нибудь хорошее место, но не знаю куда. Давайте поужинаем вместе...

– Добрый! Вообще-то меня все Валентиной Сергеевной зовут. И почему вы решили, что я куда-то пойду с вами? С незнакомым мне человеком?

– Неужели, не помните меня, Валентина Сергеевна?

– Нет, не помню. Долго живу в селе, но вас никогда не видела.

– А я вас видел, знаю и помню.

– И что, вы книги выбрали?

Незнакомец ушёл.

Когда Валентина Сергеевна с Любой вышла из библиотеки, закрыла дверь на ключ и огляделась, поодаль в свете фонаря она увидела своего упрямого знакомца.

Люба сразу заторопилась домой, ускорила шаги, исчезла...

– Можно вас проводить, Валентина Сергеевна?

– Ну, проводите, коли не шутите.

– Не шучу.

Они медленно пошли к главной дороге и нужному переулку. А Валентина смущалась – на улице при фонарях светло, и встречные-поперечные здоровались с ней. А ещё и Люба теперь обществом такое наговорит...

Падал снег медленными, увесистыми хлопьями. И вспомнилась песня её молодости, в которой влюблённые идут в снего-

пад по переулку. В сердце что-то оттаяло, и музыка незаметно захватила душу. Вале действительно вдруг стала очень хорошо...

– Валя, а ведь это я, Володя, Помнишь наши встречи на втором отделении? Тогда я выбрал тебя, но ты выбрала Николая.

– Помню, – вдруг неожиданно твёрдо ответила Валя. Хотя, если откровенно, вспомнила мало: – Лето то красивое и молодое, в котором проходила практика; Лиду – подругу её молодую; бодрые труды на току, своего парня – Николая... Так это же Лидкин парень! Лида за него замуж вышла, а потом он, вроде бы, погиб! Как же так? У них и дети погибли... А сказала вслух: – Как это было давно...

– А я, Валя, с той поры только и думал о тебе. Там, в Оренбурге, твоя подруга снова поменяла нас. Она вышла замуж за Николая... Жаль, погиб человек. А я всю жизнь тебя вспоминал: и в армии, и потом – на БАМе, и в Забайкалье, и в Казахстане. Сделал огромный круг по стране, а сейчас временно обосновался в Оренбурге.

– И почему не приехал ко мне?

– Ударные стройки захватили. Я ведь механиком по путевым и строительным машинам на железной дороге был. Поэтому всегда на стройках, на «окнах», в прорывах – мы шли первыми по таким делам. И ни кола, ни двора, ни родной души у меня нет, кроме старой гитары. Я ведь детдомовский...

– Вот как? Первым делом – тепловозы, ну а девушки?

– Девушки, не скрою, были. Но ни с одной так и не сжился. Девушкам кроме хорошей зарплаты нужен домашний уют, а кого уюта ждать от разъездного механика, не было такого счастья – только вагончики, общежития... Да, девушки были, но жениться фотография твоя мешала.

– Это как?

– То сам гляну на фото – и нет тебя лучше. То женщина фотографию твою заметит и, глядишь, сразу уходит, добровольно.

– Дела! Как это, я же не Бриджит Бордо, не какая-нибудь звезда...

– Вот как раз звезда! Моя звезда!

— Владимир, ну ты же здоровый человек. Как это в таком возрасте у нас с тобой может что-то путное сложиться?

— Для меня всё сложилось тогда, четверть века назад. Только к финишу я двигался слишком долго. Прости...

— Ну, а я и вовсе тебя не ждала, — отрезала Валя.

С годами у Валентины появилась некая форма самозащиты от назойливых людей: резкий отворот от ворот. Без особых слов. Родные ворота как раз были рядом.

— Спасибо. Спасибо, что проводили. Прощайте!

Владимир поймал её руку в варежке и почти взмолился:

— И это всё? Мы больше не встретимся?

— Нет. Ни к чему это.

Сказала резко, выдернула ладонь, а за воротами уже вдруг призналась себе самой — нравится он ей. Быть может, последняя, поздняя, но крепкая любовь к ней заглянула... Но сентиментальничать Валентина не стала — разошлись, и делу конец!

...Ночь опять прошла с бессонницей. Память настойчиво возвращала её в юность, в дни встречи с Володей. Но чёткого осмысления событий не получалось — одни непонятности и вопросы.

А кто он — Владимир, на самом деле? Не мог он столько лет её любить, так долго! Так только в книжках бывает, чтобы читателя тревожить. Наяву всё по-другому, приземистей, реальной... Ничего у них и не сложилось бы. Юность всех уравнивает, а зрелость обычно разводит. С годами даже давних знакомых начинаешь воспринимать и оценивать иначе. И каждый раз человек другой, неведомой стороной покажется. И редко, очень редко кто не меняется...

Прошёл без малого месяц. И однажды Валентина вдруг столкнулась с Володей в центре у газетного киоска. Остановилась.

— Здравствуйте, Валентина Сергеевна. Добрый день!

— Здравствуйте, а что это вы у нас делаете?

— Да вот нашёл себе работу на старости лет. В гараже на автокомбинате.

- У нас? А живёте где?
- Да тут недалеко – квартиру снимаю у одной бодрой старушки.
- И зачем вам это? Вы же не нашенский...
- Теперь уже нашенский, – улынулся Владимир. – Здесь места красивые, рыбалка замечательная – я всё проверил... И вы – рядом, Валя. Зачем от счастья бегать?
- Как вы меня удивили! Неужели, и вправду любите меня?
- Да! Люблю!.. Я могу долго молчать, но если что скажу – не совру.
- Опять в голове Валентины что-то спуталось. Боже, взрослая давно уже, а тут – как девчонка, растерялась.
- Так что будем делать, Валентина Сергеевна? Так и будете без спутников, одна на работу и с работы ходить?
- Вы мне предложение делаете?
- Да!
- А давайте, я подумаю...
- Нет, Валя дорогая, времени на раздумья уже нет. Решай сейчас!
- Валя помолчала минуту-другую, и вдруг твёрдо выбрала любовь: – А давайте попробуем быть счастливыми вместе!

ТУСКЛЫЕ ЗВЁЗДЫ

Рассказ

- Люба открыла Володе дверь, улыбаясь так, будто год не видела и год ждала. Ржаная чёлка выбилась у неё из-под платка, глаза светились, на голубом фартуке – прилипшие кусочки жёлтого теста, мука. Из комнаты слышался плач Оксанки, голоса телевизора.
- Вова, у нас пельмени...
- Прекрасно, – сдержанно отреагировал муж.
- Я и пивка прихватила...
- Володя внимательно посмотрел на Любу: что с ней? Раздевшись, скинув промокшие ботинки, Володя из прихожки шагнул

в комнату, где хныкала Оксанка. И — остолбенел! На диванчике сидел Сашка.

— Сашка! Откуда ты? — зашумел он, тиская друга, как в детстве.

— Приехал глянуть на тебя перед дальней дорогой, — загадочно ответил товарищ.

— Отлично... хорошо, — забормотал Володя, — рассказывай: где ты, что ты, как ты и так далее.

— А что рассказывать? Линяю я в деревню, к своим, навсегда — надоело всё до смерти.

— Постой, постой! Как уезжаешь? У тебя ведь работа, жена, сын...

— Двое уже, — поправил Санька.

— Ничего себе, ёлки-моталки, поздравляю! И куда же ты там, в Медведке?

— Без работы не останусь. Жить будем у моих, места всем в отцовском доме хватит. Доярки нужны, скотники, механизаторы... Детский сад совхоз отстроил, и квартиры даёт. Не пропадём.

— Ну, ты даешь! А я думал, у тебя всё на мази... Сколько же мы не виделись? Лет пять, наверное?

— Что ты? Всего — третий год. Чудак, забыл, как Оксанку обмывали, а сколько ей?

— Точно. В одном городе живём, а виделись за десяток лет раз пять, не больше, — с удивлением и как-будто самому себе сказал Володя, — ладно, сейчас ужинать будем...

Володя пошел на кухню. Люба спешно, так что брызги летели из кастрюли, забрасывала пельмени в бурлящий кипяток.

— Сколько пива-то у нас? — хотел было заглянуть в холодильник Володя. Но жена повернулась к нему и стала на пути.

— Не лезь...

Люба сама открыла холодильник. На верхней полке под морозильником стояла трехлитровая банка с янтарным напитком. Потом откинула дверцу морозилки: там леденела бутылка «Старорусской».

– Ну, что, хватит? – спросила она.

– Это ничего, должно хватить. Хотя... неплохо бы и сбегать: неудобно – Санька с бутылкой, а мы с пивом, – начал рассуждать Володя. Но тут Люба сказала твердо: – Хватит!

Стол накрыли в большой комнате. Володя уверенно обезглавил водку и плеснул в рюмки. Санька потянулся за вилкой. Дымили тарелки. Лещенко в телевизоре непринужденно покачивал микрофоном и чему-то загадочно улыбался...

– За встречу! – произнес Володя, остальные согласно кивнули: звякнули рюмки – выпито.

За столом первым нарушил молчание гость: – Вот это пельмени!

– Нормальные, как всегда. Насчёт чего сварганить, моя Любовь молодец.

– Ладно вам, сначала съешьте, – засмушалась хозяйка.

– Так, значит, уедешь? И как ты решился?

– А что делать? Как нам жить? Своей квартирой не пахнет, и моя Валентина до сих пор забыть не может, как мы жили на одну зарплату после Димки. А теперь – в таких же условиях, но с двумя... Она мне сказала: «Сань, я не выдержу, ты делай, как знаешь». А что я знаю – я сам первый раз живу...

– С двумя, конечно, тяжело. А ваш завод, вроде бы, мало-метражки строит, чего же ты теряешься?

– Метражки... Ты их хоть видел? Четверых туда запихать с мебелью и вещами... – гость криво усмехнулся.

– И, все-таки, хватил ты через край: другие-то живут как-то? – не улыбаясь возразил Володя.

– А я не хочу «как-то»: жизнь проходит.

– Не убедительно. Когда уезжаешь? Может, с тобой своим передадим чего?

– В субботу.

– Прийти помочь?

– Бог поможет.

– Я серьёзно...

– Найдутся помощники. Зачем тебе через весь город переться, Володь? Обойдёмся. Я проститься пришел, чтобы знал ты всё... А если что передать твоим, то давай сейчас.

Все как-то подавленно замолчали. И только телевизор гомонил что-то своё, да лопотала, пробуя звуки на вкус, маленькая Оксанка.

– А пельмени хороши! – продолжил разговор Санька, – Валяха моя классные борщи заваривает, когда мясо на стол перепадает, а Любашка, вишь, мастер по пельменям...

Беседа друзей только началась, а всё было ясно наперед. Люба с дочкой ушла в маленькую комнатушку. Поглядывая в голубой и мудрый колодец телевизора, друзья нажимали на пиво.

– Да, Сашок, начинали мы с тобой весело – кончаем грустно. – Помнишь, хотели вместе в город уехать, на одном заводе работать, в жёны подруг взять, в одном доме жить? Эх, что только жизнь-поганка не вытворяет с людьми! Вот в армии всё было понятно – жизнь по часам и минутам: ни забот тебе, ни хлопот – крепи боевую готовность. А мы на «гражданку» рвались, как больные к врачу на приём, как... А она, родимая... Ну что мы в городе искали? Какие театры и фонтаны? Ты в театре был?.. Ну был, что ли? Сколько раз?

– А что, был! Даже «Ричарда третьего» смотрел – вещь хорошая. И ещё ходил – «Валентин и Валентина» – тоже ничего. Ого! Да я и на «Утиную охоту» Вампилова ходил, смотрел, имя автора запомнилось – театрал почти, ядрена корень.

– Ну, да ты счастливый, хоть и без квартиры. Я раз сходил с цеховыми, и то на муру нарвался. Пива в буфете нет – представляешь! В кино, в цирк ты тоже часто ходишь?

– Видимо, как и ты. Когда ходить? Вспомнишь про культурку, а потом про трамвайные тиски – и на диванчик к телику.

– Во-во! С утра за молоком да за пивом сходишь – полдня нету. Потелепутешествуешь и – на боковую. И по воскресеньям дрыхнешь до обеда, а там чего, завтра – на работу... Сань, может за вторым смотаем, трёшник есть?

– Люба ругаться будет, да и в очереди балдеть...

— Ну, гляди, гляди. А то — смотаем... Погоди, вспомнил, спиртик у меня есть — заводской, — Володя перешел на шёпот, — на лоджии не допили с соседом, я и припрятал от Любки. Яблоками закусывали на свежем воздухе. Она так и не поняла, как это мы надрались.

Володя встал, пошатываясь направился к лоджии: — Покурим, что ли, на посошок?

— Пошли.

Молочного цвета тёплая вода из крана шипела и пенилась. В холодильнике ничего освежающего не было: сырки плавленые, дохлые уже; творог. Кефирчику бы!

Люба и Оксанка посапывали на диване. Володя растянулся на полу, на подстилке. Мельком подумал: «Опять, как собаке, бросила всякую дрянь». Подумал без обиды и тут же захрапел...

Проснулся он в полдень. На кухне гроыхало. Кое-как умывшись, Володя появился перед своими. Дочка потянулась к нему, но встретив странный взгляд отца, отпрянула и, хватнув подол маминого халата, заверещала ещё громче и противнее.

— Ну что, опять? — спросила жена.

— Что? — буркнул Володя. — Выпили, что ль? Так всё в норме.

— А где еще набрались? Что было с пельменями, то вам с моей помощью только на зубок.

— Брось ты! Скривели малость — бывает. Опохмелиться найди.

— Я те найду! Ты помнишь, как Санька уехал?

Володя неуверенно мотнул головой.

— На ногах не стоял. На остановку отвела, в такси посадила. Ты-то вообще расписался. Санька, что ли, припрятал?

— Ладно, мать. Успокойся. Пойдём лучше погуляем. В парк пойдём — покатаемся, мороженого съедим.

— Поедем. Только сначала диван подвинти — на весь подъезд рычит...

— Это — мигом!

- ...и кран в ванной течёт, и шкаф передвинуть обещал.
- На полчаса делов!
- У тебя полчаса на год растягивается... Одеть мне нечего, платье не шито. Оксанке туфельки надо...
- Пошла, пошла... Денег не хватает, не ношу, что ли?
- ...в парк ему. А ты знаешь, что тётя Надя в больнице? Вот на рынок бы надо съездить, да к ней.
- Всё! По твоему наряду сегодня живём, развлекаться – завтра поедем.

Заката не было, как не было и восхода в этой квартире. Горизонт не просматривался уже второй год, хотя имелось три окна. Деревца, машинки, человечки, собаки и кошки – все отсюда казалось нереальным, игрушечным.

А в Медведке? Отсутствовали прелести города, но широко текла размеренная, основательно отлаженная, трудная, но необходимая сельчанам и всем остальным уверенная жизнь. В деревне весь ты на виду. Нужен кому-то с утра и до вечера, и горизонт тебе – на все триста шестьдесят. И закат во все небо!

Не замечал Володя с юности никаких особенных красот. Не замечал? А может, просто подзабыл. Окунулся в городской туман и забыл... Но был же в гостях каждое лето? Был, но это совсем не то, что жить в Медведке: это жир наживать на родительских харчах – ведро воды принести, гвоздик лишний забить не давали. Все десять-пятнадцать дней – наливай да пей, развлекайся – ешь и спи, спи и ешь. А там – и снова в город.

Смяв окурком о железку, Владимир зло бросил его в «бездонную пепельницу», сплюнул и вернулся к телевизору.

Люба уложила Оксанку, успела накрутить бигуди, повязалась платком, отчего сразу обабилась, и в одной сорочке лежала на диване.

– Оставь дверь открытой – душно, – сказала она, – и свет выключи. Телик будешь смотреть?

Передача – сплошная скука. В квартире было действительно душно. Володя встал, нащупал пачку «Беломора», спички и снова вышел на воздух...

Звёзды. Слабенькие городские звёзды – вот и всё, что осталось от той прежней жизни, когда счастье хлестало через край. Но и звёзды переменились, как и вся жизнь Володи. Те звёзды юности были близкими, понятными, хрупкими, как ранетки в саду. А эти – худосочные, холодные... Иначе надо жить!

«Сквозь сон слышно, как что-то шумит, а запах – ангельский! Но под одеялом тепло, вставать не хочется.

– Сыночек, вставай, – почти поёт мама, – сыночек! Оладушки горяченькие кушать...

Мать встала, как говорят, до петухов. И кто не знает, сколько в доме дел у сельской женщины! Но редко, очень редко кто-либо вставал раньше мамы. Печь давно натоплена – тепло, завтрак на столе горячий, молоко парное – к нему, яички свежие, крупные – всё очень вкусно. Вода на лавке – ведро полное до краёв: пить эту воду всю жизнь – не напиться: прозрачная, тяжёлая, холодная!»

Лунный свет плыл к дивану. В его мерцании Володя всё же заметил румянец на щеках жены. Что-то вспыхнуло в нём – юношеское, доброе. Он потянулся к Любе, обнял её и поцеловал на удивление себе нежно. Она придвинулась к нему, но вдруг резким движением отстранилась.

– Жарко, Вов, душно, – проговорила Люба в полусне, – бигуди...

Будто что ужалило Владимира! Нет, Санька прав, хватит так жить! Что-то надо менять!

Оксанка проснулась, но молчала и улыбалась чему-то. Люба еще спала. Под платком у нее всё перепуталось. Володя, как

всегда, закурил натошак и вдруг вздрогнул, вспомнив: иначе надо жить, иначе!

Затушил недокуренную папироску, сделал несколько полузабытых физических упражнений. Побрился, принял душ, растёрся полотенцем, брызнул на волосы одеколончиком. Отправился на кухню.

«Что бы такое приятное приготовить моим женщинам?» – лихорадочно соображал он. «Оксанке омлет сгодится, а нам – макароны по-флотски: была же где-то банка свиной тушёнки. Это будет замечательно! И чай. Такой чай, какой заваривал на службе в армии – густой, но прозрачный, золотисто-вишнёвый, вязущий. За дело! Так, так...».

Вскоре завтрак занял свое место на белом столике. Хлеб, нарезанный «по-ресторанному» тонко и аккуратно, занял центральное место. Соль, вилки, чайные чашки, сахарница – готовы. «Ну, что там женщины?»

Оксанка захныкала, Люба пошла к ней. Было видно, что у Любы трещит голова от боли и постоянных недосыпаний, и ничего-то ей не хочется. Она даже вкуснейших запахов не замечала. И к дочери не пошла бы, если б можно было.

Радость Володи как-то осунулась, сморщилась, но он еще не терял утренней бодрости и надежды на какие-то призрачные повороты в будущем, к лучшему, конечно.

– Подъём, подъём, подъём! – пропел он, – Завтрак на столе.

Люба глянула на него, как на ребёнка малого, но глаза ее просветлели.

– Сейчас. Мы умоемся.

– Быстрее, стынет всё...

– Ох, и вкуснятина какая! Вов, давай меняться: ты – вари, с Оксанкой сиди, а я за тебя зарплату добывать буду, а? Я на самую тяжелую, вредную... И заработаю твои двести рэ, а?

– Ешь, добытчица. Лучше думай, что сегодня делать будем.

– Что? От дома я тебя освобождаю – раз. Загорать – два, квас и мороженое в парке – три. Кино – четыре, кружка пива папе – пять!

Люба загнула пять пальцев и, качнув кулачком перед носом мужа, добавила: – Но не больше.

Жёлто-красный трамвай подошел к конечной остановке. Оксанка, сидя на руках Володи, вскрикнула: – Дядя!

– Ксанчик! – ответно зазвучал знакомый голос. – Вы куда?

Володя и Люба остановились. Дядя Коля и тетя Шура пробирались сквозь людской поток к семейству племянника.

– А вы куда? – переспросила тетя Шура.

– А мы к вам, – широко улыбаясь, сообщил дядя Коля.

– Мы загорать собрались...

– Загорать? Да какой там загар: суета одна – к квасу не пробиться, пива нет. Солнце за облака забежит – мёрзнешь, и в Волге вода ещё холодная. А мы вот пива нашли, – стукнул по канистре дядя Коля.

– Поехали загорать вместе, – предложила Люба.

– Да мы вчера там были: народу – тьма, а толку нет. Честное слово, – добавил дядя Коля, – сколько не виделось, а вы – загорать. Я и рыбку прихватил – воблочку, а? На поляну любимую сходим...

– Поворачиваем?

– Пошли. Надо только домой забежать.

Вместе вошли в квартиру. В комнатах было прохладно. Володя привычно включил телевизор. Мужчины отправились на кухню – покурить.

Закурили.

– Рванём по кружечке, пока бабы там канительятся?

– Рванём.

И рванули. Дядя достал рыбку – вкусна чертовка!

– И на фига нам ихняя поляна, брюки пачкать? И плавков у меня нет – я ведь загорать не собирался, – сказал дядя пле-

мяннику. — И на лоджии можно позагорать, уж скоро солнце появится. Там и пиво прикончим. В картишки сбросимся, а может и на коньячок. Хорошо!.. Хорошая жизнь пошла с двумя выходными...

Мужики прогулялись в комнату: — Вот что, красавицы, не пойдем мы на вашу поляну, ёлки-лампочки, — нам и тут, в тенёчке, хорошо. А вы — идите.

Женщины переглянулись.

— Нам платье надо дошить.

— Ну и ладушки, — улыбнулся дядя Коля, — отлично можно отдохнуть и дома.

СТАРОЕ РУЖЬЁ

Рассказ

Поднялась до самых звёзд и упала куда-то в туманную ложину последняя волна петушиных песен, и снова Ольховка увязла в глухой тишине. Лишь изредка бранились собаки, среди которых выделялся густым басовитым голосом пёс по кличке Чёрный.

Поликарп Васильевич Дерябин шёл по тропке к реке и думал о рыбе: поймать бы сегодня окуньков да линей, да таких, чтобы старуха ахнула. Хотя можно ли удивить чем-либо жену, прожив с нею без малого сорок лет?

Тишина. Птицы поют. Хорошее воскресенье сегодня будет!

Дед был сутуловат и совершенно сед, но жилист и еще крепок. За спиной у него привычно болталась дряхлая двустволка, ставшая почти бесполезной: Поликарп уже плоховато видел, и ружье носил с собою больше по-привычке, чем на зверя.

В ближних кустах черёмухи раздались ребячьи голоса, но самих мальчишек дед не разглядел.

А вот и лодка.

Очнувшийся лес зашумел листьями и заулыбался деду и восходящему солнцу. Ещё прятался в молочной и сиреневой голу-

бизне месяц. Прохладная Самара манила к себе глубиной и свежестью.

Места вокруг были богатыми, а кто, кроме бывшего пастуха и бывалого рыбака деда Поликарпа, знал их лучше? Поликарп с людьми общался просто: на реке все равны, но не каждый мастер, а он, выйдя на пенсию, только и жил рыбалкой, и редкий раз возвращался домой без трофеев.

Поликарп поднял вятель. Вода будто неохотно, с легким шумом уходила сквозь капроновые нити: внутри трепетала полупрозрачная рыбная мелочь, бесновалась лягушка, а в крыле копошились два тёмно-зелёных рачка. И ни одной рыбины! Подрагивающими от волнения руками дед вынул второй вятель — и в нём совсем пусто. Третий уже не хотелось смотреть, однако была пока надежда на удачу: вдруг будет в нём рыбки хотя бы на ущицу. И он был пустым.

Швырнул Поликарп вятель в воду, рванул вёслами раз-другой и развернул лодку к привязи. Уключины жалобно взвизгивали. Вспомнил дед ребячьи голоса, услышанные по дороге, и ухмыльнулся — их работа, точно! Ну, ничего. Оставались ещё прикормленные заводи в реке. Поликарп успокоил себя мыслями о вечернем клеве — приду, мол, посижу с удилишком, к тому времени и в вятеля что-то попадёт — и зашагал напрямиком к деревне.

Он подходил к Ольховке, когда услышал крики и ругань. Миновал огороды, проулок и повернул к своей избе.

За углом, держась за белесый штaketник захиревшего палисада, босиком, в брюках и майке неопределённого цвета стоял сосед — Васька Маслихин. Мотая тяжёлым чубом, он пробовал петь. Жена его, Нюрка, пыталась как-то сдвинуть Ваську с места и затащить в дом.

Вся деревня знала: Нюрке влетало от мужа так часто, как часто он напивался, а пьяным он бывал чуть не каждый день. По бои она терпела, мат не замечала, а вот стыд перед односельчанами переносила трудно, и потому снова и снова тянула своего

баламута к воротам, где лежал без привязи пёс Чёрный, который внимательно и, казалось, виновато следил за каждым движением хозяина.

Васька ухватился за угловой столбик, отмахиваясь от жены, как от назойливой мухи, стал дергать его из стороны в сторону. Наконец, столб был извлечён из земли, а штакетник затрещал, падая. Васька очень удовлетворённо пнул то, что было забором, а тыльной стороной ладони размазал белый налёт на губах.

— Здорово, сосед! — шумнул Поликарп и подошёл поближе, — ты что же творишь? Брось дерево ломать — иди в избу. Не срамись. С позарани нализался, али со вчерашнего воуешь?

— Чё те надо, хрыч? — заорал Васька, пытаюсь сделать грозную рожу и, одновременно, мутным взглядом отыскать обидчика, добавил, — Давай, в-вали... Проваливай! А м-меня не тронь! Не тронь! Я честный работага. Пью на свои. Ты меня не поил и не учи... хрыч. А ружжом своим не пужай: им токо из-за угла стрелять по бане.

Маслихин, входя в роль оскорбленного, откровенно любовался своим «красноречием».

— Этой погрямушкой тока ворон пугать. А вот он, — Васька указал на пса, — плевать хотел на старого хрена с ружжом, и я тожа... Взять его, Чёрный!

Шерсть на загривке пса вздыбилась. Он молча встал, оскалил зубы. Заворчал, но не сделал и шага.

— Не надо, Вась. Одурел совсем? — Нюрка хотела поймать Чёрного за ошейник, но не успела.

— Взять его! Фас его, фас-с! — голос хозяина звучал неумолимо.

Пёс, не глядя Поликарпу в глаза, бросился на деда и получил удар сапогом в пасть. Всё, вот теперь Чёрного не остановить! Он напал на Поликарпа справа и слева, увертываясь от сапог и ружейного приклада, разорвал дедовы штаны и всё больше распалялся.

Отбежав, Чёрный выбрал момент для решающего броска.

...От выстрела пёс перевернулся в воздухе и плашмя, словно мешок с мукой, хлопнулся наземь. Жуткий вой, переходящий в тихое поскуливание, заполнил деревню.

Васька, мгновенно отрезвев, закричал на деда:

– Скотина! Собачку, такую собачку загубил... Чёрный, Чёрный... Я на тебя в милицию заявлю, но сначала харю намою: будешь знать, как моё добро губить!

– Чего гудишь, дурак, – перебил Маслихина дед, – иди – проспись. Это – тебе наука: не будешь пса распускать и пьяной дурью маяться. Как бы тебе еще мозги выбить да умные вставить?

Уже обезумевшая, перепуганная Нюрка, предвидя неминуемую драку, запричитала:

– Люди добрые, чего делается? Убили-и! Обокрали, гляньте, люди, убили. Ой, убили!

Из соседних дворов давно повыскакивали бабы, за ними вышли мужики. Постепенно плотным кольцом обступили спорище.

Поликарп совсем спокойно ждал приговора деревни. Он верил в свою правоту, но знал, что не все земляки его любят. Вон как у Михалёнка кулаки чешутся – позапрошлой весной дед снял его сети и сдал их в сельсовет, а подвыпивший хозяин снастей стал требовать их у председателя. Порядочно тогда штрафнули Михалёнка, и сети конфисковали. Евсеев тоже рукава засучивает: и на него дед писал докладную за то, что уток постреливал во время гнездовья. И ещё кое-кто косо смотрит.

– Бить его, бить! Сволочь он! Пусть неповадно будет собак хозяйских стрелять, – начал было Михалёнок, но его остановил Акимыч.

– Осади! Осади, тебя самого есть за что лупить. Стойте, мужики, разберём всё, как полагается.

– Правильно, верно, – зашумели люди, – надо разобраться.

– Точно! Я все видела, все: Нюрка, значит, выходит...

– Водка. Была б моя воля, я её...

– А сам-то что, али совсем градус не принимаешь?

— Раньше пил, но и тогда меру знал, а Васюха...

— Пошли к сельсовету, Поликарп Васильевич, там и расскажешь всё, там и разберёмся...

Люди шли вдоль улицы, рассуждая о случившемся, как вдруг Васька Маслихин схватил деда за плечи и ударил головой в спину. Дед упал. Подскочил Евсеев и навалился на Поликарпа.

Крики, удары...

Никто потом не мог сказать точно, как получилось, кто виноват, но только выстрелило ружье второй и последний раз в это злополучное воскресенье, подытожив всю Поликарповскую жизнь.

Хорош был патрон в стареньком ружьишке — порох сухой и дробь калёная: угодила дробь Маслихину в левый глаз. Бог шельму метит! Дернул Васька головой, упал и затих. Сквозь побелевшие пальцы сочилась кровь. Мужики и бабы онемели.

Первой пришла в себя Нюрка и бросилась к мужу.

Поликарп медленно встал, машинально отряхиваясь, и на ватных ногах побрёл к дому. Люди расступились.

А потом Поликарп долго, очень долго сидел на порожке дома в странном оцепенении, не замечая расспросов жены. Глуховатая его бабка Надя так ничего и не поняла, но почувствовала, что в дом пришла большая беда.

Медленно приподнялся Поликарп, огляделся и побрёл, сам не зная куда, вышел за огороды и направился в сторону реки.

Он без особого труда отыскал лодку, отвязал её, толкнулся веслом. Лодка вышла на стрежень, и Поликарп выбросил вёсла. Теперь они не нужны. Пусть лодка плывёт, куда хочет.

Уплыть, спрятаться, забыться! Проклятая память упорно возвращала его в Ольховку к маслихинскому палисаду и подсовывала ему то оскаленную собачью пасть, то выпученные Нюркины глаза, то Васькины пальцы в крови. Щемило сердце... Кто виноват? Почему за ним не пришли? Что с Васькой, жив ли? Добра хотел Поликарп, добра, а что получилось? И на кой чёрт носил он это ружье?

Виноват! Виноват, виноват!

Лодку уносило течением.

А в это время к избушке Дерябиных подкатил милицейский мотоцикл. Участковый донял бабку вопросами: где муж? что он делал с утра? где его ружьё и документы?

– Ничего не знаю – ушел, не сказамши... – шептала старушка, утирая слёзы тёмным платком.

Ничего не добился следовать от бабки Нади, взял какие-то бумаги, ушёл. Поспрашивал соседей, записал показания свидетелей, отыскал и прихватил пыжи на улице. Прихватил и поликарповское ружьё, что сберёг конюх Акимыч. Уехал в район.

Поздно уже в Ольховку вернулась Нюрка и рассказала, что мужу сделали срочную операцию, что жить он будет, только глаз, наверное, вставят искусственный, что в палату её не пустили, что Поликарпа-злодея обязательно определяют в тюрьму...

Женщины послушали-послушали, распрощались и пошли доить коров. Одна из баб облегчённо сказала: – Слава богу, коли жив! Давно в Ольховке такого не было. Не помнишь, Клавдия?.. А Васюха и слепой мимо магазина не пройдёт...

– Да...

В понедельник утром Поликарп постучался в дверь районного прокурора. Постучался и вошёл.

БОГ ШЕЛЬМУ МЕТИТ...

Или легенда о том, как снежная буря оренбургскую мастерицу-пуховницу от злого поругания спасла

В одной оренбургской деревушке долгим зимним вечером поведали мне такую историю...

Жила-была в селе Казанка, а может быть и в селе Буланово, знаменитая на всю здешнюю округу мастерица-пуховница красавица Алёнушка. И мать у неё была пуховница, и бабушка, и прабабушка, и все – с детства. Вязали хорошо – с душой, но Алёна по всем статьям превзошла и женщин своего рода, и соседушек, и пуховниц иных селений да станиц.

Как свяжет она платок да выставит на погляд, к ней очередь в двери стучится: продай, мол, скорее, никаких денег за твое чудо не пожалеет!

А платочек-то действительно одно из чудес света: кипенно-белый с еле заметным зоревым отливом, со звёздочками-искорками во всю ширь платка (огоньки так и бегают, сверкают, лучиками переливаются!), а петельки — одна к другой так и ластится, и все одинаковые, и каждая — на своем месте... А узоры на платке — загляденье: ну прямо рассказ, понятный каждому человеку, — о бесконечной красоте любимого Оренбургского края, родного села Буланово (или Казанки?) и его окрестностей, о доброте родителей мастерицы, о достоинствах того казака, которому казачка сердце отдала бы, да нет его — скачет где-то сквозь ледяной ветер в глухом Сибирском краю, а о любимой и вспоминать некогда... Вот и капают бриллиантовые слёзки на чистый платок — кап, кап! И рассказ мастерицы о Вселенской большой любви, пока еще несостоявшейся, в песню да в платок пуховый родниковую водицей переливается...

Дошла слава Алёнки и до отдаленного крепкого села Белозёрка, где жила и единолично правила всем и вся помещица Бескудова. А была она — спесивой, своенравной, завистливой — ну чистая Салтычиха из классической литературы!

И захотелось Бескудовой занять самый красивый пуховый платок на свете, а чтоб и у Государыни такого не было! Приказала она срочно заложить самую горячую тройку коней, завернулась в обильные шубы и — айда к мастерице в Казанку, что ли, а может и в Буланово. Верхами за ней отставной солдат Савелий еле успевал.

Приехала помещица к мастерице Алёнушке. Без очереди в дом вошла, да и с порога заявила: показывай, мол, самое прекрасное изделие, продай — хорошие деньги заплачу...

А и развернула перед помещицей Алёнка свой новый товар! — Баской-то платочек, узорочье знатное... кайма-то, как наш зимний окоём... да уж, краше этого платка у нас не было... — загалдели люди из очереди, да и те, кто платок в окошко

увидел. А Бескудова и сама узрела, что цены полной изделию нет. Вцепилась в платок, скорее сунула Алёнке в руку две сотни рублей, да и к выходу.

Алёнка не перечила, лишь вздохнула — цену большую дали, достойную, да и стала людям остальной товар предлагать — паутиночки, палантинчики, пояски да перчаточки. Вмиг всё было распродано, а у мастерицы в запасе новые и новые задумки есть. Роятся, теплятся — выхода ждут.

По дороге домой Бескудова взгляд от платка не отрывала. Да вдруг как встрепенулась и тройку остановить велела. Подозвала она Савелия да и говорит: — Ступай, воротись, да к ночи ослепи девку-то! Не дай бог, она платок лучше этого свяжет да соседям продаст! Меня унизит... Не сделаешь — убью самого, в Сибире на каторге сгною и до родни твоей лапотной доберусь... Быстро сгинь, сволочь!

Делать нечего. Поскакал Савелий обратно. А солнце яркомалиновое уж в сизую мглу прячется. И скоро такая снежная буря разыгралась — не видно ни зги! Дорога под ногами коня исчезает. Помолился Савелий Богу, да и отпустил уздечку — должен коняга какое-никакое живое поселение найти...

И пришёл конь в село, к хорошему дому, да Савелий камнем из седла выпал, бездыханный почти — замёрз! И стало его мелким снежком засыпать. А утром девица пошла по воду, да видит — бугорок не на месте, а рядом вроде шапка солдатская. Разгребла она бугорок, а под снегом человек, и ещё дышит как-будто...

Так вот по воле Божьей и получилось всё: Аленка спасла от смерти лютой солдата Савелия; спасла того, кто ослепить её должен был — напрочь и до конца жизни. А вон как вышло-то...

Ну и чем дело кончилось?

Савелий коня нашёл да и в Белозёрку — сказать помещице обманные слова, что приказ, мол, выполнен. Ну не смог он спасительницу свою обезглавить! А в крайнем случае решился Савелий на побег от Бескудовой — в разбойные вольные места, что еще кой-где остались по России.

Ну а Бескудова не поверила, конечно, и решила сама съездить в Буланово еще раз — убедиться, что мастерица уже без глаз.

Ехала она, ехала, в платок дорогой, как царица принаряженная. Да вдруг тройку разбойники остановили. Возницу скрутили, зажали. Ну и лихоимцы принялись у Бескудовой кошельки с деньжищами искать, перстни, кольца, серьги срывать, да и платок драгоценный снять захотели. Да не тут-то было: откуда у бабы сила взялась — скрючила она белые пальцы на шее, вещь не отдает, так этим платком разбойнички её и задушили.

А Алёнка до самого высшего мастерства дошла, её платками да палантинами, считай, почти треть России была украшена да утеплена, да обласкана. И слава её преумножилась лучшими ученицами. И до нас — до современности — дошла. И сейчас найдёшь, если захочется, замечательные изделия оренбургских пуховниц на любой вкус, в которых слава Алёнкина и её талантливых продолжательниц так и сверкает, так и светится, как чистая душа самой мастерицы!

ПЛАТОК ОТ ЕКАТЕРИНЫ...

Или былинка о том, как с оренбургским изделием можно своё будущее счастье наладить

Жили-были две подружки, не разлей вода. Катька и Анфиска. Куда одна, туда и непременно другая, как иголка и нитка. Только кто из них иголка, а кто нитка — не разберёшь. Обе отчаянные, заводилы, в друзьях-сотоварищах только озорные пацаны...

И всё девчонки умели — по хозяйству там; во саду ли, в огороде; шитьё какое справить; вкуснятину домашнюю приготовить — запросто! И то Катька в деле впереди, то Анфиска... Да чего там, лошадь могли в телегу запрячь, на коне верхами по улице форсачнуть — и это им семечки! Одно слово — сугубо станичные девчужки, боевые, природные... Такая замуж за кого пойдёт — осчастливит. И красотой, и добротой, и нравом, и умением, и разумением.

Только не думали пока девчонки об этом, о замужестве, казакovali всё лето наравне со сверстниками, будто оно последнее в их сумасбродной юности...

До поры, до времени казакovali. Пришла в станицу червонная осень — с плодами, подарками и неясной печалью. Может, оттого, что зима скоро, холода... Катька с Анфиской что-то реже встречаться стали. Катька рукоделием вместе с бабушкой занялась, платок превосходный удумала связать. А Анфиска сильно о судьбе будущей задумалась: что там впереди? Потянуло её из родимой станицы в какую-то неведомую даль, да и то — за пределы станицы не выезжала. А что там, за её пределами? Может, счастье стоит-ждождается?

Уж и снег первый выпал. Об эту пору объявился в станице парень молодой, видный, но не казак — агроном простой. Квартину снял, работать стал, сказал, что от красот здешних не уедет, что сразу к этим местам душою прилепился... Да и отличился тут же: у соседей дом без присмотра загорелся, так он всех четырёх ребятишек и вытащил в сугроб, спас, значит. Задирали местные ребята агронома, а после случая с пожаром зауважали, с казачками молодыми общаться позволили.

И встретились как-то все в одном месте — агроном Григорий, Катька да Анфиска. В станичном клубе. Концерт был самодеятельности, а потом — танцы-обниманцы... И затяжное гулянье на улице под ясной луной.

Ну, хорошее да красивое завсегда друг к дружке тянутся... Так и стояли они у колодца втроём — Григорий, Анфиска да Катька, болтали ни о чём, посмеивались и при обманном лунном свете друг на друга поглядывали.

Анфиске Григорий безоговорочно понравился. Любо! Катька о своих чувствах умолчала. А Григорий то одну до крыльца проводит, то другую начинает провожать... Запутался парень в конце! И Анфиска нравится, и Катька... Делать-то что?

Только со временем Катька что-то из поля зрения агронома выпадать начала, Анфиска же наоборот — то в конторе встретится, то по дороге к почтовому ящику, то на узенькой тропочке

в магазин. Там слово, там словцо, там половинка. И вот уж Анфиска и наряды поехала с матерью в город покупать, на всякий случай, да и новогодье на носу... Всё в руку, всё к месту!

И вот уж бал новогодний в большом зале местного клуба... Встретились Григорий и Анфиса, а Катьки – то и нет пока. Но Анфиска – центр внимания всей предпраздничной станицы: по-городскому разодета – разряжена и сверху, и снизу, и косу срезала – стоит с причесом в короткой юбчонке с голым пупом, ну вылитая модель из блестящего журнала, а чем мы хуже? Чувствует Анфиска, что всем вокруг по нраву, вот и отвлекается на всякого входящего встречного – поперечного: кому привет, кому здрасте, кому ничего... И вдруг в двери показалась Катька – Екатерина!

Высокая, стройная, в серебристом платье старинного покроя. Брови, волосы – чёрные с блеском, как смоль; а на голове, плечах – платок белоснежный, невыразимо чистый, широкий, новенький, узорами да звёздочками сверкающий. Наше – оренбургское изделие. Да чего там! Сама она и связала его от самой сердцевины и до последней петельки-затяжки на кайме. Всё – всё сама сделала, конечно, под приглядом бабушки Василихи. Но узорочье полностью сама выдумала: с морозных стёкол в доме срисовывала, а чтоб на иные непохоже, да и родовые знаки в платке оставила...

Застыл Григорий, аки снеговик в клубном дворе. Глаза широко раскрыты, и то ли дышит, то ли нет... А Анфиска побледнела, но спросила Екатерину:

– Сама, что ль, сварганила?

– А то! Сама, конечно. Василиха меня теперь в мастера произвела – сдала ей экзамены.

– Так вот ты где пропадала...

– Да уж! Очень – то хотелось Новый год в обнове встретить... да и Григорию перчаточки подарить, а тебе, подруга, палантинчик...

И тут Григорий понял, что без Екатерины ему не жить.

И тут Анфиска поняла, что подруга выиграла у неё самое главное и окончательно — жениха хорошего.

И тут Екатерина поняла, что не зря она рукоделье да вязанье освоила — для счастливой жизни с Григорием пригодится.

МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ...

Или былинка о том, как река не смогла девчонку-казачку одолеть

Додельная Дарьюшка третий раз за день шла к речке за водой. Маленькая, ходкая, она шла и радовалась морозному дню. А он, день, — то розовый, то голубой, — улыбался девушке, да подарочки-завлекалочки дарил — то куст, весь усыпанный пушистыми снегирями; то ярко-алые искорки шиповника; то серебряный звон синички-пеночки... По обе стороны от найденной тропинки стоял с ног до макушек заиндевелый лес — весь — несказанная красота! Тут-то Дарьюшка и училась, как на своих платках да палантинах узоры занятные налаживать. Губки её шевелились, и казалось, что девушка что-то тихо напевает... Да, так оно, может, и было: в её роду женщины всегда пели — и на праздник в шесть голосов, и на сборе ягод да яблок; и метельной зимой, когда руки были заняты вязаньем, а душа чего-то подвижного хотела, полёта, может быть! Вот и вошло в привычку — всегда что-то напевать и на отдыхе, и за работой.

Шла Дарьюшка, шла, покачивая большими вёдрами на расписном коромысле, а они, вёдра, по сугробчикам чередили. Ведь мала росточком была девушка, очень мала. Но именно про таких в народе гутарят: мал золотник, да дорог! Уж она и красавица, и работающая, и сообразительная, и вёрткая, как вьюрок...

Шла, да вдруг истошный детский крик пронзил тишину и радость! От реки. И узнала Дарья в диком крике этот голосок соседского казачонка по имени Ванятка. А крик не утихал. И Дарья, отбросив коромысло с ведёрками, уже бежала на помощь.

...Выскочив из леса к реке, она зажмурилась от резкого сверканья освещённой солнышком заснеженной реки. Непода-

леку от проруби в полынье–промоине барахтался мальчик, а второй, Ванятка, метался с ним почти рядом, кричал и звал на помощь.

Дарья мгновенно оказалась около мальчишек. А лёд, ближе к полынье, человека держит, но с каждым шагом жутко пружинит. А одного из казачат уже затягивало под лед — и не подойти близко. И тут она пожалела, что коромысло ненароком выбросила, его–то как раз и не хватало, чтобы утопающему подать... Девушка оглянулась, посмотрела вокруг, но берега в этом месте, как на зло, чистые — ни палочки, ни сучка, ни былиночки. И тут её осенило: скинула Дарьюшка платок, легла на лёд и осторожно подползла почти к самой полынье. Взмахнула платком, он и развернулся прямо в руки казачонку. И вцепился в платок последней мёртвой хваткой мальчишка — для утопающего спасительная соломинка, оказывается, и такой может быть — бело–серой, мягкой, с блёстками! Оренбургский пуховый платок — называется. «А если б палантин на мне был вместо платка, выдержал бы?» — вдруг подумалось девушке...

Потянула Дарьюшка тяжкий груз: платок терпит, а девушке мальчишка не под силу — намокли его одежда и валенки, набухли водой. А помочь некому — Ванятка с испугу в станицу, видимо, убег. Скрылся малец! Но держится утопающий, держится. И тут вдруг она признала в перекошенном от страха белом личике сына своей двоюродной сестры Андрейку.

Слёзы, горячие слёзы Дарьи падали в снег и прожигали его насквозь. И пальчики её покрасневшие и быстро опухшие стали каменеть, и сила из них стала уходить, да не сдаётся казачка — упирается, хотя на ровном ледке и зацепиться–то не за что...

Помаленьку, с воем, выволокла Андрюшку на лёд. Сама замерла, обездвижила, да подумала — замёрзнет же мальчонка, вот он и валенок потерял... Спасла, а он замёрзнет? Протащила его ещё сажени две от полыньи, платком же и обернула, да к станице ходко понесла.

А навстречу казаки бегут. Это Ванятка их с лежанок повыдёргивал — на помощь позвал... Остановились.

— Да как же—т вы так, мать вашу эдак?! — начал, было, шуметь казак Егор.

— Снежок на льду свежий, краёв полыньи не видно, а мы катались с разбега на валенках. Шустро получалось. Да... А Андрюшка сильно разбежался, да и в момент сгинул в промоине... — лепетал Ванятка в ответ.

Ничего. Отживел Дарьюшкин племянник, и не заболел даже, а через год и забыл про этот лихой случай. Только Дарьюшка ничего не забыла: в новом ее изделии от каймы к серёдке — и снегири, и шиповник, и деревца, и речка, и казаки, и душа её лёгкая, и Ванятка с Андрюшкой — до скончания веков живые!

ОГОРОДНАЯ ИСТОРИЯ...

Или былинка о чёрной женщине и светлом платке

Мария привычно копалась в огороде и не думала почти ни о чём. Надо было к вечеру прибрать плети, ботву, вскопать грядочку под чеснок... Вспомнился вдруг недавний разговор в автобусе двух слегка поддатых мужичков. Тот, помоложе, утверждал: «В Пензенской области сажают картошку в зиму, под снег... получают большие урожаи... колорадский жук с такой картошкой ничего поделатъ не может... фитофторой она не болеет...». Не поверила Мария досужим разговорчикам, уж больно непохожими были ладно одетые мужики на сельских тружеников. Мелют языком чего попало... А тут вспомнилось и подумалось — а не закопать ли на задах ведёрко клубней? Для пробы. А что, в свои сорок пять Мария не утратила вкуса к экспериментам. Почва который год глубоко не промерзает, быть может, и правда урожай привалит небывалый?

Мария разогнулась, поправила концы серого пухового платка и вдруг краем глаза заметила женскую фигурку, отделившуюся от лесопосадки, что скрывала железную дорогу. «Грибы что ль кто—то шукает? Да кто ж это?». С большого расстояния узнать женщину было невозможно. И одета как—то странно, не по—нашему, не по—русски. Да и за грибами не наклоняется, а в руках

ноша какая–то. Не лукошко...». Мария машинально продолжала свою работу, а женщина в длинной одежде явно двигалась в её сторону.

...И подошла к самой ограде. Встала. Тёмные её накидка и одежда парусили под ветром. На фоне свинцово–серых косматых туч силуэт незнакомки был все же темнее. Лицо её, руки тоже были смуглыми и усталыми. «Не цыганка, хотя и похожа... Ой, не наша какая–то, не беду ли за спиной привела?.. Да не смерть ли моя пожаловала?». Мария была в меру суеверной, но ведь хворала на неделе, а соседка ещё вчера страшала её неизлечимыми болезнями да напастями. И вот — докалякались.

А чёрная женщина молчала... Вдруг из тряпья её, что было в руках, послышался слабый писк и такой же невыразительный тихий кашель. «Ребёнок у неё... Бог ты мой, да как же я не сообразила сразу?! Чего–то у них не то».

— Ну, здравствуй! В избу айда... — словом и жестом Мария позвала женщину в дом. И не получила и полсловечка в ответ. Повернулась и пошла, услышав шаги за спиной. Вместе взошли на крыльцо, вошли в полутёмные сени и в тёплую избу. Мария засуетилась: «Ой, накормить либо надо, щи, что ли, разогреть...». А чёрная женщина жестом показала, что хочет пить. Мария подала ей полный ковшик свежей воды, а сама засуетилась у газовой плиты и небольшого холодильничка. Ребёночек снова закашлял и пискнул, как мышка. Мария взяла его из рук матери, слегка развернула и положила на мягкий диванчик. «Боже ж ты мой, да ведь младенец–то болен — лобик горит, дыханье частое и резкое...».

— Врача позвать?

А в ответ опять молчанье.

— Чего молчишь? Садись, поешь.

Мария нарезала хлеба, в миску плеснула наваристых дымящихся щец, подвинула к столу табуретку. Рукой показала женщине: «Садись! Поешь!». И чёрная поняла, однако замотала головой — нет, мол, нет... И повернулась к выходу. Мария запуталась: «Чего ж она хочет, на двор сходить, руки ополоснуть... пусть идёт.

А я ей платочек свой отдам. Наш-то оренбургский пуховый любуую хворь снимет». Она действительно извлекла из шифоньера наружу подарочек мужа покойного. Купил он ей к сорокалетию новый и дорогуший светлый платок в Оренбурге, а случая надеть да пофорсить всё не представилось – заболел вскоре Степан: разгружал вагоны с досками на станции – вспотел, озяб, заболел к вечеру, а к утру уж помер... и скорая опоздала, пока сквозь снежные заносы пробилась. Как знал муженёк, что скоро оставит её вдовой, вот и подарил настоящее чудо, денег не пожалел. Спасибо Степану, да чего теперь без него прихорашиваться – не царевна–лебедь. Отдать подарок чернавке с младенцем – пусть Стёпку добром поминают...

А женщина всё не возвращалась. Малыш пискнул. Мария завернула его в платок, и почти сразу ребёнок уснул, и дыхание стало ровнее. «Надо же их все–таки накормить, а то сгинут опять где–то в наших степях». А женщина не шла...

Мария вышла во двор – никого! Точно, никого – ни в сараях, ни в баньке, ни в огороде, только ветер и ветер. Тут и кольнуло под сердцем: «Ой, да она ж подкинула мне дитя... И чего я делать–то буду... Господи!»

Мария вернулась в дом, попыталась припомнить, каким подходящим лекарством ребёночка подлечить. Поправила платок, послуживший спасительным одеяльцем, и заметила, что ребёнок вспотел, уснул крепко, задышал спокойно–спокойно, как вроде наконец–то домой попал. Ну, есть надежда, что выживет... «Мальчонками, что ли, его потом покормить, молока–то нету... Мальчик ли, девочка?.. Беда ли, счастье?.. Говорят, лучшая половина жизни уже прожита, а тут снова, как в самом начале... Ох!».

ПОЕДУ В РОДНУЮ СТАНИЦУ...

Или городская былинка о том, как платочек может слёзы прибрать, да и на путь истинный наставить

...Проводив очередного покупателя, Тая решила перекурить у открытой форточки. Да и не решала она ничего – машинально подошла к окну, достала сигареты, зажигалку, прикурила и затянулась... Крепко затянулась, примерно так же, как и задумалась. Ах, что-то в этой жизни всё не так, всё не так! Хотела судьбу иную, а жизнь, словно дразнит, на первом же перекрёстке в другую сторону руль закручивает – туда, куда и не хотелось совсем...

На покупателей молиться скоро будем. Вон товару завезено – вагон и тележка, а распродать к сроку не удаётся. И не потому, что денег нет, а потому, что затарился уже покупатель – и вещички у него, и бытовая техника, и мебель, и продукты. Счастливые дефицитные времена кончились. Очередей в большинстве магазинов нет. В иные дни в бутиках и между ними продавцов больше, чем клиентов. Бывают дни, когда за день ни один покупатель не зайдёт. Ну и чего ж тут не закурить прямо на рабочем месте? Подмены нет. В подсобку идти – входную дверь закрывать надо. На улице курить – холодно, неприятно. А в магазине и тепло, и без лишних хлопот, да и при деле. Дверь заскрипит – окурочек в форточку, ручкой два раза махнул – и кто тут курил? Никто не учует – все курят. Вон те, что продуктами торгуют, в обед и пивка рванут, а то и крепче чего. Да и босс с ними не прочь порезвиться. Чего ж бояться сигареты?

Покурила Таисия, поразмышляла о жизни своей брэнной, а беспокойство не ушло. Всё наворачивалось оно таким же большим комом, какой во дворе напротив накатали для создания снеговика мальчишки. Неясная печаль о чём-то хорошем, будто бы не свершившимся по её Таискиной вине...

Институт провалила по глупости – несерьёзно относилась к учёбе, пропускала занятия. И когда ей говорили: «Студентка Хохлова, мы вас отчислим за неуспеваемость!», она воспринимала это с недоумением – кто студентка, я студентка? Да, я Хох-

лова, но не студентка... разве так постигают будущую профессию? Ну и пошло всё «по плану» — академический, исключение и как спасение — замужество!

Вот встреча с Юркой — это было решение всех-всех проблем. Офицер — молодой, ростом под два метра, красивый. Зарплата стабильная, квартиру сняли, а свадьбу почти «замыли» — друзей — то в городе не было. И началась счастливая семейная жизнь — люби его, Юрку, в свободное от службы время сколько хочешь!

Долго любить не дали: поехал Юрочка в Чечню, там и пропал вскоре. И стала Таисия молодой вдовой без детей и плетей. Ничего от той любви быстротечной не осталось — ни дочки, ни сыночка, одни фотографии...

А через год после Юрочки заехал как-то к Таисии почти такой же молодой, почти такой же красивый и тоже офицер — Сергей. Приехал к ней под вечер, слегка поддатый, с дежурным пакетом выпивки и закуски. С порога заявил, что он — Юркин товарищ... Впустила его Таиска на свою беду. Разведённый оказался, брошенный, и дочка у него была, и запил он от результатов семейной жизни «по-черному». А Таисия впустила, оставила до утра, и он остался почти на три года...

Но не смогла Таисия стать Сергею настоящей любовью, хоть и родила ему двух детей. Уж слишком он много пил... и слишком любил свою бывшую. Вот и расстались в один день без объяснения причин, и исчез Сергей в нашем бесконечном многолюдье.

А Таисия детей к няньке пристроила, да себе вторую работу пробить смогла в этой самой «Алании», где в одиночестве сейчас стоит и жжёт свои пальчики горящим фильтром сигареты. Она и не заметила, что за одной сигареткой искурила еще две, потому что жалко себя стало, своих детей, свою загубленную жизнь и красивую мечту — стать известным художником-дизайнером... А помощи — ни от Бога, ни от родного порога. Да и не писала, не звонила она в свою далёкую оренбургскую станицу — хорошего сказать нечего, а врать Таисия не умела.

А вот и хозяин в двери нарисовался. Грузчики с коробками вошли — принимай-ка, хозяйка, товар!

— И что за товар сегодня прибыл?

— А ты открой да посмотри! Товар, что надо...

И заглянула Таисия в один из пакетов, развернула содержимое и остолбенела, узнав с детства знакомый особенный рисунок оренбургского пухового платка! И не просто платка, а ручной работы из Саракташского района, где когда-то жила Таиска...

— Вот и забанкуем с этим товаром, спасём свою торговлю, ни у кого из соседей такого товара нет...

— Глянь, какие тыщи стоит! — переговаривались грузчики, увидев какие ценники к платкам вырисовывает хозяин.

А Таисия вдыхала и выдыхала с детства знакомый запах готового платка и сквозь усыпанные слёзы всё пыталась дочитать фирменную бирочку... Да она-то вмиг прочитала фамилию мастерицы — «Каталкина», но не поверила и вот теперь сквозь бисер горькой влаги и блики от ворсинок всё перечитывала и перечитывала такую простую и дорогую фамилию своей родной тётки. Она это — одна она была с такой фамилией известная на всю округу платошница. Вот и до северной столицы России её изделие добралось...

Да и прямо в руки родной племяннице, чтобы вспомнила о своих умениях, мечтаниях, чтобы вспомнила родную степь, родную станицу да отца с матерью. Сама Таиска умела вязать, пожалуй, не хуже, чем тётка Валя, да вот грамотной художницей захотелось стать, а город неласков — в объятья свои не принимает... Запуталась Таиска в жизни городской, заплутала в суете чужой, непонятной, а ведь если вдуматься, в жизни всё просто, как схема узоров платка, ведь понимала и читала когда-то эти схемы Таисия с полунамёка, хотя сторонним людям совсем непонятные. Нарушила она старинное казацкое правило: где родился, там и сгодился. А с её-то умением вязальщицы можно жить и горя не знать, и детей поднять, и не бедствовать...

— Отдай мне платок, Николай Николаевич, вместо зарплаты, под расчёт... Всё, не работаю больше у вас... не могу... поеду в станицу!

ЗАЯЦ

Рассказ

Галинка длинно смотрела в полную луну, как в зеркало, почти не мигая, и столько, что ей показалось, будто никакого ночного светила и верного спутника Земли нет, но есть тайный выход из жутко-чёрного мира, где существовала девушка, в мир неведомый и светлый, в котором действительно можно жить.

Зеленоватая ночь позванивала цикадами и вязкой тишиной, и лишь изредка на окраине села завывали несчастные собаки, да волнами, дробно доносился до Галинки далекий музыкально-африканский шум. Галина не ощущала похолодания, ибо щёки её вишневели от слёз, а сердце горело злостью. И никто, слава Богу, не видел заплаканного лица, никто не слышал запыхавшегося от перестуков девичьего сердца.

А случилось... Пустячок! Ну, для всех Галинкиных подруг, как они твердили наперебой, пустяк, а для нее — горе: из-под носа увела судьба у девки парня. В прах вся любовь рассыпалась!

Приехала Галинка от больной тётки, у которой недельку лишь и пожила, город «путём не видела», а на переезде Валентина с подружками встретила её, да и без обиняков брякнула: — Женишок ваш... ввечеру к другим плетням ходит...

«Какие плетни? Кто ходит? Куда?» — водоворотом закружились обжигающие мысли, а вслух Галинка спросила:

— Куда... ввечеру? Обалдела, что ли?

— Серьезно, Галин! — заторопилась высказать подробности подруге Валентина. — Пока тебя не было, Юрочка с поля к Сорочке бегал, а из речки — к Любке. Думал, никто не увидит, да не одна я видела: все!

— Ты... врешь!

— Серьезно, Галин, когда я трепалась?

– Ну и...

– Ну и утречком, значит, от Любки к комбайну. Здоров паразит бегать-то!

Подружки, стоявшие вокруг, легко рассмеялись, а Валя наконец-то заглянула в глаза Галинке и обомлела: зрачки у неё расширились, зачернели, а лицо – как молоко!

А Галинка уже смотрела вдаль и видела что-то своё – страшное, противное. Вихрь от бегущих вагонов поезда вскружил ей смоляные волосы, отчего Галинка стала ещё красивее.

Она забыла о чемоданчике и сетке, повернулась к опорожненному железному пути, спотыкаясь, переступила через рельсы и пошла в глубь поля, на пригорок, не уменьшаясь, а будто увеличиваясь в росте.

Не уронив вслед ей ни слова, девчата остались у Галинковых вещей, запоздало осознав, что где-то переборщили с новостью.

Тем временем, ничего грустного в жизни не ведавший Юрочка работал привычно, даже с энтузиазмом – с тем самым подъёмом, который вспыхивает у работника, впервые познавшего цену себе, своему труду и размеры оплаты за работу.

Можно сказать, что настроение у Юрочки было в полнейшем порядке, если бы не сквозила в мозгах время от времени едущая и даже виноватая мыслишка: «А Галинка приедет... ни сегодня-завтра вернётся... скоро приедет Галинка».

«Енисей» шёл ровно, без лишних остановок, но когда в Юрочку впивалась с особой силой эта мысль, парень забывался, и комбайн слегка зарывался в сторону от скошенного валка...

Она, эта беспокойная мысль, и помогла ему вдруг заметить на поле неяркую женскую фигурку. «Галя!» – чуть не вскрикнул Юрочка. «Она! Всё знает! Что делать?» – задрожало и всполошилось в повинной голове. Он ещё не готов к такой встрече...

Галя шла наперерез комбайну, и когда до неё осталось расстояние ясного взгляда, когда Юрочка смог прочитать в её глазах кто он и что он, машина как бы сама собой заглохла, остановилась, а её хозяин, не помня себя, соскочил на землю и бросился бежать.

Он бежал, не выбирая направления, бежал и тогда, когда сообразил, что бежать надо к озеру. Добежал до первой ивы и с шумом упал в камыши.

Галя подошла к громадной «машиняке», словно во сне, одернула-расправила пух колосьев в жатке и, так же, будто сонная, поднялась по трапу в кабину «Енисея». Запустила двигатель и, всхлипывая, повела комбайн вперёд.

Так получилось, что из пяти комбайнов ученической бригады, работающей на Петровском поле, никто ничего не заметил. Подмену обнаружил лишь один человек – учитель, а по страдающему времени – многоопытный водитель «Нивы», Иван Васильевич Лапин, отец Юрочки.

«Енисей» шёл на повышенной передаче, рывками, виляя, и Иван Васильевич испугался – не выпил ли сынок какого-нибудь потайного вина? Стыд-позор головушке!

Иван Васильевич остановил свой комбайн и закрутил-завертел руками, как мельница, делая знаки «Енисею» прекратить это отвратительное безобразие.

...Галинка в смятом и потемневшем платье медленно подошла к Ивану Васильевичу, попыталась что-то сказать, не смогла и упала ему на грудь.

Совершенно ничего не понимая, старый учитель поддержал девушку, чтобы не упала, молча и без слёз заплакал душой ей навстречу. «А Юрка где? Почему в „Енисее“ Галинка? Чего она плачет?»

Из некошеной покуда полосы ржи неожиданно порскнул желтовато-серый заяц – отчаянно подкинул себя ввёрх и чесанул поперек валков к озеру.

– Что стряслось, Галинка? – спросил учитель.

– А вон, как заяц, так же... и туда же побегал... Юра... – после мучительной паузы ответила девушка.

– Зачем?

– А вы не знаете?

– Нет.

– Ну, и не надо... знать вам, Иван Васильевич.

- Почему, дочка?
- Потому что ваш Юрочка такой же... да, точно такой же...
- Опомнись, Галя, что ты хочешь сказать?
- Ничего не хочу... не могу.

Учитель и ученица смотрели в сторону озера.

– Откуда же взяться разумному, доброму, вечному, если и ваш сын... – Галина задыхнулась, не находя подходящего слова, – предатель?

Иван Васильевич не ответил. Только сейчас он понял, что нехороший слушок о сыне, блуждающий по селу, пожалуй, неприятная правда.

Иван Васильевич помнил, кажется, все свои промахи и промашки в воспитании детей односельчан за все сорок лет работы в школе. Буквально, все! Но ничего не помнил о сыне... то есть, плохого о сыне не припоминал – было только хорошее.

Галинка пошла через рожь к селу.

Расстроившись до боли в груди, учитель забрёл в тень «Енисея», присел и, чтобы было легче дышать, рванул рубаху так, что брызнули в сторону пуговицы.

...Иван Васильевич пришёл в себя и в неясной мгле перед собою вдруг увидел сына.

Губы учителя судорожно шевелились, а Юра почти безуспешно пытался напоить отца водой из фляжки. Глоток, другой: вода увлажнила колючий подбородок. И, наконец, сын услышал, что пытался сказать отец.

– За... заяц ты. Паршивый заяц... кролик.

Фляга выпала из рук Юрочки. Такого о себе он никогда не слышал, тем более, от отца.

Правды о себе не слышал.

ВОВКА, ТЫ – НАСТОЯЩИЙ

Рассказ

Сегодня Вовка встал поздно — очень хотелось выспаться после воскресных трудов. Потянулся, размялся немного на самодельном турнике, решил позавтракать.

Мать, как обычно, оставляла ему для завтрака трёхлитровую банку молока в ведре с холодной водой и накрывала её большой краюхой хлеба.

Вовка расположился с едой на крыльце. Залпом отпил больше половины молока из банки, а потом отломил кусок от краюшки. Медленно жевал хлеб и запивал утрешником от своей коровы.

Такое простое его пированье стало традицией в семье. Мать доила Красульку, отправляла её в стадо, а свежее молоко наливала в банку для Вовки. Никто эту банку не тревожил до подъёма молодого хозяина. Так и сегодня... А и то — на дворе лето, каникулы, когда ещё выспаться? Ну а как выспался — вперёд за работу, потому что новый дом, хоть и жилой уже, но ещё не достроен.

Вовка дожевал хлеб, допил молоко. В банке осталось немного «на развод», как говорила мама. Телятам, кошке и котяткам. Но, правду сказать, молоко особо не транжирили и прокисшее не выливали — всё в нормальном крестьянском хозяйстве шло в дело. Хорошее молоко сдавали заготовителям райпо, как и сметану, и масло. В колхозный магазин несли яйца. Всем выгодно: продукты сданы — получи сепаратор, керосинку или ещё какую нужную вещь...

Ещё на крыльце Вовка почувствовал что-то неладное. Какую-то гнетущую тишину, даже скворцы сегодня молчали. Он полез на крышу дома. С высоты увидел бабушку — она вышла кур подкормить. Услышал, как мать хлопнула воротами. Наверное, пришла уже с магазина...

Оглядывая горизонт по кругу, Вовка в южной стороне заметил необычную тёмную полосу. Она явно приближалась, росла в размерах и чернела на глазах. Иногда чернота вспыхивала

вспышками света, похожими на блёстки антрацита. Ну, если приближается не конец света, то на село идёт буря. Это Вовка сообщил.

Слезая с крыши, он спросил мать:

– А где девчонки?

– Девочки? Да на речку они собирались. Я и не видела – пошли, не пошли...

Девчонки – это сёстры Вовки. Старшая и младшая, ещё малышка.

Вовка выкатил велосипед, прыгнул на сиденье, как на коня в седло. И выскочил в Колхозный переулок.

Ехал к Песчанке, зря не оглядываясь. Ехал быстро, только за счёт силы ног, а в середине пути ещё быстрее – тут уже ветрище помогал. Буря подгоняла! А у самой речки Вовка уже и педали не крутил, лишь крепко вцепился в руль и следил за дорогой.

На Песчанке – никого. Купальщиков не видно. И Вовка стал выкрикивать старшую сестру:

– Лида! Лида!.. Лида!

Никто не отозвался, а буря темнела и вырывала велосипед из Вовкиных рук. Паренёк спрятался в корнях куста, положив велосипед на песок. Потом поднял майку и натянул её на голову, чтобы пыль не залетала в глаза, рот и нос. Мельком увидел, как тускнело солнце, как в небесной мгле быстро летели солома, пучки травы, ветки с листвою, даже короткие брёвна и небольшие деревья с корнями. Такой грозной он природу ещё не видел.

Буря закончилась быстро. День приходил в норму – небо светлело. Вовка поднялся и снова огляделся, не очень узнавая родную Песчанку.

Деревья и кусты взьерошены ветром. Они все показывали осветлённую изнанку листьев, трепетали и смотрели в одну сторону – на север. Воде не хватало русла – она покрылась оловянными рябинками и выплёскивалась на противополож-

ный берег. Ни птиц в небе, ни людей на пляже. «Где же наши девчонки?» — эта единственная мысль не давала покоя.

Вовка машинально поднял велосипед. Побрёл вдоль залива, и снова стал кричать: «Лида!».

И вдруг он её увидел. Лида поднялась, вышла из овражка, а за ней появились мелкие девчонки — сестрёнка и три её подруги. Все немного ошарашенные событием, но — живые! На них — ни синяков, ни царапин, только широко раскрытые глаза. И только кашель от залётной пыли.

Младшая сестрёнка суксилась — платье потеряла. Красивое платье было. Не нашли... Другие купальщики стали появляться из ямок и кустов, но Вовка их не замечал. Вовке захотелось обнять и расцеловать своих девчат, но он сдержался.

— Вовка, а ты приехал за нами? Ты нас искал?

— Да, искал... Да больно вы нужны — искать вас тут. Куда вы с Песчанки денетесь!

— Вовка, а мы спрятались в ямке, и Лида нас прижала к земле... А ты, Вовка, настоящий брат. Спасибо!

КУПАНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО КОНЯ

Рассказ

После ремонта в мастерских решили съездить на Песчанку и сделать сразу три дела: комбайн почистить и помыть, самим помыться, покупаться, ну и хорошенько отдохнуть перед страдой. Ну, если честно, то это Васька Меренков у нас самый старший и самый мудрый. Он и решил. Мне как младшему другу и помощнику ехать просто обязательно, остальные по дороге прицепились — все с нашей улицы.

Доехали с песней, быстро. Двигатель работал отлично. Васька отогнал комбайн в пологое место, почти к самой воде. А Песчанка, про которую мы уже немного подзабыли, хоть и была прохладной, однако так и затягивала нас в нежную влагу, как губка. Мы с дури сразу полезли в заливчик, но Васька сказал громко, а голос у него почти командирский:

– Стоп, ребята! Всех касается, сначала мыть комбайн, потом – себя...

Деваться некуда, надо исполнять. А нас мальчишек, года на три моложе Васьки, набралось человек пять-шесть. Вот и начали мы дружно черпать воду вёдрами, подносить к машине, обливаться, намывать, драить её с ветошью. А хозяин комбайна занимался в это время более серьёзными делами: ещё и ещё раз осматривал кое-какие механизмы, подчищал отдельные детали и плоскости, удалял скрытую грязь, что-то дёргал, крутил и подвинчивал.

Комбайн заблестел приятной чистотой.

– Ну, всё! Хорошо помыли. Теперь пусть просохнет на солнышке да на ветерке, ну а нам – мыться и купаться...

Вася сказал – это закон, даже более, это сила и закон. Васька ещё недавно в школе был чемпионом по многим видам спорта и тяжёлой атлетике. Во дворе у него был турник и даже штанга с тяжёлыми блинами. И он реально был сильнее всех молодых парней в округе.

А как красива была Песчанка! Только сейчас разглядели, после того, как долго с речкой не виделись. Пляжи, заливчик на нашей стороне, и крутой берег на той стороне – какая-то древняя синева или лазурь в каждой волне-рябинке, тропинка скачущих по воде бликов. И всё это – в трепещущей зелени берегов, над которыми глубокое небо с плавными птицами под самыми облаками. А за нашими спинами щедрое солнце...

Мы купались, мы помылись, мы резвились, ныряли в глубину и вдаль. Между прочим, на самом дне Песчанки были родники. Поэтому каждый нырнувший вглубь вылетал из воды на полкорпуса и красным, как варёный рак. Но вылетал взбодрившийся и счастливый.

Помылись-то мы быстро, а вот развлекательная часть только набрала силу. Кто-то пошёл к тому месту, где Самарка делилась на два русла. Так, из интереса. Кто-то поплыл на противоположную сторону раков в норах пошукать. Вот за ними и погнался Василий. Он легко обошёл раколово и первым стал шарить

по норам и нырять. Раки ему попадались здоровенные – иногда размером от ладони до локтя. С длинными увесистыми клешнями. Светло-зелёные с желтизной – наши, самарские.

И тут Васька вытащил налима. Ох, и скользкий гад! Крутил, юлил в Васькиных руках, как веретено. Но Васька тут же его успокоил, слегка сдавив ладонью. Налим затих.

– А вот и подарочек за отличную работу! Ладно, пацаны, кто со мной в обратный путь? Пора...

Постепенно все собрались у комбайна, стали одеваться. Васька причесал свою спортивную причёску, ну и...

Завёлся наш СК-4, но с места не тронулся. Мне даже показалось, что у него от натуги дымок от двигателя пошёл подозрительный.

Васька вышел, оглядел машину и сделал заключение:

– Без трактора отсюда не уедем. Засосало до осей. Я пошёл за тягачём. А ты, – это он мне персонально сказал: – смотри за машиной...

Долго Василий не показывался. Мальчишки съели раков, испечённых на костерке. Солнце присаживалось на горизонт. Как вдруг стало слышно тарактенье тракторёнка под названием «Беларусь». Показался трактор и к нам подруливает. Из него выходят Василий и знакомый мужик.

– Ну и тягач пригнали, да он сдохнет от первого рывка... – высказался кто-то.

– Не сдохнет. Сейчас рванём...

Подцепили трос к комбайну, дёрнули. Тракторёнок подпрыгнул, аж надобы встал. Не получилось с рывка тронуться. Дёрнули раз, два и три, ещё несколько рывков и плавных потягиваний и сцепка вышла на дорогу. Поехали домой...

На ночь комбайн оставили в переулке у Васькиного дома, уже под звёздами. Пора поесть, да спать, а то завтра раненько на работу.

Поели, в мазанке приготовили лежанки. На сон присели покурить на лавке в палисаде. Васька курил, а я рядом сидел, мечтаю...

У ворот Бабишкиных звенели молодые голоса, смеялись девчонки. Вот бы и нам туда, да нельзя — кто ж за нас завтра трудовые рекорды поставит?

СИЯНЬЕ НАД СЕЛОМ

Рассказ

Вздумалось нам на праздник домой съездить — Мишке, Саньке и мне. Просто загорелось! Спасу нет — надо съездить! Вот и отправились на железнодорожный вокзал, а там — как-нибудь, но домой! К папке, мамке, к брату и сестрёнке.

На самые последние деньги куплены подарки, и среди них светящийся олень с оленятами на подставке. В полной темноте — таинственное зрелище, наподобие светлячков в дремучем ночном лесу...

А на билет и копейки не осталось, но кто остановит студента, особенно, если он на первом курсе и более двух месяцев родных не видел? К слову, денег не было и у моих друзей.

Просились в пассажирский — отогнали, ещё и ещё раз в другие вагоны просились в тамбуре постоять — не взяли. Строгие такие проводники. Сами, считай, даром туда-сюда катаются, ещё им и форму, и зарплату дают. А бедных студентов в дорогу не берут: «Много тут вас ошивается!» Вот и весь разговор. А нам ехать — кому сто, кому двести, а кому всего двести пятьдесят километров — ерунда!

Так и попали в товарняк. Сначала хорошо всё получилось. Мы показали билеты учащих железнодорожного техникума машинисту, и он нас взял во вторую секцию. По тепловозу провели, всё главное показали, а помощник машиниста нам ещё и лекцию о будущей профессии прочитал. И мы ещё больше поверили в мечту, а я осмелился, да и стихи в ответ прочитал, такие:

*Тепловозом прорезая ветры,
Покоряя время и пространство,
Юный, ты считаешь километры
И поёшь: — Земля без края, здравствуй!*

*Ты уже помощник машиниста —
Самых нужных дел прямой участник.
Пусть твоя дорога будет чистой,
Пусть в глазах твоих смеётся счастье!*

*Бдительность тебя да не покинет
И не обойдёт сторонкой отдых...
Пусть в тебе романтик не остынет —
Ты теперь полезен, словно воздух.*

Наивно, конечно, но мужик одобрил и похлопал меня по плечу, ушёл. Дружеская встреча получилась. Ехали в тепле и сухости, с хорошим настроением.

Вскоре Мишка ушёл от нас и прыгнул на своей станции, как потом оказалось, неудачно. Жив остался, но с нами больше не учился. А мы этого ещё не знали и спокойно ехали дальше.

Но только до Новосергеевки. Здесь бригады менялись, и нас попросили смены дожидаться. Смена пришла, однако новый машинист льготных пассажиров взять категорически отказался. И пошли мы с Саньком вдоль вагонов тормозные площадки приглядывать. А параллельно стоял какой-то специальный поезд с вооружённой охраной. Нас и начали гонять, как зайцев на охоте. Пока прятались, наш товарняк ушёл. Ушёл и спецпоезд. И тогда мы поехали на следующем товарнике. Весёлые, как-никак приключений уже полные штаны, а мы лишь половину пути проехали.

Потом скучно стало, когда свечерело. Погода нахмурилась — заморосило, захолодало. Оставалось только терпеть превратности пути.

Остановки у товарняка происходят по своему непонятному плану: где-то быстро едет, почти летит, на станциях не останав-

ливаясь; где-то встанет и долго встречного ждёт. Только и забава — редкие дальние огонёчки, как обещание скорой встречи в родном доме.

На подъезде к Сорочинску стал я зубами ритмы разные выбивать. Сашка стянул с себя свитер и отдал мне. Стал я возражать, но он успокоил: «Мне скоро выходить, я почти дома, а ты тут зубами клацаешь. Бери!» И точно, в Сорочинске наш поезд остановился рядом с домом Саньки — только я его и видел.

Через минуту-другую мой поезд тронулся в путь. И мне тут ехать-то осталось совсем немного, километров двадцать пять — тридцать. И мне уже теплее в свитере, и от мыслей о доме родном.

Кирсановский переезд. Товарняк остановился. Вот бы мне сойти, да к бабушке в гости! Не ждёт, а я вот он — принимай-ка внучка, бабуля. Но — не получилось. Пока прикидывал, да размышлял, поезд пошёл вперёд.

Нашу станцию мой товарняк миновал, как скорый — никаких торможений. Наоборот, только скорость набирал.

Ладно, стою себе спокойно. Там почти напротив моего села обычная остановка на так называемом Шестом разъезде. От него и до дома ближе, чем от станции. На этот разъезд мы толпой для развлечений ходили с девочками...

Все останавливаются, да не все — не мой бешеный товарняк, он ещё и прибавил газу! Что остаётся? Прыгать с поезда на скорости в темноту? Опасно, можно головой препятствие поймать. Осталось одно: спокойно ехать до Бузулука к тётке на блины. Вот она обрадуется!

Но вдруг поезд начал сбрасывать скорость перед светофором в Первомайке. И тут черти меня подтолкнули — я бросил спортивную сумку в темноту, теперь и самому волей-неволей надо прыгать за ней, как шпиону-диверсанту за парашютом. Сам с собою пошутил — стало легче.

Чтоб долго не думать, прыгнул! Слава ангелу-хранителю, ни одного бетонного столбика я не поймал. Но приземлился, точнее — приводнился, на четвереньки в лужу и тут же услышал,

как из кармана выпала пачка сигарет и спички. Ну вот, теперь ни успокоения, ни освещения не будет: как сумку искать? Хоть туфли на ногах остались — о них вспомнил, когда стали липнуть к сырой земле.

Нашёл сумочку! На ощупь проверил — олени не сломались. Хорошо! И вообще, жизнь хороша, а минут пять назад казалось, что не очень...

Вышел из лесопосадки, долго шёл в ночи без ориентиров, низиной, а стал подниматься на холм и увидел над ним сияние. Затем проявились огоньки, и ещё, и ещё. Тоцкое мое! Скоро, скоро буду дома в тепле, среди своих. Всего-то километров десять пройти по осенним полям...

Идти куда-то по такой мерзкой погоде очень даже не интересно. В такую погоду хозяин на улицу собаку не выпустит. В такую холодину и волк на охоту не пойдёт — дурак он, что ли? Вот только студент никогда не знает, что с ним будет совсем скоро. От бодрой, равномерной ходьбы и сосредоточенности стало теплее.

А вот уж начало села. Вышел прямо на родную Ленинскую улицу. Нет, не зря она раньше Большой Дорогой называлась — из густой темноты без фонаря на неё человек вышел — в этом есть какая-то древняя тайна. Наверно, до меня сотни ходоков из беды сюда выходили, доползали — выживали. И всех наша улица приняла. Из тех, кто добрался...

Уличная тропка повела вдоль домов по теневой стороне. Нахоженная такая, по ней и пошёл. По дороге невольно отмечал дома друзей и знакомых: Скандаковы, Маковеевы, Ханнины. Здесь на лавке под гитару песни пели, здесь истории страшные рассказывали. Там, далее Сибикины, Пузырьковы, Яицкие...

Когда остановился напротив окон своего дома, то радовался, что огни не потушены. Но вдруг почесал в затылке — а как на солнечную сторону перейти? Лужа исторически у нас была от начала до самого конца, километра на два в длину. Назад возвращаться, когда почти дошёл? Нет уж. Устал. Промок. И есть хочю. Я домой хочю!

Все подвиги надо совершать дважды – всё равно весь мокрый, айда через лужу и глубокие колеи! Ничего страшного! Почти как по воздуху лужу перескочил. Воротцами звякнул, а мать уже на пороге – встречает. Ждёт сына, и значит приехал не зря.

А потом – почистился, помылся, пообнимался, поел, поговорил и не запомнил, как уснул. Главное – все родные живы и здоровы. И я – дома!

На следующее утро встал и огляделся. Подарок мой – оле-ни, на шкафу стоит. И что он там делает? Взял в руки – ноги сломаны, пластилином на место прилеплены. Я огляделся ещё раз. Сестрёнка вкусно посапывала, иногда открыто улыбаясь. Брат делал вид, что тоже мирно спит и ничего плохого не ведаёт. Мама что-то вкусное готовит на кухне. Сквозь окно видно, как отец рубит дрова. Кот подошёл к моим ногам, потёрся боком и хвостом. Тут я и поверил – действительно, дома я.

ЯВЛЕНИЕ НАРОДУ

Рассказ

...Это разве анекдот? Не смешно. Вот у меня ситуация из жизни. Хочешь послушать?

На селе у нас три дурака было: Анатолий, Нюра и Мишка. Правда, Нюра, конечно, дура. Её так и звали складно – Нюра-дура. Их все знали, да не всех дураков так уважали, как мы своих.

Вот Анатолий, в годах уже, вроде дурак-дураком, а студентам-заочникам задачки по высшей математике решал. Им – не по зубам, а ему – семечки. Помню, так и ходили за ним... А ещё помню, как-то мы стояли в молодости весёлой компанией, он и подошёл к нам. Тоже весёлый, тоже улыбается, да вдруг как начал нам Пушкина какую-то «Гаврилиаду» читать. Наизусть, без остановок, аж захлёбываясь. Мы офигели! А потом Анатолий стал про Екатерину стихи читать. Матершинные. Не остановим никак. Вот память! Только почти всегда в тёмном плаще ходил и без головного убора – в любую погоду.

А как-то он и к бабке моей заглянул. Она после Отечественной вдовствовала, поэтому на мужскую работу таких сильных, как Анатолий, звала. Своим-то сыновьям некогда, а внуки малы были...

Анатолий, может быть и дурак, да уж очень сильный мужик. Хочешь, он тебе колодец выроет, только место укажи. И старый колодец почистить мог, и яму под погреб выроет за день. За труды денег не брал, просил натуру: бутылку водки, каравай хлеба, да горячих щей между делами... Таким был наш Анатолий. В чём его сумасшествие, я так и не понял.

Да, колодец вырыл. Бабка накормила его досыта, отдала продукт. Анатолий как выпил за столом, как начал песни петь за одной другую! Таких особенных, старинных песен я и не слышал.

О дуре-Нюре мало знаю. Так, бабёнка лет сорока, грузная, без статных форм. Ходила в солдатской шинели и кирзовых сапогах, стриженная наголо. Сразу и не поймёшь, что перед тобой баба. Прибьётся она обычно к солдатам в военном городке, те и посмеются над ней, но и подкормят от своего же стола. Нюра не обижалась, улыбалась всем подряд, но временами принималась искать своего любимого: «Коля! Коля!». Ребята иногда оглядывались, да не те. А Колю она на войну проводила, да не вернулся он. Может, она и ещё какие фортеля выделявала, не знаю.

Ну а Мишка – тот совсем полный дурак, но молодой. То с деревянным пистолетом в военной фураге бродит, то по пляжу в одной рубашке бегаёт с малышнёй. Играется, хохочет. Всё бы ничего, да лет ему уже примерно двадцать. Дети к нему привыкли, а женщины отворачивались...

Эта троица и сошлась как-то на нашем кладбище. День какой-то был поминальный. С утра и почти до вечера на кладбище люди шли – молились, поминали, уходили, крестясь. Считаю, у каждого креста или памятника какое-то съедобное поминанье оставлено, да цветы. Кто-то конфетки кладёт, а кто и водки в стаканчик нальёт, да хлебушком накроет. Цыганята рассыпью между взрослых шмыгают и съестное собирают. Быстрые, весё-

лые. А-то и едят сразу у могилы. Только для православных это, думаю, не грех.

Вот и троица к покойникам забрела. Сошлись они у могилы, рядом с которой родные столик да скамейку поставили. Пировать начали, чем бог послал. Их наш электрик Михайлов уже под вечер видел.

Пили – ели, пили – ели. Взрослые, видать, помаленьку пили, потому что опытные. А Мишка сам себе наливал, да и чилияками пил – один, второй, третий стакан. Тут, у могилы, и упал, как мёртвый.

Толя с Нюркой посмеялись, раздели Мишку догола и одежду спрятали. Ушли.

И на другой день такой у нас случай приключился, что хоть в мировые новости его...

Вот, представь. Просыпается наше село. Солнце уже кладбище на холме высветило. На самой крайней улице хозяйки своих ненаглядных коров да теляток из ворот выводят. Пастух Петька зашёл в конец, да и легонько стадо собирает – то крикнет, то кнутом щёлкнет, то свистнет, аки Соловей-разбойник.

Бабёнки уже и в разговорчики вступили – лялякают. Скотинка идёт вперёд всё более организованно. И тут – то ли Свету конец, то ли его новое начало...

Короче, от кладбища с холма идёт вовсе голый человек. Неужели, чей-то покойник ожил? А может, и не человек, а какой-то божий посланник? Или сам Спаситель пожаловал?

Струхнули все. Пастух остановился. Коровы стали разбредаться и отвлекаться от нужного пути. Бабы сбивались в кучки по две-три. Круглыми глазами смотрели-смотрели, да одна как закричит:

– Чёрт! Он лукавит и душу смущает. Точно чёрт! В глаза ему не глядите!..

– Спаси, Господи! – закричала другая.

Тут и побежали все по домам – воротами хлоп, хлоп!

Но и мужики иногда коров выгоняют, и у некоторых жилка крепка. Первым Мишку распознал бобыль Афанасий. Потом

признался — он тоже испугался поначалу, а потом узнал шельмеца, да и понял, что озяб Мишка на кладбище. Прохладно было по ночам, а тут ещё парень с похмелья.

Мишка брёл, обхватив себя руками, и в объятья Афанасия попал. Спасибо мужику — пожалел бедолагу, завёл в мазанку и укрыл его в тёплом месте.

После испуга ржали всем селом, да и потом смехом вспоминали случай...

А ты говоришь — анекдоты знаешь. Жизнь так иногда крутанёт, что ничего выдумывать не надо. Так-то!

СНЕГ ДА СНЕГ КРУГОМ

Рассказ

В поезде это было, в плацкартном вагоне. Чтобы скоротать длинную дорогу, начали пассажиры байки травить. Две коротких молодые парни рассказали, а длинную историю из жизни поведал самый пожилой человек в купе:

— Говорят, бешеной собаке семь вёрст не крюк. Вот и нам тоже. Решили мы как-то наступающий Новый год отметить особо оригинально. Накупили подарков и отправились на праздник вдвоём с дядей Михаилом — он к сестре, я к тёте родной. Михаилу тогда лет двадцать пять было, уже на флоте отслужил, а мне — и шестнадцать не исполнилось, учащимся техникума был. Молодые, горячие — доберёмся. А ехать надо было до совхоза «Россия», через Буланово, слышали про такое селение?

— Ноги уберите, подмету, — перебила рассказчика проводница.

— Чаю принесите, пожалуйста. У нас тут истории длинные...

— Так вот, накупили подарков два мешочка, ну модные спортивные сумки того счастливого времени. На всякий случай и водки, и шампанского вина запасли, хотя сами за воротник не закладывали. Что делать — традиция, а вдруг у них и магазина нет.

Поехали. На автобусе. Ну, каких-нибудь сто километров до Буланово, а потом ещё километров тридцать пять-сорок...

Для точности курвиметром по карте надо мерить, а мы без этого обошлись.

В автобусе тепло, да не очень интересно. Пялишься в окна, а там – снег да снег кругом... Ну, и путь далёк лежит. Как в песне. Только разговоры скрашивают дорогу. Вот и болтали тогда ни о чём, или о том, что вдруг увидим.

Как-то быстро до Буланово добрались, хотя рассчитывали на долгий путь. Водитель автобуса обратился к пассажирам:

– Автобус дальше не пойдёт – снега много. Кому не нравится, может сразу обратные билеты покупать. Я подожду часок. И кстати, можете пообедать – тут столовка классная!

Мы вышли на свежий воздух. Размялись. Пообедали. Уже на улице закурили и пошли на российскую дорогу взглянуть.

– Интересно, как наш водитель про снежные заносы узнал, не выезжая на тракт?

– А вот такой ушлый да опытный попался! – сказал Михаил. – А что, может, пешком двинем до совхоза? Дорога ровная, до вечера далеко...

– Замёрзнем.

– И не думай, снег не такой уж глубокий. Замерзать, если придётся, будем с музыкой. Водка у нас есть. Курево есть. А видишь, вдоль тракта ометы соломы стоят? У нас спички есть – согреемся...

Дядька, вроде бы, забыл, что на нём лишь бушлат флотский, а на мне осеннее пальто. Он как бы забыл, что и ботинки у нас лёгкие, войлочные. Бабушка моя, глядя на них, сказала бы – чего в носках пришёл, а мы в такой обуви ещё и по снегу, по морозу ходим.

Однако и у меня задора не меньше:

– Да пошли уже. Хорош уговаривать, только время теряем.

И пошли. Ничего. Притерпелись. Снег, где ниже ботинка, где выше. Самое главное – ветер не в лицо.

Шли весело, ходко, шутили. Дядька мне рассказал, почему он навсегда разлюбил арбузы.

«Возвращался из отпуска в часть. Во Владивостоке до Камчатки на плавсредство не попал. Следующего транспорта ждать — помрёшь с голодухи, ибо съестные деньги ещё в поезде закончились. А тут баржа попутная подвернулась. На ней подарки камчадалам повезут — свежие арбузы. Я с мольбой к команде: «Возьмите моряка!» Капитан отвечает: «Возьмём, только провианта на тебя нет. Думай сам». Раздобыл где-то немного денег, а на них — чёрных сухарей да конфеток подушечных. И с таким горепродуктом ушёл в моря. Пару дней терпел, а потом худо стало. Команда говорит: «А ты арбузы лопай — их тут много. Потом в порту недостачу на ветер спишем, ну и тебя не забудем. Помянем». Поржали-посмеялись, а сами нет-нет, да и нормальной жратвой угостят. Но делать нечего, так и постился на арбузной диете до самой Камчатки.

С той поры на эту ягоду смотреть спокойно не могу...».

Рассказал Михаил историю. Хохотнули. Согрелись беседой. А потом он и ещё что-то вспомнил, и ещё. И все его истории занятные. А мне вспоминать, вроде, нечего — молод совсем, и не жил почти.

Километров десять отмахали. Омёты нам дорожную перспективу показывают. Заметно вечереет. И тут видим: справа от нас из лесопосадки газик показался, на тракт вырывается, нас догоняет. Такие лесопосадки в степи наша бабушка «мечтой Сталина» называла. От них в поля иногда такие высоченные сугробы тянутся, что лишь бульдозером сдвинешь с места...

Поравнялся газик с нами. Мужик дверцу открыл и спрашивает: «Куда?». Мы отвечаем: «В „Россию“».

— Ни хрена, себе! Ну, садитесь тогда, подвезу.

Сели. А мужик уточняет:

— Только я вас недалеко подвезу, километра три, мне с тракта сворачивать. Меня Владимиром зовут... А чего это вы в такую темь да в такую даль отправились? Новый год на носу — никаких попутных машин не будет.

— Да мы к сестре моей в гости собрались. Дойдём! — отвечает дядька.

— Глядите. А то тут и волки промышляют, а вы, наверно, без оружия?

— Мы и без оружия грозные ребята!

— Ну-ну...

Доехали до перекрёстка. Оставил нас Владимир в степи, на прощанье с праздником поздравил. И пошли мы опять вдвоём за новым счастьем.

Долго шли. Дома показались, а мы уже подмёрзли изрядно. Как выяснилось, это и был совхоз «Россия». А нам — ещё и далее, на четвёртое отделение надо. Решили в крайний дом заглянуть для обогрева. Встретили нас хозяева, как гостей жданных. Чаем угостили. Расспросили что да как. Ну и напутным словом не обделили:

— Завтра, может, пойдёте? У нас пока заночуете, а то метель. Нет? Ну, тогда по расчищенной дороге идите. По ней шесть километров до отделения, а напрямки — четыре.

Вышли на улицу.

— А где прямая дорога?

— Вот по этим столбам, через поля. Вы лучше по расчищенной идите, мало ли что...

— Добро! Спасибо за всё! Пошли мы.

— Ангела в дорогу!

А ветер усилился. Позёмка шалить начала. Одно хорошо — жёсткий наст человека держит. Не провалимся.

Первый столб, что с фонарём был, отлично видно, за ним второй виднеется, а третий прячется во мгле. Но мы пошли.

Да за полчаса махнём это расстояние! От столба до столба, от другого — к следующему. Но недалеко, видимо, от базы отошли совхозной, а какой-то очередной столб потерялся. И пройденные тоже пропали — не видно наших вешек нигде, куда идти?

Главное в таких случаях — двигаться! Вот и шли, пока на огоньки не наткнулись. Собаки лают, подвывают, а нам радостно — селение! Да вдруг поняли — опять на базу пришли, на центральное отделение. По знакомому гостеприимному дому и догадались. Но заходить опять на чай не стали, чтоб люди над

нами не посмеялись. Теперь решили ошибок не делать — пошли по расчищенной дороге.

— Так, скоро Оренбург. Постельное бельё пора сдавать, — оповестила наша проводница.

— Сейчас, сейчас, — ответил старик, а сам продолжил:

— Да, вот и снова показались строения — то ли фермы КРС, то ли ещё чего. А тут сквозь метельные взбрыкивания под тусклыми фонарями разглядели подозрительную стаю — тёмные силуэты приземистых животных. Они двигались цепочкой с явным намерением зайти к нам в тыл. Между нами — только ветер. Он и донёс до нас собачий лай. «Не волки!» — нам сразу полегчало. Оказывается, тут метод такой — охранять фермы с помощью собак.

Мы уже были среди ферм, когда услышали крик:

— Манька! Мань!

Не было у нас Мани. Михаил не сдержался, ответил:

— Чего?

— Красулька-то отелилась!

— Ну и... фиг с ней! — схулиганил дядька. А что, весело нам стало — мы дошли до цели, мы среди людей. И собаки отстали...

Не сворачивая с дороги, неожиданно вышли на жилую улицу. Два ряда домов. Пустыня да метель. Только три девочки рука об руку шли нам навстречу.

— Здравствуйте! А вы кто?

— А вам кого?

— А вы к Никитиным?

— С Новым годом!

— Да, к Никитиной Марии мы, а как вы догадались?

— У нас секретов не бывает. Нет её дома. Вот её дом.

— На свадьбе она...

— Чья свадьба, её, что ли?

— Нет, у Ивановых. Но там всё отделение гуляет, все взрослые...

— Ну, ладно. Спасибо! Мы на чужую свадьбу не пойдём.

Говорили короткими фразами, перебивая подруг и отворачиваясь от снежных зарядов.

Дом тётка не запирала, щеколду накинула — и всё.

Мы вошли, сумки сами скользнули на пол. Руки, ноги уже почти не сгибались. Снег набился в одежду — в каждый шов, в каждую щель. Шарфы не разворачивались. В войлочных ботинках не снег, а лёд. Видимо, на улице мы девчатам снеговиками показались...

И тут в дом вбежала Мария Петровна. Мне — тётя, а Михаилу — сестра. Обнимает, плачет, смеётся — всё сразу!

С САМАРКОЙ ШУТКИ ПЛОХИ

Рассказ

Обиделось начальство на Самарку. Забодала она местное население своими нелепыми играми. То прикинется ручейком и не разливается, то устроит такой разлив, что окрестные сёла хоть на вертолётах спасай. И уже не Самарка, а большая Самара, у которой от берега до берега километры.

Особенно надоели муки с мостами: то разбери их перед паводком, то вновь собери, как было. И больше других надоел самый длинный мост через реку. В прошлом был обыкновенный деревянный, сработанный фронтowymi сапёрами. Но в паводок вода шла поверх моста — на машине не проедешь, пешеходам хода нет. Вот и разбирали постройку каждый раз, чтоб ледоход не сломал.

Приподняли мост. Но свай было много, и в очередной ледоход перед мостом опять образовался мощный затор. Сваи трещали, ломались, уплывали куски настила. Вместо ремонта легче новый мост построить.

И ещё приподняли мост, применили, к тому ж, стальные фермы. Выше по течению поставили очень массивные железобетонные опоры.

бетонные быки для защиты обновлённого моста, так называемые трехгранные ледорезы. И следующий паводок строения подмыл, накренил, частично обрушил, и нового затора мост не избежал. Сколько же силы в нашей Самарке!

Но и в людях упрямства хватает! Тогда решили перед каждым ледоходом взрывать лёд динамитом и тротилом. Заодно и сапёрам практика будет, потренируются. Начали взрывать. Но и тут появились закавыки. Если рано — льдины смерзаются, если поздно — то... очень поздно. А результат всё тот же — льдины лезут на быки и сваи, создают плотину, вода поднимается и топит всё вокруг, подбирается к ближайшему посёлку.

И только мальчишкам радость! Ходят они небольшими стайками по разорванным льдинам с сачками в руках, да и собирают глушёную рыбу. Правда, ныряют иногда в обжигающую холодом воду то одной ногой, то до подмышек. Но ещё никто из них не утонул. Ловкие они и бесстрашные — наши мальчишки!

И тогда ещё раз решили всё переделать кардинально. Начали подготовительные работы ещё летом. Подняли земляную дорожку от железнодорожной станции до посёлка, засыпали её гравием и сделали грейдером. Подъём от моста в посёлок сделали более пологим, срезав вершину холма, а основание подсыпали — гора стала не очень крутой. Скреперы и самосвалы мотались вокруг обновлённой дороги туда-сюда. И Самарку решили выровнять перед мостом, потому что она делала крутой поворот, на скорости выбрасывая льдины, в основном, на одну правую сторону. Горка льда быстро прирастала, и снова образовывался затор.

Мальчишки во время земляных работ по-привычке ходили купаться на свои места и видели, как прибыла тяжёлая техника, как стало появляться прямое, перпендикулярное к мосту русло. Копали долго, не один день, сдвигая землю к перемычке. И вот уже Самарка разбежалась на два русла — на старое и новое.

Настал решающий день. Сегодня перекроют русло бывшее и в полную силу пустят реку по новому пути. Рядом с этим местом был хутор, который прозвали Хоздвором. И в день открытия нового русла люди с этого двора пришли поглядеть на событие. А также подъехали люди из посёлка. И начальство прибыло. Помощники хотели ленту красную натянуть, да не придумали, куда.

— Ничего у них не выйдет, — заявил дед Семён. — Много Самарка всяких конструкторов видела. Их нет, а она текла и течёт своей дорогой.

— Да, ладно, дед, — возразил мужик, стоящий рядом. — Вишь, сколько бульдозеров нагнали. Выправят Самарку.

Женщины в разговор не встречали. Мальчишки, девчонки смотрели на события со своим интересом и со своим разговором.

Запруда получилась не сразу. На глазах один бульдозерист промахнулся, и его машина постепенно скрываясь, пошла в воду. А тракторист выбрался на крышу и отрешённо наблюдал погружение своего стального друга. А потом вплавь добрался до берега.

— Я же говорил, — ехидно продолжил дед Семён. — вот вам и первая неожиданность.

Посовещавшись, строители сделали сцепку из нескольких тракторов, закрепили тросы к утопленнику, неоднократно к нему ныряя. И по команде сцепка начала вытягивать бульдозер. Только дело пошло, вдруг как струна на гитаре, легко лопнул один из тросов, тут же за ним — второй. И бульдозер опять ушёл в воду.

Дед прокомментировал кратко:

— А вот и вторая заковыка... Ну, ну, поглядим...

Событие затягивалось на неопределённое время. Люди стали разбредаться. Оценив паузу, начальство тоже хлопнуло дверцами автомобилей и уехало по другим важным делам.

Подвезли новые тросы. Размотали, расправили, подцепили. По взмаху красным флажком опять натянули тросы, и сцепка

равномерно пошла вперёд. Утонувший, было, бульдозер вновь увидел свет.

В толпе возбуждённо зашумели, даже захлопали в ладоши, как бы помогая всей куче тракторов в таком натужном деле. Далее всё пошло, как по маслу или по плану. Последний бульдозер полностью закрыл перемычку, быстро пересёк русло новое, и тут Самара возмутилась, закружилась водоворотами и бурунами и нехотя, но пошла туда, куда велели люди.

— Вот и всё, дед. А ты тут каркал... — сделал заключение мужик.

Дед Семён ничего не ответил, закурил и пошёл к своей заваulinке. Расходились люди, и техника покидала стройплощадку. Дело завершено.

А дед Семён остановился передохнуть на полпути к дому и кому-то возразил:

— А вот мы ещё посмотрим, чего Самара через год-два скажет...

Не умеем мы, оказывается, земляными да водными делами заниматься. Дорогу подняли — про поперечные стоки забыли, стала она плотиной, и паводковая вода с полей пошла в самый широкий створ — к озеру. Вода подмыла опоры моста, снесла пляж с привезённым песком и оборудованием. Сколько средств и труда — карасю под хвост.

А чего Самара сделала? Она незаметно перемычку подмыла и следующей весной опять пошла своим проверенным путём. А в новом русле воды стало по колено, и его постепенно занесло песком, пока оно полностью не исчезло.

Новое русло сравнялось с берегом. Но заметить его следы можно по ровной тополиной роще, выросшей на этой дорожке. Правым оказался дед Семён — с природой не шути. Не зная броду — не суйся в воду, как говорили старики, а бесшабашные люди сунулись. Только не дожил дед до исполнения своего предсказания, а ниже моста по течению, между прочим, был остров, и он вдруг исчез, стал берегом — левое русло Са-

мары пропало и заросло деревьями. Так речка отомстила обидчикам.

ШЕСТЬ СПАСИТЕЛЬНЫХ СЕКУНД

Рассказ

С вырубki мы поехали на гружёной дровами машине. Я взобрался на самый верх, на брёвна. Шофер Зиганшин начал было возражать:

— Эй, нельзя наверху. Слезай!

— Да, ладно. Пусть привыкает. Нам смелые солдаты нужны, — поддержал меня отец.

Так я и остался на верхотуре. И испытал прекрасные ощущения: мне было видно далеко вперёд, обзор широкий, на уровне плеча галки пролетают. Чувствую себя или лётчиком, или танкистом, в общем, каким-то особенным и, самое главное, храбрым человеком.

А лес вокруг — бесконечный, прозрачный, разноцветный! Сквозь белизну берёз проступают медные, латунные, бронзовые рощицы, тёмным изумрудом выглядит сосновая лесопосадка, оранжевые, малиновые, красные отдельные деревья. Школьных красок не хватит всё срисовать! Сколько деревьев — никто не сосчитает! И чтоб мы делали без леса — он нам во всём надёжа и опора, и щедрый кормилец.

Дорога, в основном, была ровной. Машина шла не быстро, ровно, поворачивала плавно. Бояться нечего. Даже в овражках и на подъёмах мы ехали уверенно. Было радостно оттого, что сейчас привезём дрова, сгрузим, потом распилим на козлах, порубим пеньки на поленья, сложим в поленницы — и всю зиму будем жить в тепле!

А печку топить — особая любовь. Вычистишь золу, разложишь разжижу из бересты и поленья, чиркнешь спичкой — по дожжётся, разгорится весёлое пламя. И потом на пляску огня можно смотреть без конца. Иногда в такие моменты кажется, что огонь с тобою говорит на своём языке, да переводчика огнен-

ных слов рядом нет. Думаешь о чём-то, пока мать не прикрикнет: «Ну-ка, закрой дверцу!» Закроешь, а пламя загудит ровной неведомой песней, слабый дымок на кухне исчезнет — по дому пойдёт ласковое тепло...

Нормальный человек всегда радуется полезной работе. Напиленные деревья имели толстые стволы, длинные — раза в два длиннее кузова машины. Поэтому свисали, чуть ли не до земли. Берёза, осина, осокорь, вяз, иногда дубки — крепко держались друг за друга... Сучья на стволах обрублены, но закавыки остались, поэтому поклажа была всё-таки рыхлой. Изгибы и остатки сучков мешали брёвнам лежать аккуратно.

Скоро будем дома. Мать обрадуем. Осталось преодолеть последний крутой подъём и проехать ещё километра два-три по ровной дороге. Наше самое большое дело на сегодня будет закончено. И мать к этому случаю приготовилась, как всегда. Она наверняка приготовила что-то вкусное: горячие щи с мясом, и гречку распаренную, тоже с мясом, и молоко, и чай, и даже компот. Отцу нальёт стакан московской водки. И он выпьёт её одним махом, крикнув для порядка. А может, банька будет на-топлена...

На подъёме и произошло то, что потом я припоминал долго, постепенно соединяя детали в целое событие.

Машина вдруг перестала двигаться, застыла на мгновение и пошла с горы задним ходом. Потом немного съехала с дороги, и кабина стала задираться вверх. Передние колёса болтались без дела. Зашевелились, заходили ходуном брёвна подо мной. Я встал — надо было держать равновесие. Сзади раздался треск — это более тонкие вершины упирались в землю и ломались, как спички...

Отец выпрыгнул из кабины. А передок машины всё поднимался, и сама она заваливалась на бок влево.

— Прыгай, сынок! — приказал отец.

Ну, да — надёжной опоры нет, под трясущимися ногамидвигающиеся кругляши, в которых легко застрять, прищемить и даже сломать свои конечности. Прыгать вправо — очень вы-

соко, примерно пять-шесть моих ростов, и расстояние до земли увеличивается. Прыгать влево — страшно, машина может перевернуться, и дрова меня завалят. Куда же прыгать? Время размышлений тянулось очень медленно, как струйка мёда из ложки. Однако голова была ясная, словно в морозный осенний день.

— Прыгай, кому говорю! — вновь крикнул отец. — Я тебя поймаю...

Ещё секунда, и я прыгнул. Летел медленно, как газета на ветру. Ждал приземления — успел ноги подогнуть и даже руки к удару приготовить, чтобы спружинить...

Отец меня не поймал — я прыгнул далековато от него. Но приземлился, как настоящий парашютист, — на слегка согнутые ноги и сделал кувырок, после которого тут же встал.

Отец сделал шаг и обнял меня. А в самом-самом начале прыжка, я видел по его глазам, он был готов отвесить мне хорошую затрещину. Но сейчас спросил:

— Испугался?

— Да...

— Ничего. Ты приземлился прямо, как десантник. Но маме о подвигах не скажем. Женщина не поймёт. Договорились?

— Да.

— А ты молодец, сын! Быстро сообразил, что делать. И прыгнул быстро, я даже вытянуть руки не успел. Шесть секунд — и ты передо мной целый и живой!

А мне показалось, что мой прыжок тянулся, как резина, самое малое — на полчаса. И кто-то помогал мне лететь и планировать. Кто-то спасал...

Однако приключение закончилось. Уже надо думать об устранении последствий.

ГОРЬКАЯ ДИКАЯ ВИШНЯ

Рассказ

Отец приехал вечером с сенокоса и привёз подарочки сыну — лисичкин хлеб, кусочки сала и веточку дикой вишни. Вся веточка была усыпана красными спелыми ягодками. Усыпана так, что самой веточки и тёмно-зелёных лаковых листочков почти не было видно.

Так захотелось отведать этих ярко-красных ягод, съесть их все, но было жалко красивую ветку, которая вмиг бы осиротела. Да и веточка эта уже представлялась завлекательной игрушкой. Я крутил её и так, и сяк, считал и пересчитывал плоды, этому чуду — счёту — научился недавно.

Удивительная игрушка существовала недолго — настал момент, когда лакомство было очень быстро съедено. Мама еле успела крикнуть: «Косточки выплёвывай!»

Выплёвывал... Ягодки — кисло-сладкие, терпкие, вязущие во рту съедены, но через некоторое время захотелось ещё, а ягод-то и нет — кончились.

На другое утро мы с Сашкой решили сходить за вишней. Взяли небольшие бидончики для её сбора.

Вышли к окраине нашего городка, миновали пожарную часть с большой вышкой, подошли к перекрёстку дорог и упёрлись в шлагбаум, у которого стояли военные.

— Здорово, земели! Куда путь держите?

— За вишней!

— Вода есть?

— В бидончике.,.

— Дай попить!

— Пей!

Воды в бидонах не осталось, а разговор продолжился:

— Нельзя вам туда за вишней. Учения идут. Стрелять будут.

Так что мы не пропустим — поворачивайте обратно.

— Дядь, ну, пусти! — начали привычно канючить мы с другом: — Ну что тебе стоит?

Солдат что-то своё смекнул и предложил:

– Ладно. Сбегайте к колонке за водой – тогда пустим.

Мы тут же сбегали. Сами напились досыта и наполнили свежей водичкой три солдатские фляжки. Принесли.

– Вот, молодцы-бойцы! Ладно, идите, только вы далеко от нас не заходите. Чтоб нас видно было... Понятно?

– Хорошо! Понятно!

Мы быстро перебежали дорогу и направились в ковильную степь, поросшую кое-где кустарником. И как-то незаметно забрели в старую, оплывшую траншею. Шли и шли вперёд. Что интересно, по краям этой траншеи как раз и росли кустики нашей вишни. И с каждым шагом ягоды становилось гуще и гуще, однако в бидончики падало на удивление мало – сами собой ягоды исчезали во рту.

Всё путём! Хорошо, что мы двигались по дну траншеи – мы иногда выскакивали из неё, оглядывая окрестности. И замечали военную технику в низинах слева и справа. Небольшие колонны машин с орудиями, танков, броневиков на дорогах. Как игрушечные вдали, колонны медленно, но верно куда-то двигались. А нас никто не видел.

И солдатиков у шлагбаума давно не было видно. Зато по ходу нашего движения уже виднелись близкие поросли осинки и холм с поляной-плешинкой.

Мы с Сашкой почти дошли до окончания траншеи, как вдруг заметили людей в маскировочных халатах. Разведка! И с оружием! Солдаты передвигались скрытно и шли к своей цели. Куда? Мы мгновенно приняли эту игру, как кадры хорошего военного фильма. Мы тоже стали разведкой, которая воевала за наш городок, и которая вела себя ещё более скрытно, чем настоящая.

Настоящая разведка исчезла в глубине деревьев, а мы неожиданно вышли из леса к большой поляне, посередине которой стояла машина с высокой антенной. И вокруг этой машины туда-сюда сновали военные.

Прямо перед нами две молоденькие солдатки в форме и при автоматах собирали цветочки и ягоды. Они весело переговаривались, а мы удивлялись своим новым знаниям: женщины

и служат в армии, как мужики. И оружие им доверяют... А они нас не видят!

Мы пошли вдоль границы леска и поляны. Все военные остались где-то позади, и впереди вдруг замаячило что-то непонятное.

Это был каменный монумент, упирающийся в облака. Внизу, вокруг него, на бетонной подставке стояли столбики, связанные тяжёлой железной цепью. На цепи смог бы сидеть и взрослый человек.

Мы стали кружить около монумента в поисках информации. И она была. Сначала увидели большие цифры: «1914–1918». Потом прочитали надпись примерно такого содержания: «Жертвам I Мировой войны от войск гарнизона». Что за жертвы такие? Мы до сих пор не знали об этом ничего.

Вдруг мы услышали артиллерийскую стрельбу, затем защёлкали очереди автоматов. Надо уходить, пока не подстрелили.

Напоследок оглядев округу, мы неожиданно заметили большой квадрат на земле, ограниченный невысоким бруствером и кустиками на нём.

Спешно нарвали цветов и положили их у подножия монумента. Пора бежать домой!

Рядом по кустам струились буйные кроваво-красные ручьи спелой вишни, да не время уже ягоды собирать. Мы пошли сквозь рощицы и ковыли немного другим путём, и опять встретили сплошные заросли вишни – облепные! И снова показалось, будто широкие струйки крови текли по кустам, но они не задержали нас – бидончики давно наполнены, а есть ягоду уже невмоготу.

Дома мама похвалила добытчика:

– Какой молодец! Ягодка, конечно, мелковата и кисловата, и косточки острые, но я сварю чудесное целебное варенье... Уж если ты по лесам и степи бродить начал, то в следующий раз накопай и принеси корней этой вишни – я необычный чай заварю. Будешь пить – не сразу остановишься...

А после семейного ужина, когда мы вышли из дома и присели на порожках крыльца, провожая закатное солнце, отец выслушал мой рассказ о дневных приключениях и сказал:

– Далековато начал гулять, сынок. Ну, ничего. Главное – из любых походов возвращаться домой. А видели вы с Сашкой памятник на австрийских могилках. Это пленные жили и умирали у нас в лагере. В первую Мировую войну... Немало их тут погибло от холода, голода, болезней и тоски. Тысяч двадцать там схоронено. Подрастёшь – узнаешь по истории про Брусилковский прорыв русской армии. Наши войска тогда взяли очень много пленных... Запомнил?

– Запомнил. Это сколько ж – двадцать тысяч? Как-то по радио говорили, что наших воинов в Отечественную войну более двадцати миллионов погибло. Где больше?

– Миллионы – это много больше тысяч, сынок. В тысячу раз больше.

А мама добавила к разговору: – Тут среди пленных и писатель Ярослав Гашек был. Тот, что роман о солдате Швейке написал. Я как раз сейчас его читаю...

С той счастливой поры, когда вся наша семья умещалась на крыльце, дикую степную вишню мне есть не хотелось. Никогда.

В РАЗВЕДКУ СГОДЯТСЯ

Рассказ

– За что арестовали? Да патроны ходили на стрельбище собирать. Ну там гильзы, парашютики... Вот и влипли!

Белобрысый мальчишка вёл негромкий разговор с солдатом, которому было поручено охранять стайку маленьких нарушителей. Их было семь человек, все одеты по моде того счастливого времени – в майках, шароварах и босые. Никто не унывал. Сложившаяся команда друзей состояла из детей офицеров, сверхсрочников и служащих армии, проживавших в городке.

Да, шустрые и тёртые такие мальчишки, а вот попались. Их действительно отловили на стрельбище. Догнали на БТРе. Куда от такой машины убежишь в чистом поле? Поймали всех. И отвезли на гауптвахту. Разместили не в самом здании, а на территории, ограждённой колючей проволокой.

Они сидели кучкой на земле. Вышел комендант – коренастый офицер. А ребята знали, что его боялись все, даже некоторые старшие офицеры. Он телят бродячих арестовывал, не то, что людей. Много власти имел в городке. Человек строгий, решительный, одним словом – фронтовик.

– Встать! В шеренгу становись!

Встали. Кое-как построились... Никто детей, конечно, не арестовывал. Их задержали, чтобы потом родителям и в школу сообщить. А вообще-то, это интересно – сыграть роль военного арестанта, ведь слово какое – не каждый день в жизни услышишь. И на БТРе не каждый день прокатишься – завлекательно!

– Ну и что на стрельбище делали? Вывернуть карманы!

А ничего у мальчишек в карманах не было. Гильзы, пока бежали, выкинули из маек, а штаны без карманов обходились. Колька успел букетик жёлтых цветов набрать, да и тот со страху бросил.

Солдаты осмотрели ребят. Правда, они подзабыли, что в каждую штанину тоже можно кое-что припрятать, ведь они у щиколоток заканчиваются резинкой. Ничего не обнаружили. А кто сообразил из мальчишек, тот самое ценное на досмотр не представил, утаил.

– Так, придётся наказать вас, ребятки, по всей строгости закона, чтобы на стрельбище больше никогда не появлялись. Там ведь и убить могут... На первый раз записать их фамилии, пока никому ничего не сообщать. Всех отправить на расчистку пляжа!

Ну, насчёт фамилий наврали с три короба. Гуськом пошли к Самарке в сопровождении сержанта и солдат. Оружия не было при них. «Убежим!» – созрела мысль почти в каждой вихрастой голове.

Спустились в пойменный лес и быстро вышли на обширную поляну, ограниченную рекой. Красиво! Но не время любоваться красотами — впереди работа.

Гарнизонную купалку для сдачи норм ГТО ещё только начали делать. С нею возились плотники-сапёры, налаживая сваи, переклады, мостики чуть ли не до середины реки. Другие солдаты готовили шнуры и нанизывали на них поплавки, занимались какими-то нужными мелочами.

— Становись! — приказал сержант. — Вот объект работы. Внимание, кто умеет плавать и нырять, становится от меня справа, кто не умеет — слева. Исполнять!

Слева от сержанта встали двое, а справа все остальные. Он повернулся к мальчишкам и сказал:

— Задачи такие. Вот эти двое чистят пляжный песок, под грабли. А остальные — в воду, ныряем и достаём со дна мусор. Коряги, топляки, бутылки, банки... Эти двое берут ведро и собирают ракушки... Понятно?

— Понятно, чего тут не понять...

Да, выросших на Самарке, воспитанных ею ихтиандров, можно сказать, в речку только запусти — сразу мысли свободные, вольные вскружат голову. «Обязательно убежим!». В стороне от солдат и сержанта про такую мысль можно будет и вслух сказать.

Какие арестанты — сейчас они разведчики в тылу противника: надо выведать тайны и уйти к своим!

Разделись, полезли в воду. Ракушек было мало, а мусор со дна быстро подобрали, и вдруг наткнулись на сапоги без голенищ. Много их. Показали сержанту. А к нему подошёл комендант, он решил на ход работ посмотреть. Сержант протянул полсапога начальнику...

— Вот оно что. Это вещевики со склада порубанную обувь скинули. Сюда привела их хорошая дорога и доступный подъезд к воде. Излишки, видимо, на складах неучтённые, залежавшиеся нашли. Уничтожили по акту, а голенища припасли да и загнали гражданским сапожникам... Мудрые.

А мальчишки уже и раков в обуви нашли. Почти в каждом сапоге по раку — сидят, как в надёжной норе, удобно. Ну и дело пошло, можно сказать, автоматически...

— Эй, давайте ведро! Сейчас раков наловим.

Время от времени каждый ловец выходил на берег и вываливал из трусов несколько крупных раков. Широкие трусы того времени для ловли раков — вещь замечательная. Под резинку можно много раков закрутить. Так и делали по-привычке.

Ну, и наловили полное ведро. И воинам отдали. А те уже и костерок наладили, кто-то из них мяты для аромата принёс. Варят. Сержант сам отвлёкся, коменданта отвлёк.

Мальчишки переглянулись — пора! Под шумок, делая вид, что всё ещё что-то ищут и ловят, тихо рванули ребятки к противоположному берегу. И бог с ними — с майками и со штанами, зато удачно смылись... А одежду им потом те принесли, кто сбегать не успел. Их тоже вскоре отпустили.

Так вот хитрость и сообразительность любую бдительность обойти могут. А такие смелые мальчишки в разведке очень даже пригодятся.

РИТУАЛ

Рассказ

Тихоней Юрка не был. Он считал себя отважным и смелым, более храбрым, чем, скажем, какой-нибудь книжный лев или киношный тигр. По крайней мере, его хороший знакомый — Лёша Попов был несравненно трусливее и неповоротливее. Лёша и дружил только с девчонками, а если вдруг попадал в мальчишечью ватагу, то непременно убегал домой весь в слезах.

С Юркой редко бывало такое. Он любил побегать, попрыгать с сарая или обрыва, полазить по деревьям, побродить по огородам, по степи и лесам. Прыгал с сарая даже с парашютом, найденным отцом во время сенокоса, — настоящим, от осветительного снаряда. Больше всего он любил что-нибудь захватывающее дух, новое, необычное. Иногда сильно хулига-

нил, донимал соседей стуком картошки в окно по вечерам или костры разводил не к месту и времени. Убегая от взрослых, часто слышал: «Безотцовщина! Бандит!». И после слов таких горько ему было, ведь действительно отец уехал куда-то и года три в семью не наведывался.

Юрка имел немало знакомых и друзей, и хотя дружба иногда клонилась то к одному товарищу, то к другому, о нём можно было сказать – коллективист. Однако иногда Юрке нравилось побродить в одиночестве по диковатым окрестностям. В таких путешествиях было много новизны, неожиданности. Что именно он встречал на своих тропках, в своих блужданиях, о чём думал – известно, в основном, ему.

На первый взгляд наш посёлок невелик и невзрачен. Он и действительно почти ничем не примечателен. Посёлок, как посёлок, – центр, клуб, магазин, несколько улиц, одноэтажные дома, много зелени, пыли и песка. Редкие прохожие на улицах, а еще кошки, собаки, куры, гуси, утки. Самое главное и приятное – рядом с посёлком бежала, торопилась куда-то красивая речка Самарка, и над головою в поле – небо от горизонта до горизонта.

По большому счёту, точно – лицо у нашего поселения невыразительное, среднее, что ли. Местным это лицо поднадоело, его и разглядывать некогда, ведь они почти всегда заняты работой... А может, это только верхогляду, как я бывающему тут наездами, так кажется? Поговори с земляками об этом – услышишь побасёнки старые, истории из минувших войн, смешные былинки и небылицы, чудные старые названия нынешних улиц, оврагов и озёр, не менее чудные прозвища односельчан. Сразу другим станет это лицо – особым, простым и хитроватым одновременно. И Юрка был тем маленьким интересом, без которого посёлок был бы скучнее.

Помню... Солнце забиралось в зенит, когда я, выспавшись, пошёл в магазин за хлебом и сигаретами. Тропинка к магазину вела через молоденькую лесопосадку и небольшую поляну, а потом пересекала грейдерную дорогу. Я вышел из леса

и впереди увидел своего соседа Юрку. Он не просто шёл, он вскидывал воображаемую винтовку и бил врага, который позорно драпал от наступающих и прятался в высоченной, слегка дымящейся пылью, полыни. Громогласное «ура» подсказало мне, что победа была на стороне «наших», то есть Юрки. Он приседал, временами плашмя падал в траву и стрелял, стрелял, добывая врага, посмевшего напасть на нашу русскую землю.

У грейдера рос широкий седоватый куст джиды, который шумел в добрую сотню воробьиных голосов и слегка шевелил отяжелевшими ветками. Воробьи облепили их, как плоды ранетки в урожайное лето. Юрка, конечно же, не мог спокойно пройти мимо такого скопления «противника» — он схватил гранату, то бишь булжник по своим силёнкам, и запустил в куст.

Воробьёв словно ветром смахнуло с куста. Но... один не взлетел, а опрокинулся, на мгновение повис на ветке, зацепившись тонкой лапкой, и всё-таки упал на землю. Юрка заметил, подбежал и взял его в руки.

Головёнка у воробышка болталась, как на ниточке, а перья неохотно, но отдавали своё тепло.

Бой кончился.

Юрка раненых не добывал, а превращался в доктора и лечил их. Но тут медицинская помощь была не нужна. Юрка оглянулся в замешательстве и, заметив меня, хотел привычно исчезнуть, но узнал соседа и остался на месте.

— Вот, жидрика убил, — сказал он и протянул мне воробья в ладошке.

Я посмотрел. Да, птичка была безнадёжна.

— Ай, Юрка, как же ты мог?! — спросил я.

— Да я... Я и не хотел вовсе, — забубнил в ответ Юрка, как всегда в подобных случаях.

— Не хорошо. Ну, ладно. За это ты, брат, должен рассчитаться.

— Рассчитаться. А как?

— Сделаешь к зиме кормушку, а к весне — три скворечника. Понял? А не сделаешь — на тебя птичий царь рассердится. Заклюёт тебя однажды...

– Надо не скворечники, а воробушники. А я их не умею делать. Да и кормушку не делал ни разу – сказал Юрка, усердно растирая облупленный нос.

– Ну и что? Научись. Я помогу.

– И кормушку?

– И кормушку...

– Хорошо!

Юра просветлел, получив предварительное отпущение греха, и пошёл своей дорогой, осторожно придерживая воробья под майкой.

Недавно мы говорили об этой истории с мамой Юры, и она вспомнила тот день.

...Юрка принёс воробья домой. Выкопал аккуратную ямку у крыльца под клёном, выложил её цветными стёклышками и, положив убитого в картонную коробку, опустил на дно. Засыпал... Делал Юрка всё это медленно и постепенно стал очень грустным. Лицо его сморщилось, исказилось, по щекам скатились крупные слезинки. Дрожащим голосом он с торжественностью сказал: «Прощай, дорогой товарищ!». Хотел сказать что-то ещё, но слов нужных не нашёл. Потом сделал из кленовых веточек подобие креста и обозначил могилку. А затем положил на бугорок свежие одуванчики. И долго-долго молчал.

Мама Юры увидела это случайно, в приоткрытое кухонное окно, и не помешала сыну закончить ритуал. А спустя несколько дней опять увидела, как сын отрыл воробья, рассмотрел его, и снова засыпал землицей...

Кстати, Юра за последние годы очень изменился – сейчас чуть ли не на две головы выше своей мамы. По всему – удалой парень вырос. Во дворе у него самодельный турник, рядом с порогом гантели и гири. Был я у него недавно в комнате, и что меня там особенно поразило, так это обилие книг, журналов и различных технических устройств и предметов. Мы вспоминали наших общих добрых знакомых, пили чай с клубничным вареньем. И говорили-говорили...

Перед окном, на клёне, покачивалась старенькая кормушка, ближе к вершинке располагался добротный скворечник, в котором то и дело чирикали воробьи. Между прочим, по углам дома ещё два скворечника были видны издали и, в общем-то, служили приметой Юркиного жилища.

Юра хорошо запомнил, как мы с ним мастерили птички домики и кормушку, а случай с воробьём вроде не помнил вовсе, а я об этом и не напоминал.

ДЕЛАЙ, КАК Я

Рассказ

В марте Вася остро почувствовал необъяснимый прилив сил и неясную тревогу. В школе кто-то из мальчишек сказал, что на реке вот-вот начнётся ледоход и что его начало — классное зрелище! И Василию захотелось взглянуть собственными глазами на это чудо.

Во дворе он проболтался малышне, что уходит взглянуть на ледоход. Ребятки заволновались, попросили:

— А можно мы с тобой пойдём?

— Нет! Это опасно, и не просите, — сказал Вася, как отрезал.

И ушёл.

Дорога к высокому мосту через реку была прямой и быстро довела до цели. Однако, всё же, он заметил и какое-то странное кружение стайки птиц в небе, и распустившуюся вербу, и много других мелочей, с которыми жизнь становится интересней.

Вася дошёл до середины моста, посмотрел вдаль, а потом вниз. Голова слегка закружилась, но к высоте Вася скоро привык. Сверху было хорошо видно, что лёд местами потемнел, покрывшись заметными трещинами, и к берегам прижимались кое-где почти чёрные промоины.

Действительно, ледоход, наверное, скоро будет, но пока на реке движения нет. В кустах справа, уже на том берегу реки, он заметил тень, которая двинулась и вдруг стала косулей. Захотелось рассмотреть её ближе.

Вася прижался к перилам, пропустил мимо идущую грузовую машину и прошёл мост до конца. Спустился к берегу, и оказался на тропке зимних рыбаков.

Он двинулся по берегу вдоль Самары, туда, откуда она текла. Где-то впереди должна быть косуля.

Шёл и шёл, перепрыгнул через ручеёк, что уже струился к реке. Через некоторое время встретил ещё один ручей, он был шире. Но и его Вася преодолел легко.

Далее двигался без препятствий, вышел на поляну и увидел ту самую косулю. Или, быть может, другую.

Она спокойно посмотрела на Васю и так же спокойно пошла в лес. И тут Вася заметил, что косуля была уже не одна. Из ямки с глубоким снегом выпрыгнули ещё две и тоже скрылись в деревьях.

Однако время для похода Вася не рассчитал – стало заметно вечереть. А погода была завлекательной – тепло! Так бы и бродил, бродил, бродил... Но пора возвращаться.

Вася развернулся на тропке и отправился в обратный путь. И вдруг услышал детские голоса. Один из них – плачущий, принадлежал явно девочке...

Вася быстро добрался до ручья, который основательно заполнился коричневой водой. Перепрыгнуть через него всё ещё было по силам. Голоса детей совсем рядом. Как они здесь объявились?

Дети – все с Васиного двора. Они, оказывается, шли за ним. И теперь стояли на возвышенности между двух ручьёв. И застряли, как бы сказал Васин отец, на «безымянном пятачке». Справа от них вода, слева вода, сзади глубокий неизведанный снег, впереди берег Самарки. Настоящая западня, если учесть, что и второй ручей стал глубже, а резиновые сапоги у всех мелкие – перепрыгнуть или перейти его дело нереальное. Между прочим, оказалось, что везде под снегом тоже вода – холодная, выше сапог. Настоящий плен – куда идти, что делать?

Дети скисли, звали на помощь, девочка рыдала, как заводная, и когда все увидели Васю, очень обрадовались. Пришёл

спаситель, ведь он старше любого года на три, и выше на голову. Ему и думать, и решать, как спастись от опасности.

Вася посмотрел на реку, спустился вниз, перешагнул промоину и сделал попытку перейти Самарку по льду. Шаг, второй, третий – страшно! Лёд, хотя и недвижим, но мог тронуться в любую минуту. Отдельные маленькие льдинки шевелились течением, крошились в трещинах. Кое-где в самых тёмных местах, заметно проступала вода. Но идти надо – другого выхода нет.

И тут Вася вспомнил рассказ отца о том, как на фронте пришлось преодолевать реку Ловать. Отец должен был срочно протянуть связь на противоположный берег, а река была примерно в таком же состоянии, как сейчас Самара. И отец действовал решительно – выломал две жердины, и с их помощью ползком перебрался на другой берег. «Если случится, действуй, как я!» – сказал отец, завершая рассказ.

И Вася тут же начал действовать – нашёл две толстые сухие ветки от ближайших клёнов, и сказал мелюзге:

– Так, сейчас покажу, как будем перебираться через речку...

А сам преодолевал речку впервые. Вася сначала медленно, а потом приноровился и быстрее, быстрее преодолел самое опасное – середину Самарки. К берегу лёд был надёжнее. Он встал и крикнул:

– Видели? Теперь из вас кто-нибудь и так же – ко мне. Делай, как я!

Но дети не двигались. И тогда Вася проделал разведанный путь обратно. Подумал, подхватил девочку и переправился с ней. Потом вернулся к детям ещё три раза.

И вот – конец подвигам на сегодняшний вечер.

Повеселевшая ребятня заторопилась домой, хорошо зная, какой крутой разговор их ожидает с родителями. Но раньше начнёшь – быстрее освободишься от страха...

Когда они отошли от Самарки шагов на сто, то вдруг услышали стон, треск и шорох с её стороны. И стало ясно – начался ледоход.

Вася оглянулся и облегчённо вздохнул.

ДЕНЬ ОЗОРНИКА

Рассказ

Утро началось.

А началось оно с хорошей трёпки от мамы. Василёк где-то раздобыл пачку сигарет «Ароматные». Вкусил кайф от курения, а пачку спрятал в клёне, что рос у крыльца.

Он не знал, что мать видела в окно, как раз тот момент, когда Василёк приладил пачку между веток. Потом бодро вошёл в дом, а мать уже ждала его со спичками в руке.

— Так ты курить собрался? С огнём озоровать! Прибью! Давай ладошку...

Мать зажгла спичку и поднесла к пальцам Василька. Он не верил, что она подпалит его руку. Но пламя пробежало по детской коже.

Василёк резко отдёрнул руку и бросился из дома на улицу. Ноги привычно завели мальчишку через дырку в заборе на стадион. В будний день здесь не очень много народу, а в выходные постоянно кипели спортивные сражения, в которых половина городка участвовала, а другая половина «болела». Музыка, шум, флаги — голова закружится от впечатлений.

А в пустынной обстановке можно изучить всё. Василёк зашёл в сектор прыжков. Разбежался и прыгнул в длину. Получилось хорошо... Потом прыгнул в высоту ножницами, рыбкой, наконец, пролетел над воображаемой планкой перекатом.

Зашёл в футбольные ворота. Встал в позу и прижался к штанге, как это делал непробиваемый вратарь Фомушкин. Автоматически выкрикнул новое и очень спортивное слово «оф-сайд!».

За воротами Василёк прошёлся по сектору метания. Он видел, как тут на спартакиадах бросали гранаты, мячи, металы ядра, молоты, диски и копья. Постоял на каждой площадке и мысленно всё пометал. Жаль, ничего из спортивных снарядов под рукой не было. И тут он подобрал и метнул к центру футбольного поля камень, который обнаружил под подошвой своей парусиновой туфли.

Спихватился. Представил, как больно будет футболисту, если он упадёт на этот камень. И добежав до камня, поднял и метнул его обратно.

В центре футбольное поле казалось необъятным. Как тут футболисты от ворот до ворот целыми часами бегают, да ещё голы забивают? Ничего, Василёк вырастет, станет взрослым, будет тренироваться. Обязательно!

Он вышел на гаревую дорожку, а на ней контрастно белела свежая разметка. Красиво! А не пробежать ли соточку, как говорил учитель физкультуры? И – побежал, с низкого старта. Правда, никто не видел бегуна, и время секундомером не засёк. Но ему понятно было, что сейчас только что поставлен мировой рекорд, не меньше. «Салаги-одноклассники бегают на физкультуре на шестьдесят метров, а я – от флажка до флажка. Могу и стометровку, и даже полный круг одолеть!» Его какая-то сила распирала возможностями...

Недолго думая, Василёк дал высокий старт самому себе в забеге на четыреста метров. Добежав до финиша, замкнув круг, он понял, что может пробежать гораздо больше. И решил, что с завтрашнего дня начнёт бегать по десятку кругов за раз, чтобы постепенно стать марафонцем.

Становилось жарко, Василёк дошёл до колонки и принялся жадно пить. Струя была тугой, сильной, прозрачной и казалась живой. Неподалёку он заметил клочки резины от метеозонда. Как они сюда попали? Поднял один, прижал к трубе, и вода быстро накачала увесистый шар, в котором заиграло маленькое солнце, заискрились искорки и блики, и сердцу стало веселей. «Похоже, и наш мир состоит из такой же прозрачности, а вода и есть главное живое существо на свете – не терпит препятствий, мути, грязи и застоя, и всегда нужна людям, как воздух и земная твердь». Шар вобрал в себя весь окружающий мир, даже Василька...

И пошёл Василек в обратный путь: вдоль скамеек, мимо высоких тополей и хоккейной коробки, мимо гостевой трибуны...

Да, кстати. Под скамейкой он нашёл монетки общей суммой на тридцать семь копеек. Теперь на всё хватит — и на квас, и на мороженое и на кино.

На деревянной трибуне Василёк попрыгал от стенки до стенки. Так мальчишки в догонялки здесь играли. Прыгал ловко, но этого никто не видел. И стало скучно. Тогда он спустился вниз, прошел к центральной дорожке и заглянул в высокую аллею из акаций, нарвал с полкармана стручков для свистуллек.

За трибуной Василёк прошёлся по волейбольной площадке, дотянулся до сетки, До верхнего его края было очень высоко. А дядьки допрыгивают и глушат по мечу со звуком, как из пушки. А как тут орут болельщики! Скорей бы вырасти.

Вот и полоса препятствий. Недавно тут почти с самого верха сорвался спортсмен. Его увезли на «скорой помощи». А Василёк наблюдал этот самый случай. Тогда ему стало жутко, ведь время придёт — и ему надо будет преодолевать эту полосу. Значит, уже сейчас надо пробовать. И он взобрался наверх и пошёл по квадратному бруску. Ничего! Нормально! Только вниз не смотреть!

Пора домой. Что-то есть сильно захотелось. Да и заметно вечерело. Василёк пролез сквозь дыру в заборе наружу, перебежал дорогу. Впереди у дерева стояла мама и с непонятной грустью смотрела на сына.

ЧТОБ СТАЛ ЧЕМПИОНОМ

Рассказ

Дома были все, кроме папы. Этот разговор Андрюша затевать не хотел, но нужда заставила.

- Мам, купи мне коньки! Снегурки хочу, как у Васьки.
- Господи, где я лишних денег возьму — сам подумай.
- Ну, ласточки купи, как у Женьки.
- Отстань! Нет денег. Уроки сделал? Иди на Банникову горку, на санках покатайся.

Разговор не получился. Вечером Андрюша с такой же просьбой подошёл к отцу.

— Пап, коньки хочу.
— И что?
— У всех коньки, у меня нет.
— Ну, допустим, не у всех всё есть. А если у кого-то что-то есть, завидовать не надо. Будут и у тебя коньки, надо подождать. Знаешь, у нас кроме тебя Пашка-малыш, да Танюшка совсем маленькая. Зарплаты моей нам не хватает.

— Привыкай, сынок, свои проблемы решать самостоятельно, — добавила мама. — Настоящим мужиком вырастешь...

Андрюшка понял всё, затих. Дома, конечно, спокойно, если нитьё Танюшки не считать. А на улице, во дворе, где ребята банку железную вместо мяча хоккейного гоняют самодельными клюшками, им хорошо, весело — они на снегурках да ласточках. А у Андрюшки что-то ноет в груди, когда его в игру не берут. И мимо катка хоть не проходи: полкласса на коньках вокруг ёлки кружатся, порхают, а ты... а тут... денег нет.

Бабушка в таких случаях повторяла: «Денег нет — и не будет, а жить надо». Правильно она говорит, а всё равно Андрею грустно.

Весь вечер Андрюшка был задумчивым, а на другой день после школы и домашних уроков сразу взялся за работу. Он вырезал две крепкие чурочки в размер ступни, прибил к ним куски фанерки. Нарезал жести от консервных банок. Обжал жестью брусочки по форме и прибил её мелкими гвоздиками. Проделал отверстия в заготовках и продел в них сыромятные шнурки. Готово!

Если он что-то делал, возился в своём уголке, ему никто, кроме братика обычно не мешал. А тут Андрюша и от Пашки затаился. И примерял коньки на валенки так, чтобы никто не увидел. Потом затянул шнурки с помощью коротких палочек. Всё — скорее на улицу!

Пока искал подходящее скользкое место для испытаний и шёл по тропинке, ни разу не упал. «А завтра клюшку сделаю!» — подумал он попутно. И вот она прикатанная машинами дорога — здесь снег на лёд похож...

Мальчик сделал первые движения. Отлично! Коньки его скользили послушно. Теперь только надо научиться двигаться правильно. Туда-сюда, туда — сюда. Здорово! В душе заиграла какая-то песня без слов! А теперь надо испытать — как поведут себя самоделки на настоящем льду?

Да... на льду намного хуже: направление не выдерживают, ноги разъезжаются. Чего уж! Лучше кататься по дороге...

Постепенно Андрюша стал заворачивать к дому, добрался до угла дворового заборчика. Глядя себе под ноги, сделал какую-то мудрёную фигуру. И вдруг упёрся в черное пальто отца.

— Во, какой молодец! Сам коньки сделал. А я тебе настоящие несу, на прокат в клубе взял. Ножи называются. Самый маленький размер — как раз для тебя, если ещё одни носки наденешь. Держи! Катайся! Но чтоб стал чемпионом...

— Буду!

Эту сцену и застала мама, когда вышла бельё во дворе развешивать.

— Как хорошо! А я денег у Веры заняла Андрюшке на коньки. Наверное, отдам...

Как давно это было! Точно и не было совсем. Андрей давно уже Андрей Петрович, он выполнил шуточный отцовский наказ — стал чемпионом. Правда, не в спорте — совсем в других делах. Но в начале любого чемпионства должны быть вещи, которые сделаешь сам. Коньки или самокат, мотоцикл или комбайн, первая прочитанная книга... Неважно, что именно, лишь бы заработал двигатель собственного мышления.

СИНИЧКА В РУКЕ

Рассказ

Отец уже на работе. Мать воркует с младшим братиком, а второклассник Петька собирается в школу.

На улице темно, но над каждым фонарем кое-где стоят световые столбы. Словно выстрел в небо — и снаряд затерялся в звёздах, остался только искристый след. Красиво!

Петька явно припозднился — привычная ватага школьников была где-то впереди. Поэтому три километра до школы придётся одолеть в одиночестве. Но дорога одна и прямая, и широкая — с пути не собьёшься, только скучно идти одному.

Свет в жилые вагончики давали два раза в день — утром и вечером, всего лишь на час-полтора. За этот час утром надо было успеть встать, собраться, позавтракать, если есть что поесть, ну а вечером — сделать уроки. Однажды Петька выучить уроки и выполнить задания не успел, поэтому пришлось присесть с учебником к синему огоньку примуса. Мать как раз грела воду на этом аппарате, сновала туда-сюда — то к печке, то к малышу, да и на грех задела кастрюльку с горячей водой.

Петьку передёрнуло, когда вспомнил, как его ошпарило кипятком. Он тогда вмиг слетел с табуретки и упал на спину. Мать всплеснула руками, вскрикнула, но тут же стянула с Петьки мокрые, дымящие паром шерстяные шаровары, начала чем-то смазывать кожу...

Вечером отец принёс питьевой воды с речки, разделся, посмотрел на красного по пояс голого старшего сына и сказал: «Ничего, пройдёт, главное — женилка цела». И действительно, дня через три Петька начал забывать об этом внезапном несчастье. Он снова привычно носил маме снег вёдрами для получения горячей воды на очередную постирушку...

Вдруг вспомнил, как впервые побывал на станции и увидел настоящий паровоз — страшное явление! Когда шумит, гудит, свистит, обдаёт паром, да ещё и колёса в твой рост внезапно проворачиваются рядом с тобой. Улыбающийся мамин брат уже

выпрыгнул из вагона и двинулся навстречу родне. А на груди у него сверкала светлая боевая медаль.

Через год, осенью стихийная гордость обуяла всё население посёлка. Потому что киномеханик остановил кино и сообщил, что сейчас над нашими головами пролетит первый искусственный спутник Земли – наш спутник! Зрители выскочили из клуба, задрали головы к небу, по которому двигалась маленькая звёздочка. Закричали: «Спутник! Спутник!». И маленький мальчик, сидя у отца на руках, поднял руку и повторил за народом: «Пукник! Пукник!», чем изрядно насмешил тех, кто его услышал...

Со своими бессистемными воспоминаниями Петька прошёл половину пути, и тут услышал, что сзади стучит копытами лошадь, скрипят широкие полозья саней. А возница – дядя Костя, бывший фронтовик, хороший знакомый отца. Дядька осадил лошадь напротив мальчишки: «Садись! А-а, это ты, Петюня...».

Дядя Костя Игнатов был добрым человеком. Как правило, он всегда подвозил школьников, коли выпадал счастливый попутный случай. Иногда сани так набивались ребятишками, что одному-двум последним присесть было некуда. Как-то всё же теснились, ехали вповалку, зато тепло и весело. А другого какого общественного транспорта и в помине не было.

Дядя Костя высадил Петьку на повороте, почти у школы. Малец бодро пошёл на рядок оконных огоньков, что едва виднелись за большими сугробами. И тут ему под ноги с неба что-то упало. Петька поднял – это была синица, вроде ещё теплая, но уже без признаков жизни. «Замёрзла на лету!» – подумал мальчик.

И так эту синичку жалко стало! «Что же ты, родимая, спрятаться как следует не смогла?» Слёзы проступили в глазах мальчика, и тут же заледенели. Петька положил синичку ближе к сердцу – за пазуху.

Школа детей принимала и в морозные дни. Дети пришли не все. Входящим учителя говорили: «Здравствуйте! И зачем пришли в такой холод – ведь радиоузел объявление сделал. Не надо было приходить.» На что ребята отвечали: «А что дома

одному делать-то? Вот и пришёл». Пришли не только мальчишки, но и девчонки. А что, они у нас бедовые. То и дело было слышно:

– Вернись! Валенки обмети! Веники у порога...

Анастасия Георгиевна обрадовалась возможности дополнительно позаниматься с каждым, кто явился в класс. В Петькином классе было спокойно, тихо, до тех пор, пока он не вспомнил о синичке. Он осторожно достал птичку, чтобы показать её соседу по парте Витьке. И вдруг заметил, что синичка слегка дёрнулась, открыла глаза. Затем она присела в ладошке и замерла. Красивая, как резная игрушка. Пёрышки, словно точёные. Сине-зелёно-жёлто-белая, и тёмная, где надо, и... у него не хватило бы слов для описания. Искусный природный мастер сделал такую красоту.

Петька стал передавать синичку Витьке в руку, но птичка распустила крылья и перелетела на другую парту к Лариске Мотиной. Та, с испугу, наверное, хватанула учебник двумя руками и хлопнула по тому месту, где только что присела синица. Но опоздала – синица взмыла с лёгким шорохом под потолок.

Хлопок по парте не прошёл даром – Анастасия Георгиевна сняла очки и оглядела ребят. И тут синица опять перелетела с места на место. Учительница всё поняла...

– Так, – сказала она протяжно, – и кто принёс синицу в класс?

Молчание. Тот, кто принёс, подумал, что без разборки происшествие не останется. И без домашней порки тоже. Но Петька – не трус, он всё-таки встал и твёрдо сказал:

– Я принёс.

– И зачем нам синица? – вопрошала учительница.

– Не знаю, – ответил ученик.

Тут вскочил Витька и заявил:

– Она мёртвая была. Петька на дороге подобрал. А теперь вдруг ожила.

Синица к этому времени успокоилась, повисла на шторке.

– Ладно, дети, продолжаем занятие...

Когда занятие закончилось, ребята столпились у длинной вешалки, стали одеваться и выходить в коридор. Как научили, мальчики чинно подавали пальто и фуфайки девочкам, пропустили их вперёд.

Синица всех опередила, юркнув в дверной проём. А в коридоре дети замерли на месте: птица вдруг умножилась — три, четыре, пять, а может и больше синичек сновало под потолком туда-сюда.

— Не один у нас Петька такой сердобольный! — сказала Лариска.

— Да, он добрый малый! Молодец! — Анастасия Георгиевна его похвалила и продолжила, — вот вам и синичка в руке... Она гораздо ближе, чем журавль в небе. Нагнись — подбери, отогрей, если у тебя тёплое сердце.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Рассказ

Сон. Страшный сон приснился Шурику. Таких страшных сновидений ещё не было...

Трудно вспоминать то, что произошло этой ночью.

Шурик был в летней ссылке у бабушки. Жили они вдвоём, и жили ладно. Ели затируху и сочную редиску с солью и возились по хозяйству: то за хворостом сходят для печи, то ивняка нарубят для новых плетней, то камыша заготовят, чтобы дыры в крышах латать. А были у них ещё и незаметные, но ежедневные заботы с овцами, с курами, с огородом и котом.

Но однажды к бабушке пришёл мужик с кнутом и попросил помочь на току, да ещё в ночную смену. Ну, не справляется колхоз с уборкой урожая без пенсионерки Лукерьи Ивановны, и всё тут! А бабушка в помощи никому не отказывала. Хотя, где надо, была твёрдой, строгой и непоколебимой, а в работе — сноровистой да жилистой.

Бабушка и внук часто спорили. К примеру, о погоде, о речке и даже о боге. Она рассказывала о какой-то неведомой Пале-

стине, о фарисеях, о Ковчеге Завета, о еретиках. Самое главное, ежедневно несколько раз молилась Христу с утра до ночи, мелом рисовала кресты на дверях и в других неожиданных местах. Молилась и Шурика приучала. Но тут у них и случилось разногласие, ведь отец у внука бывший фронтовик, окопник, он никому не верил и в бога не верил тоже. И сына на эту дорожку повернул. Но надо честно сказать, хоть споры эти философские бывали громкими и даже резкими, заканчивались они одинаково — миром и ватрушками с молоком. Бабушка потом молилась с новой силой, а Шурик выходил погулять вокруг дома и заглянуть в центр большущей ямы с водой, что появилась рядом, посреди улицы после весеннего разлива...

И вот пришёл этот мужик в потёртом плаще и в картузе, да с кнутом в руке. Постучал в окно и сказал: «Лукерья, выходи!». Они поговорили у ворот, и бабушка засобиралась на работу.

— Ты, Шурик, не бойся, я тебя к подруге отведу. У неё и переночуешь, а завтра утром встретимся...

— Хорошо. Я и не боюсь.

— Ну, с богом...

Лукерья передала Шурика Евдокии. Она — такая же бабушка, только старше и ниже Лукерьи ростом. Говорила нараспев, громко, но плавно. И все разговоры — о сыне, которого нет уже давно, потому что он на том свете.

Евдокия угостила Шурика блинами со сметаной, и всё говорила, говорила...

— Он, мой Коленька, на тебя похож. Вернее, ты мне его напомнил. Ласковый был. Учился в школе хорошо, на одни пятёрочки. Бывало, учит свои уроки, книжки листает, а я ему — шёл бы ты, Коленька, погулять. А он отвечает: нет, мамуля, мне науки постичь надо... И так заучивался, что ночью проснётся, сидит в кровати и, вроде, на доске в школе что-то пишет, пишет мелом. Только сгинул мой соколик — телега с горы разогналась, да перевернулась, мешками с зерном его и придавило... — всхлипнула Евдокия, и слезинки покатались по щекам.

— Коленька, такой славный сынок был — хозяйственный, умный...

На ночь Евдокия постелила Шурику на полу, под божницей. По просьбе гостя. Очень уж ему хотелось просторно поспать, а тут ещё и постель мягкая, как пух. Ещё бы — под простынкой меховая шуба, а в голове подушка с новыми перьями — только спи долго и сладко.

Под разговоры и задремали уже, как вдруг раздался частый стук в рельс. Пожар! Выбежали на улицу — через пяток домов строение горит. И кто-то беспрерывно стучит и стучит по рельсу. А люди в темноте спешат к горящему дому, что-то уже делают там: суетятся тёмные человеческие тени на фоне огня. Подъехала конная водовозка, и вскоре пожар потушили. А Евдокия с Шуриком вернулись в избу, улеглись ещё раз на сон, даже обсудить происшествие не стали — поздно уже.

После приключения с пожаром Шурик начал его тут же забывать. В голове мысли путались, и очень хотелось спать. Какое-то время он слышал, как мерно и громко стучали ходики на стене. И — провал!

Уснул, как говорят, мёртвым сном, да чуть и правда не умер. На него навалился какой-то ужас! Он увидел Лукерью, потом вместо неё появилось приветливое лицо Евдокии. И оно вдруг изменилось — появилось лицо прабабушки Агриппины, что жила в райцентре. Зачем она тут?

Но и Агриппина вдруг исказилась. Она превратилась в неведомое страшилище с мускулистыми руками. Страшилище навалилось и стало Шурика душить. Он барахтался, как рыбка-вьюнок на берегу, сучил ногами, вращал руками. Однако на самом деле не мог сдвинуться с места. Шурик пытался крикнуть, но кроме кашля и хлюпающих шипящих звуков ничего не получилось. Воздух в груди исчез. Сколько продолжалось удушение, Шурик потом вспомнить не мог, сначала он вообще ничего

не помнил, лишь спустя некоторое время что-то стало восстанавливаться в памяти...

Всё-таки какое-то спасительное слово вырвалось наружу! Евдокия подскочила к мальчику, что-то спросила, потом запричитала что-то невыразимое, как по покойнику, — громко и со слезами.

Она приподняла Шурика, прижала его к себе, погладила по головке и зашептала утешительные слова...

За окном очень долго светало. Солнце как-то медленно поднималось над землей. За Шуриком наконец-то зашла Лукерья.

По дороге в её дом внук пытался рассказать о том, что случилось ночью. Но слов подходящих не знал, а Евдокия Лукерье сказала просто:

— Сон страшный ему приснился...

Полное утешение не приходило. Дома, когда Лукерья Ивановна стала молиться, Шурик нашёл нужные слова:

— Домой хочу! К маме, папе хочу!

— Так не время ещё возвращаться тебе к родителям.

— Домой, и всё! Хочу домой, — и в слёзы. Таким бабушка никогда внука не видела.

И пришлось отправиться в путь-дорогу. Точнее, бабушка и внук пошли из села в посёлок по тропинке, что напрямую связывала два населённых пункта. Бежала она через железную дорогу, через кирсановские луга, пойменный лес, по летнему мосту — через речку Самарку.

Пока шли лугами, роса в траве почти высохла. Лукерья всё отваживала внука от тревожных мыслей. Она рассказывала об ангелах, что спасают людей, потом стала показывать чуть ли не каждую травку, называя её по имени и открывая лечебные тайны.

Почти рядом бегали перепёлки и не ко времени кричали своё «спать пора», трясогузки отвлекали путников от своих гнёзд и перебегали дорогу суслики. В ясном небе высоко парил беркут, а в стороне, ближе, к рожице, кружилась стая коршунов.

Степь жила своей обычной жизнью, и никаких ангелов Шурик не увидел.

Добрались до озера, стали переходить его вброд. Вода была чистая — под ногами видно до самого дна. Ласковая вода, спокойная, живая — что-то в её глубине двигалось во всех направлениях, то и дело появлялись тонкие круги, слышались слабые всплески. И гудели какие-то существа голосами, как колхозные бычки. У противоположного берега плавали молодые дикие утки, в лесу — целый оркестр разноголосых птиц. Птицы разные, а пели одновременно и складно.

Путники преодолели длинный временный мост через широкую Самару, а тропинка повела далее — на кособор. Уже появились крайние дома. Петухи поднимали людей, проспавших работу.

Вела тропинка и вывела прямо к порожку домика, где жили родители Шурика. Конец пути. А на двери — замок!

Родители жили в полувагончике с соседями. В одной половине родители Шурика, в другой Елизавета с сыном. И куда родители делись? Во дворе никого — некого спросить. Отец, допустим, на работе, а мать должна быть дома... И тут на порожек вышла Елизавета:

— А нету их дома. Ни Коли, ни Клары. Им с утра приехали и сказали, что у Коли бабушка Агриппина ночью померла. Вот они и уехали в райцентр... Может, сегодня и не вернуться.

— Куда ж мне Шурика девать, обратно вести?

— Оставляй.

САШКИНА МАШИНА

Житейская история

Новая жизнь началась у Сашки с мороженого. Солнечная тётя Люба подошла к заветному киоску и купила сразу три белоснежных кирпичика — Сашке, дядьке-папке и себе. Развернув

обертку, она подала мороженое мальчику, и он немедленно вонзил редкие зубы в ледяную мякоть.

– Ну... мы-и...

Трудно было разобрать, что он пытался сказать, пока ел. Но когда в несколько минут расправился с лакомством и сосредоточенно облизал розово-голубую бумажку, взрослые услышали:

– Ништяк, тётя Люб, а еще купишь? Два купишь?

– Куплю. Шурик дорогой, – торопливо ответила тётя Люба, – немного обожди...

Дядька-папка глупо улыбался и уплетал свою порцию лишь немного медленнее Саши, ел и умудрялся напевать что-то весёлое, но понятное только ему...

Универмаг – роскошное заведение, всё тут есть: трусы и майки, носки и лакированные ботинки, брючки и рубашки, курточки, фуражки... Сашка громко рассмеялся, радуясь удачному созвучию слов, удивляясь обновам, сделанным для него, ясному утру, похожему на добрейшую тётю Любу. Но поймав себя на этой девчачьей радости, он тут же принял серьёзный вид.

– Ништяк, правильно, – мамка Валька так и калякала, что ты всё купишь... и ботинки, и брюки. А вырасту – машину мне купишь, – по сложившейся уже привычке Сашка о чём думал, о том и говорил вслух, никого не стесняясь.

Он и не знал, что такое стеснение, стыд. И очень удивился, когда продавщица обувного отдела прошипела тётя Любе: «Вы хоть бы ноги ребёнку помыли...». Мыться, вообще-то, Сашка любил: в речке, в луже, под дождём – только не в ванне – там мыло пребольно щипалось, а мамка Валька то и дело отпускала такие затрецины, что он и не слышал собственного крика. Хорошо, что такие помывки случались редко, а начавшись, быстро заканчивались. Сегодня помыться дома не удалось – воды не было, а до поезда всего два часа оставалось.

Дядька-папка прямо в раздевалке со шторками и большим зеркалом, где покупатели примеряют одежду, заставил Сашку надеть всё новое, а старые трусы, носки и майку завернул

в газетку и на выходе из магазина бросил в урну. Сашка хотел было сказать, что вещички можно постирать, что он сам один раз делал это, но загляделся на яркую пачку из-под папирос и промолчал. Новые «шмотки», как говаривали Сашкины друзья, были «высшего класса», но очень неудобными – жали, стесняли движения, мешали жить по-человечески. Однако Сашка решил терпеть и не противиться новшествам ради того, что ему обещали в будущем. А будущее его, по словам мамки Вальки, должно быть похожим на радугу: конфеты, торты, шоколад, велосипед... Ради такой распрекрасной жизни можно не только жмучие ботинки, но и все неудобства на свете вытерпеть.

Непредвиденные для Сашки досадные осложнения начались в поезде. Он совершенно нечаянно пролил почти полную миску щей на новые брюки. Хорошо, что щипки оказались не очень-то горячими.

Дядька-папка смеялся до слёз, сказал, что заодно, мол, и ноги помоем. Тетя Люба не смеялась совсем. Она сходила за тряпкой, протёрла стол, вычистила брюки, помыла полы между лавками-сиденьями. А когда она всё это делала, полные губки её то и дело дрыгались и в глазах сверкали мелкие слёзки.

Ноги помыли, уселись в купе, но тут Сашка нарочно выронил на стол стакан из подстаканника, уж очень интересно было испытать: дадут ему, наконец, по шее... или опять пожалеют?

Пожалели. Дядька-папка снова хотел посмеяться, но глянул на тётю Любу и осёкся, не посмел. А она пристально посмотрела на Сашку, молча притёрла пролитые остатки чая и, отвернувшись, стала тихонько сморкаться в платок.

Осколки стакана валялись на полу, их хотел убрать дядька-папка, но в проёме купе показался толстый человечек в чёрном костюме с жёлтыми железками вместо зубов и стал требовать, коверкая слова:

– Плати тавай сорок копейк... Питый стикло я упирать пугу?

Тётя Люба поспешно сунула в смуглую руку рыжий рубль, и человечек, мгновенно успокоясь, быстро принёс веник, смёл осколки на совок, ушёл.

Но тут психанул Сашка:

– Ты зачем рябчики раздаёшь кому попало? Дура! Так все мои машинные деньги разбазаришь! Чтоб больше этого не было!

Он кричал, брызгая слюной, а соседка по скамейке, длинная тётка, не отрываясь, круглыми глазами смотрела на мальчика, и Сашка попутно зацепил и её:

– А ты чё... людей не видала? Крыса!

Женщина покраснела и вышла из купе, а тётя Люба стала отпускать слёзы покрупнее и всё сморкалась в кремовый платочек.

Только дядька-папка, как и Сашка, не унывал – улыбнулся, как-будто ничегошеньки не произошло, и наверное впервые за день сказал:

– Да бросьте вы печалиться: Шурик – нормальный парень... и с кем не бывает? И жил с алкашкой... Хватит.

Он этим хотел, видимо, сказать тёте Любе, чтоб перестала сморкаться, но она его не послушала – тяжело вздохнула и отвернулась к стенке. А разве в поездах спят?

К вечеру жизнь наладилась: дядька-папка сходил на перекур и принёс три бутылки лимонада, а к ним – вафли и конфеты. Но тётя Люба всё не хотела есть вместе с мужиками, и Сашка сам протянул ей полвафельки:

– На, стрескай...

Тётя Люба ни то икнула, ни то вздохнула, но согласилась поесть.

Квартира, в которой Сашке предстояло жить до покупки машины, оказалась шикарной, совсем не похожей на «хату» мамки Вальки. Балкон, две комнаты, кухня, коридор... А вещичек набито! Таких и столько сразу Сашка сроду не видел. Всё – большое, блестящее, мягкое – полжизни уйдёт, пока познакомишься с каждой вещью в отдельности.

– Ништяк! – оценил Сашка. – Поиграем до предела...

Весь почти день Сашка просидел у цветного телевизора, а после ужина заявил:

– Всё у вас есть, только карт не вижу. Сыграем, тётъ Люб, но чур не финтить: лажы не стерплю!

– Шурик, милый, мы в карты не играем.

– Ха, откуда ж у тебя деньги? Не ври! Деньги у тебя есть, а без карт их не выиграешь. Гони карты – пора у тебя деньги выматывать на машину...

– Нет у нас, Шурик, никаких карт. Не было и нет. А деньги мы зарабатываем, понимаешь?

– Ниш–штяк! – удивился Сашка, – я смотрю, вы вообще того... карт нет и бутылок на кухне всего две. Что сдавать, на что жить? Я тебя спрашиваю, кукла!

После такой нотации Люба действительно, словно оуклилась: жёлтые космы причёски растопырились в стороны, припудренные щёки побелели. Замолчав, будто деревянная, она подошла к кровати и, не раздеваясь, грохнулась в узорные ткани.

Сашка, почувствовав неладное, забеспокоился, но дядька–папка сказал ему:

– Ничё, сын. Обойдётся. Нормально всё. Айда спать!

Сашке не спалось – после обеда храпанул, видимо, изрядно. Но, чтобы окончательно не спугнуть новую жизнь, он притворился спящим.

В большой комнате кто–то ворочался, всхлипывал. Неясный шепот усилился, и Сашка услышал:

– Бумаги надо оформить до конца: вдруг алименты потребует... заберёт Шурика.

– Не всё сразу – успеем. К нему привыкай...

– Ох, не могу с ним, Коленька...

– Нормально всё.

– И как ты женился на такой... Убила бы! Такого мальчишечку изуродовала.

– Дурак был, зелёный, пьяный... свадьбы не помню.

Голоса стихли, но вскоре донеслись опять:

– В школу ведь собирать...

- Соберём.
- Как будет учиться, не представляю... вся школа с ума сойдет.
- Переменится.

Голоса на мгновение исчезли, но тут Сашка услышал третий – громкий голос: «Купят они тебе, Сашанчик, машину–легковушку... Купят!»

Вдруг мальчик увидел тёмные, корявые фигуры каких–то танцующих мужиков и среди них тонкую, словно сломанную фигурку кривляющейся мамки Вальки. «Купят!» – подтвердила она и упала лицом в красную сигаретную пачку.

АЗЫ ВЗРЫВНОГО ДЕЛА

Рассказ

Весна! Крыльцо нагрелось. Шурику захотелось посидеть в уличном тепле, да и смастерить что-нибудь. Он принёс и разложил на ступеньке отцовские инструменты. Ещё не придумав центральную идею, он уже постукивал молотком, пробовал щипцы на разъём и сжатие, перебирал блестящие гвоздики. Очень хотелось что-то мужское сделать, как папа.

Неподалёку вдруг раздался взрыв у летнего кинотеатра. Шурик вскочил и побежал в район взрыва. Пока бежал, услышал второй взрыв и голоса мальчишек, и даже чей-то плач. Взрыв второй он почти увидел: в одном месте разом колыхнулись полупрозрачные клёны, блеснул огонь и появился сизый дым. В сторону метнулись тени детей, но на месте взрыва уже никого не было.

Само место Шурик определил точно. Именно тут валялись какие-то детали и механизмы, тут были красные кляксы крови и даже человеческие пальцы.

Отдельно от человека пальцы он увидел впервые, но не испугался ни их, ни крови. Наоборот, соображалка усиленно заработала – он быстро подобрал кое-что техническое и другой дожкой бегом вернулся на своё крыльцо.

А над крыльцом вовсю порхали бабочки — красно-коричневые с чёрной отделкой и две ярко-жёлтые. Тишина. Лишь птицы стали петь дружнее...

Шурик снова уселся на порог, и стал с интересом осматривать найденные ценные вещи. В них что-то двигалось, щёлкало, что-то напомнило шприц, которым Шурика кололи зимой, когда он болел.

Крутил, перебирал вещички и остановил своё внимание на самом интересном предмете. Он напоминал половинку металлического яйца тускло-серого цвета и заканчивался желтоватым кольцом с одинаковыми рубчиками. Шурик покрутил его в руках, взял молоток и, сначала легонько, вскользь, а потом сильнее стал постукивать по центру и бокам.

И вдруг увидел маму. Она шла в пальто шоколадного цвета, в сером пуховом платке, что-то несла в руках и уже издали улыбалась сыну. «Какая красивая!» — вдруг осознал Шурик. «Самая красивая и лучшая мама в мире!».

— Как дела, Шурик? Чем занимался? — мама наклонилась и поцеловала мальчишку. Он слегка отстранился, потому что с недавних пор стал немного стесняться проявлений всяческих ласк. Девчонка он, что ли?

— Вот... — показал он, протянув на ладонке детальку.

— А что это?

— Не знаю.

— Погоди, не ломай, это, наверно, свечка от мотоцикла. Новая, видно, целая. А давай отдадим её дяде Андрею Миляеву. Он тебя за это покатает...

Шурик безоговорочно согласился, потому что хорошо знал своего соседа — лесника, в тёмной форме, и часто разглядывал его чёрный трехколёсный мотоцикл. На таком покататься — уже интересно, а порулить — счастье! Да, прокатиться очень хотелось.

Мама и сын вошли в дом. Мама поставила свечку на комод, что был накрыт белой салфеткой с выбитым цветочным украшением. И стала готовиться к обеду.

И тут в дом вошёл папа. Высокий, в военной шинели, он и впрямь казался Шурику настоящим богатырским великаном. Немного страшным, но своим – родным и тоже красивым, почти как мама.

Отец вошёл и вдруг застыл на месте. Побледнел.

– Каль, а откуда у нас такое? Что это?

– Где?

– На комодe.

– Я подумала, свечка от мотоцикла... Мы с Шуриком так подумали. Мы хотели, чтобы дядя Андрей...

– Ну-ка, сын, собирайся на улицу!

– Куда, а обедать?

– Потом, потом. Сейчас мы ходим в одно место. Клади эту свечку в карман.

И пошли папа и сын к мосту через Самару.

Шли недолго, в городке всё рядом. Перед мостом справа росли громадные деревья – не обхватишь. Ниже деревьев, ближе к берегу стояла военная палатка, рядом с нею – зелёные ящики и солдаты.

– Стой здесь, сынок, и жди меня!

А было тут красиво! По мутной самарской воде неумоимо ползли большие льдины. Они иногда сталкивались, переворачивались, показывая пупырчатое дно, топили более мелких соседей. Уплывали одни – приплывали другие...

Отец забрал у сына детальку. Спустился вниз к солдатам, отдал им её и при этом что-то сказал. Через минуту один из солдат размахнулся и что-то метнул в сторону наплывавшей льдины. И целый столб воды прыгнул в небо.

Высокий! Широкий! Брызги и куски льда резанули по деревьям, за которыми стоял Шурик. Они достали и его, забрызгав пальцецо. Это был третий за день взрыв для мальчика – оглушающий, близкий и самый страшный. Шурик аж задохнулся от удивленного, испытанного и пережитого.

А отец уже возвращался к нему:

– Видел?

- Да...
- Больше никогда не подбирай такие предметы с земли. Никогда! Понял?
- Понял.

Но Шурика не проведёшь. Он постепенно узнал, что пальцы оторвало кому-то из братьев Тимошевых, что домой он принёс детонаторы, бикфордовы шнуры и взрыватель от снаряда. Что солдаты у моста были сапёрами, они взрывали ледяные заторы. А тот солдат бросил в Самару тротилловую шашку... В городке нашлись хорошие просветители и наставники по военному делу, они и жили рядом, во дворе, только были лет на пять старше Шурика.

СКОЛЬКО ЖИЗНЕЙ ВПЕРЕДИ?

Рассказ

- Ты не забыл? Сыну сегодня пять лет. Как отметим?
- Как отметим? Да просто – давай, пока обед, на речку сходим. Искупаемся, там и поедим.
- Хорошо. Давай Надю прихватим, а то она всегда одна и одна...
- Надю? Ладно.

После небольших сборов, родители подхватили Шурика, позвали соседку и отправились к Самарке. А до неё – минут десять ходьбы. Рядом река, считай.

Шли не спеша, мимо большого куста спелой черёмухи. Около неё остановились, ягоду испробовали – вкусно!

На пляже не очень многолюдно. Вид открылся красивый. Быстрое узкое русло; справа – заливчик мелкий, для детей, называемый «лягушатником». Зелёный остров напротив жёлтой песчаной косы. Над пляжем густое синее небо с облаками из светлого серебра. Солнце, играющее с облаками в прятки. Одним словом – лето!

Отец взял Шурика на руки, пошёл с ним в воду.

– Не упусти! – крикнула мама.

– Не бойся! – ответил отец.

И женщины постепенно погружались в воду, иногда вскрикивая и смеясь.

Отец и сын тоже смеялись. Отец ненадолго нырял с Шуриком на руках, нарочно пугая малыша. И когда они выныривали, Шурик радовался и залиvisto хохотал вместе с отцом. Всплески, брызги солнца и воды! Счастье!

Как они разыгрались! Неожиданно сынок упёрся в грудь отца ногами и резко выпрямил их. И тут же оказался один в пучине воды. Течение подхватило его. Выскользнул сын все-таки из рук отца.

Не размышляя, отец бросился за исчезающим сыном, нырнул и подхватил в воде. В быстром русле было довольно глубоко, тут всегда купались только взрослые.

Женщины замерли в крике. И, может быть, не успели осознать беды до минуты, когда отец и мальчик появились на поверхности реки.

Конечно, купание было испорчено. Кое-как съели обед, а мама есть не стала совсем. Помолчали. Пора уходить домой – обеденный перерыв на работе отца заканчивался.

Быстро оделись, пошли к дому. По дороге встретился общий знакомый – начинающий фотограф Володя.

– О, сколько природы! Давайте я вас снимаю...

– Некогда, – сказал отец.

– Фотографируй! – сказала мама. А Шурик стоял и грыз кленовую веточку – зубы, наверно, донимали, чесались.

Свернули на полянку, в клёны. Володя щёлкнул несколько раз затвором трофейного немецкого фотоаппарата, и все пошли по своим делам. Володя – к речке, остальные по домам.

– Надо же, до сих пор не могу понять, как ты поймал Шурика. Ты понимаешь, ведь он мог утонуть...

– Да ладно уже, я ж ныряю с открытыми глазами. Подумаешь, хлебнул немного самарской водички...

– Ведь мог утонуть...

– Мог, но не утонул. Можно радоваться – второй раз на свет народился. Вот мы и отметили сразу два дня рождения, – сказал отец.

– Тебе бы только позубоскалить! – сказала мама. – Слава богу, что так обошлось.

Родители были молодыми. На порожке дома они, вроде бы, уже забыли страшный случай – жизнь нормализовалась, и говорили они уже о чём-то другом.

– Ты как смотрел на Надю?

– Как? Обычно. А тебе что почудилось?

– Ничего. Вечером договорим.

Отец ушёл. Мама прилегла отдохнуть. А Шурику что-то спать расхотелось. Он поворочался в кровати, тихо встал. Вышел на крылечко, потоптался, посмотрел по сторонам, и ноги сами повели его в лес.

Тропинка та же. Черёмуха знакомая, но до ягодок не дотянуться. Пляж тот же, только народу меньше. На песке крутого берега расположились большие дяди. Они сидели на одеяле и играли в карты, не обращая внимания ни на кого. В лягушатнике купалась пожилая женщина с голой девчонкой. И они были заняты собой.

Шурик снял одежду, пошёл к реке. На краю песок предательски осыпался под ногами, и мальчик мгновенно скользнул в воду. Влетел сразу с головой.

Небо закрылось слоем воды. Время остановилось. Сами собой закрылись рот, нос и уши, зато настезь открылись глаза. И сквозь водяную мглу мальчик увидел деревянные сходни. Они светились жёлтым светом, и звали к себе. Шурик зацепился рукой за поручень, встал на нижний порожек и уверенно двинулся вперёд. От порожка до порожка было расстояние для взрослых ног, но вода сделала мальчика лёгким и подталкивала вверх, и словно помогала выбраться наружу.

И он выбрался. Резко выдохнул воздух и тут же вдохнул. Со всем не испугался, но понял, с какой опасностью только что встретился... Вышел на берег и стал деловито одеваться. Тут и заметил его один из картёжников:

— Мужики, а чё тут пацан делает? Один купается. Рядом никого...

— Такие сейчас ломовые пацаны пошли! — усмехнулся другой.

А Шурик невозмутимо отправился домой, с видом, будто он давно один ходит на Самарку. На тропинке домой вдруг услышал слова мамы: «Мог бы утонуть!»

Третий раз мальчишка родился на свет. И сколько их, других жизней, у него в запасе?

НА ВОКЗАЛЕ

Рассказ

У Женьки Скачкова мать готовилась к операции, об этом он узнал из телеграммы. Возможно, умирала уже...

Ночью он сошёл с попутного самосвала у маленькой площади городского вокзальчика. Никого! А вещей было много, ведь Евгений, прогнозируя жизнь, заодно и рассчитался с работой. Разглядев «Соки-воды», Скачков наконец заметил человеческую тень на светящем фоне киоска. Кто-то стоял, видимо, в задумчивости.

— Друг! — неуверенно окликнул стоявшего Скачков, — помоги, пожалуйста.

— Сейчас, сейчас, — отозвалась тень скрипучим голосом.

Человек неопределённого среднего возраста с неясной во мраке внешностью подошёл к вещам, сгрёб, сколько мог, в охапку и, ни о чём не спрашивая, направился в освещенному вокзалу. Скачков приподнял остальное и засеменял вслед за ним.

Порожки. Человек вдруг оступился, чуть не упал, но устоял на ногах и пошатываясь вошел в вокзальные двери. «Пьян, что ли?» — невольно подумал Скачков.

Внутри вокзала людей оказалось погуще. У кассы бодрствовал даже наряд милиции, но все участники железнодорожных перевозок, в основном, спали, вели себя спокойно и пристойно.

При свете Скачков разглядел случайного помощника: русая, давно нестриженная голова, сношенный костюм, утративший первоначальный зеленый цвет, туфли, лет десять назад считавшиеся модными, неестественно вывернутая правая нога. «Хромоногий! Так поэтому он спотыкался и пошатывался...».

Скачков искренне поблагодарил отзывчивого человека словами, попробовал отблагодарить его ещё и материально – смятой трехрублевкой. Человек принял деньги, буркнул себе под нос что-то неопределённое и пошёл мимо милиционеров.

По стилю общения незнакомца и стражей порядка Скачков понял, что у кассы встретились давние хорошие знакомые. Вместе они исчезли куда-то, а Скачков взял билет на ближайший в сторону дома поезд.

Минут через двадцать хромой объявился вновь. Он подошёл к Скачкову и снова заскрипел:

– Все в порядке, пошли на перрон, да?..

Повозившись с вещами и пройдя сквозь душный зал, Скачков и его беспокойный провожающий повернули налево, где находилось несколько скамеек. «До поезда час, а под звездами коротать время действительно лучше», – отметил Скачков.

На дальней скамейке они присели. Вдруг подошел третий – лет пятидесяти коренастый мужик и уточнил: – Взяли?

Хромой подтверждающе кивнул. Тут и Скачков сообразил, что сейчас состоится выпивка. Откуда-то из-под пиджака появилась бутылка чего-то (в полутьме не видно!). А никто и не интересовался, что в ней именно. Хромой ловко отгрыз пробку, достал из кармана стакан, налил и предложил выпить третьему.

– Будем! – и третий удалился.

Выпил и Скачков, а потом уж спросил:

– Откуда это и... зачем?

– Места знать надо, – хмыкнул хромой, – ты ж трояк дал?

– Ну я... в знак благодарности, за вещи...

– Вот и благодарность.

– Давайте знакомиться: Скачков Евгений, можно просто – Женя, экономист.

– Хохма, коротко Хома. Сидел. За драку. Пока сидел, моя второй раз замуж вышла. Вот и живу теперь в чужом пиджачке...

– Хромаешь...

– Да, хромаю. Технический случай на лесоповале. Теперь до конца жизни хромать буду.

– Уехал бы! Начал всё снова...

– Куда я? Кому? Тут мать больная, одна. Вкалываю, а вечерами тут пропадаю и где попало... Тут мы и встретились с ней, с Лизкой моей, на вокзале... Дважды такое не повторяется.

Подожёл поезд. Кроме Скачкова, пожалуй, никому этот пассажирский не был нужен. Да и он, Скачков, не нужен был, казалось, никому. Вот только Хоме...

Наконец, дверца одного из вагонов приоткрылась, показался проводник. Пока бежали вдоль состава, Скачков боялся, как бы хромой не попал под колеса.

– Прощай, Женя!

– До встречи, Хома. Спасибо!!!

ПРИЁМ

Рассказ

Геннадий Коровин еще до восхода был на ногах. Оно и понятно, два важных дела надо было исполнить сегодня молодому бригадиру: запустить всю махину полевых работ, да съездить в райцентр на приём в партию...

Ох, как он торопился! Успел всё посмотреть, лично проконтролировать, дать советы, решить с десяток неотложных проблем. Попутно на молочной ферме и шайбы-гайки сам подкрутил, ведь там одни бабы. А ещё надо было успеть вернуться домой — помыться, принарядиться, натянуть цивильный костюмчик и галстук (в такую-то жару!). И тут собственный мотоцикл, на которого сегодня возлагались большие надежды, вдруг забарахлил — закашлял, ну не тянет, не идёт, и еле-еле дотянул до Коровинского переулка. А разбираться в причинах мотоциклетных недугов у Геннадия не было времени.

И машин свободных от работы в колхозе ни одной! А про телефонную связь нашу надёжную много сказано во всех инстанциях, организациях, по радио и в газетах: замолчит линия — и ни одного дальнего дела не сделаешь.

Плюнули они с секретарём парторганизации в сердцах на неувязки жизни, собрались — и рванули, как бывалые пацаны, «на попутки». Вышли на грейдер, махнули раза два рукой, и вот уже едут в пыльном зерновом грузовичке — чуть не песни поют от радости, что в райком на приём не опоздают. Должны успеть!

До райцентра ехали весело. Шустрые суслики то и дело перебежали дорогу. А на переезде перед селом машина задержалась, но простояли вроде немного, и потому на приём всё ж успели, правда, самыми последними.

Вошли в кабинет, где заседало партбюро. Вошли вместе и без вызова, но со стуком... А встретили Коровина и Сидоренко не очень-то любезно, то есть сухо встретили — молчанием, сесть не предложили, даже на приветствие не ответили.

Секретарь райкома встал, посмотрел на вошедших, отвернулся к окну. Члены бюро сидели смиренно, как любознательные мышки.

Вениамин Иванович — поджарый мужик в серо-стальном костюме, на Сталина, конечно, вовсе не походил, скорее он выглядел, как Машеров, Суслов или Кириленко, но заговорил с гостями прямо-таки, как Иосиф Виссарионович:

— Ну и как это вы опоздали на такое ответственное мероприятие, да ещё вместе с секретарём партийной организации?

Сидоренко кающимся тоном начал объяснять, что, мол, почти по семейно-техническим обстоятельствам...

— Ты это серьезно? — усмехнулся Вениамин Иванович.

— Да, так вот и получилось: пока наряды на работы выписали, пока всё проверили, пока...

— Да брось ты! — резко оборвал секретарь райкома, — вот мы ещё подумаем с товарищами членами бюро райкома о том, кому доверили руководство партийной организацией хозяйства... Ну а вы что скажете, молодой человек?

— То же самое. Точно так всё и было. И мотоцикл забарахлил у самого дома, и телефон отказал.

— Ну, понятно... Товарищи члены бюро, есть мнение этому товарищу в приёме в партию отказать! Согласны? Всё. Все свободны.

Ноги Геннадия Коровина сделались какими-то воздушными, лица людей стали расплываться по стене. «Досвиданьякаясь», он отметил про себя, что Вениамин Иванович может работать с закрытыми глазами, и в своём строгом, просторном углу похож на какую-то гордую птицу с длинной, голой, пупырчатой шеей и бельмами на глазах, когда прикроет веки...

* * *

Чертыхаясь, горемыки Коровин и Сидоренко отправились в обратный путь — как раз в свое хозяйство, потеряв на пустое дело уже полдня, а ведь ещё и добраться надо...

Когда вновь нашли подходящий грузовик, Сидоренко сказал:

— Лет двадцать назад, на фронте, парторги в передовые окопы пробирались, чтобы бойцов в партию принять. Под пули ходили, под бомбёжками бывали... А этот? — и вздохнул.

— Так тех убили почти всех, — только и нашёлся что сказать Геннадий.

— Ничего, прорвёмся, — заключил Сидоренко.

* * *

Во второй раз в райком по поводу приёма ехать не хотелось: что там ждёт — очередной отказ, нравоучения, выговор в личное дело Сидоренко? Но куда денешься, Коровин и Сидоренко посиживали в коридоре среди таких же людей, ожидающих вызова в главный партийный кабинет района. И вот их приглашают: «Сидоренко и Коровин, на приём!» Они вошли...

Вениамин Иванович быстро приподнял густые брови, быстро махнул рукой по своим седым ниспадающим волосам, вскинул привычно голову, встал и пошёл навстречу вошедшим.

– Здравствуйте, здравствуйте! Ну, вот и хорошо, а мы ждали. Садитесь... Товарищи члены бюро, перед вами яркие представители тружеников села. Крестьянская косточка! И хоть хозяйство у них даже не самое лучшее, но такими людьми, беззаветными работниками сельского хозяйства, нам всем надо гордиться... В общем, товарищи, есть мнение принять... как вас, ах да, вспомнил, – принять Коровина в ряды нашей славной Коммунистической партии... Кто за?

И Вениамин Иванович первым вскинул руку, за ним дружно подняли руки все остальные.

– Единогласно! Поздравляю вас, товарищ Коровин...

Так и не поняли Сидоренко и Коровин причину такой перемены в настроении Вениамина Ивановича. Он что, их мимолётный разговор о фронтовых политруках подслушал? Или на этом приёме присутствовал представитель обкома? Или просто-напросто забыл их опоздание в начале лета? Сплошное недоумение.

...Машина легко, по-птичь, летела среди знакомых до боли полей, летела домой, с трудом глотая бесконечный жар степного пространства.

НА УБЫВАЮЩЕЙ ЛУНЕ

Зарисовка

К дочери надо было сходить...

Из дому вышел, смотрю, народ у соседнего дома толпится, да военные все, и автобусы. Ясно: хоронить кого-то будут, и наверняка, из Чечни. Можно и не спрашивать – понятно.

Мы тут как-то задались вопросом, сколько из Чечни за последнюю кампанию в цинковых гробах привезли? В военкомате сказали – девять. Местное телевидение знает о двенадцати. Ну, а на самом деле, больше...

И не дошёл ещё до дома, где дочка живёт, а у них во дворе тоже народ толпится. И опять больше всего военных, и оркестр. И тут хоронят. В один день второй гроб...

Привыкли мы к новизне. Назло всем смертям можем и свадьбу закатить! А раньше в городке все-все знали: если горе большое, то не до свадьбы. Но теперь всё иначе. Отчаянный русский народ, ни агрессией тебя не сломить, ни террором, ни голодом, ни холодом, ни похоронами.

А тут недавно газетка в руки попалась. Хорошая статья хорошего автора. И почти убедила меня статья, что жизнь вокруг и не жизнь уже, а так — существование, прозябание, растёт агрессивность и преступность, усиливаются болезни, замедляется рост всего живого...

Чего не бывает на убывающей луне!

Вот если мы, да вдоль такого течения поплывём, то в каких затонах окажемся, страшно подумать! А этого надо было ждать. Помните, в 2000-ом году нам конец света пророчили, а мы, глупые, смеялись. Но сейчас вопрос в другом: что противопоставить этому концу? Что?..

Жизнь!

Есть у России резерв! Её защитники и трудовые люди — настоящие, ценности производящие, основу жизни составляющие. В крови закон правильной жизни имеющие. Живучие — не заморить, не убить!

И всё понятно в этой новой жизни, и ничего не страшно — чего нам после пережитого бояться?! Да ни хрена мы уже не боимся, жалеем только тех, кто слабее нас. Наша слабость — это наши самые дорогие люди. Но, если, то — на любые жертвы пойдём, лишь бы справедливая жизнь восторжествовала...

Так, в который раз, появляется человек и за свою коротенькую жизнь не успевает осмыслить происходящее, не успевает вынести ей вердикт. Хороша ли, плоха ли? Но я, как мне кажется, кое-что успеваю — осмыслить происходящее успеваю... Один дед родной сгинул где-то подо Ржевом, второй дед родной, по слухам, к фашистам в плен попал. Отец, дядька, тётя — с фашистами воевали... Теперь фашистов спасителями России изображают, а наших воинов-освободителей судят в Латвии, к при меру, страшным предвзятым судом. Где же справедливость?

Я полвека прожил на этой планете. И возраст даёт мне право сказать, что миру нужен мир, что никого просто так возмездие не постигает, и Россия ещё себя покажет.

А сейчас Россия кладёт жизни дорогих своих сынов и дочерей в Чечне. Зачем? За что? Так ли уж это необходимо?

Да, необходимо. Пусть весь мир знает, что никто никогда силой не получит нашей территории – ни клочка, ни пяди.

Не надо так пошло шутить с Россией.

ПАРАДОКСЫ

Фантастический рассказ

Из тарелки показались то ли механические руки, то ли щупальца – поискали, пошарили по грунту, подёргались, отряхивая грязь – и, наконец, космический корабль пришельцев опустился на Землю... Да чуть не утонул в чёрной, поблёскивающей жидкости, заполнявшей две широкие параллельные дорожки!

«Каналы землян, что ли?» – подумал первый пилот тарелки и, запустив двигатели, передвинул машину на более устойчивое, твёрдое место.

В тарелке показалась круглая, бьющая ярким светом щель, а из неё выкатились три кубика.

Один из кубиков бросил на землю мячик, что-то переключил в нём, и я, ищущий пропавшего в поле бычка, задрогший, жаждущий обыкновенной воды и пахнущий одеколоном «Люпин», стал кое-что понимать в происходящем.

– Скажи, То, почему для уик-энда ты выбрал эту планету?

– Я обожаю парадоксы, Сэ, а эта Земля – самая парадоксальная планета Большой Вселенной.

– Позволь, То, но мне кажется, ты затащил нас на самую заурядную планетишку, на которой трудно развлечься, не правда ли, Ха?

– Ха-ха-ха!.. Совершенно с тобой согласен, дружище Сэ! – рывкнул Ха и расстелил на земле серебристую попону. То поло-

жил на нее свёртки, поставил бутылки, через минуту-другую начался пир пришельцев.

Мне из ивнячка всё было видно и слышно.

После того, как половина снеди исчезла, сидевший слева «кубик» То заговорил:

— Друзья, м-м... Начну свой рассказ, пожалуй, с нашего приземления. Вы обратили внимание на то обстоятельство, что мы чуть, было, не утонули по твоей, Сэ, догадке в каналах землян?.. Так вот. По этим каналам регулярно во всех направлениях движутся колесные суда землян. А когда, например, эти средства передвижения останавливаются, то из них выходит человек и гортанно кричит что-то непереводимое до тех пор, пока к нему не подплывет судно, целиком сделанное из металлов, из которого выходит другой человек. Поговорив час-другой на этом непереводимом диалекте, они спаривают суда и продолжают путь в одном направлении. Вот вам и целая серия парадоксов: если это их каналы, то почему по ним не плавают обычные пароходы? Как земляне понимают друг друга, если наша новейшая лингвааппаратура наотрез отказывается переводить их речь дословно и снабжает нас лишь бледной тенью того смысла, который они вкладывают в разговор? И это ещё не всё...

Подо мной вдруг хрустнула ветка! Всё вмиг исчезло. Очнулся я оттого, что наш бычок Коротыш нежно зализывал мне царапину на лбу.

— Мать твою! — вскинулся я, да осёкса: не поймут ведь нас братья по разуму. В который раз не поймут!

А наши на ферме ни одному моему слову не поверят. И тоже — в который раз.

ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ

Этюд

Воровским видом одинокой вороны да серой скукою редких осинок постарается лес обмануть случайного человека — спрячет тайны до поры до времени: кто таков пожаловал в его вла-

дения? Терпеливому и внимательному никаких богатств не пожелает: а за погляд, мол, денег не берём! Так-то.

И меня лес не с душой нараспашку встретил, но не стал я огорчаться, спешить да суетиться. Остановился на тропке, даже присел и прислушался.

Справа машины шуршат. Слева, взлетая с неближнего аэродрома, реактивные самолёты ревут. Однако тишина лесная не сдаётся и свои голоса подаёт: то синичка совсем рядом затенькает, то воробей чирикнет. И хруст еле заметный — со всех сторон.

Что за хруст? Прислушался внимательно — вот раздался он близко, явственно, почти под сапогами. Пригляделся, а это снег на моих глазах в сверкающие гранулы превращается, и рушатся они, потеряв опору в соседях.

Прислушался ещё — да, хруст со всех сторон раздаётся и в один непрерывный звук сливается. Славно солнышко мартовское работает! И в тени снег не выдерживает — плавится.

Встал, пошёл дальше. Думаю, чем еще весенний лес удивит. Смотрю — что-то под ледяным стёклышком зеленеется. Неужели траве не терпится и она из-под снега пробивается?

Оказывается вот в чём дело: прошлогодний чистотел под снежным одеялом не промёрз ничуть, прекрасно сохранился! А как почувствовал тепло, так и сильнее дышать начал — снежок вокруг него пообтаял, и над растеньицем спёкся — прозрачной крышей стал. Получилась маленькая теплица. И пошёл чистотел в рост.

Пригляделся я внимательнее — не один чистотел такой умный — и в других берложках какие-то растения прошлогоднего лета под новым солнышком греются. И от зелени этой и мне веселее дальше идти стало.

Иду, по сторонам поглядываю. Засмотрелся на ствол осокоря, который светло-жёлтым мохом зацвёл, да и нечаянно оступился, а снег держит. Вот так штука! Значит, можно идти куда хочешь, а не туда, куда тропинка приказывает.

Я и свернул. Дошёл до вырубki неширокой, смотрю: у поваленных деревьев кто-то кору обглодал, но следов не видно. Они,

следы, может, и были, да тёплый ветер зализал их. Так, кто же корой осиновой лакомился? Зайчишек на этой поляне давно не видели. Кто же?

Смотрю — ямка, а в ней темные горошки — так это же козий помёт. Так, значит, это косули старательно «поработали» на вырубке — не побоялись, что человек где-то рядом топором стучит. Доверчивые животные. Лишь бы доверчивость их им же боком не вышла...

Иду дальше. Стволы, расцвеченные мохом, все чаще попадают. А мох-то какой интересный — всех оттенков: от зеленого до жёлтого, от бурого до оранжевого. И стального-серого, то тёмный, то светлый; то яркий, то бледный — есть чему художнику поучиться.

Вышел из рощи, а передо мной — открытая ветру поляна, и на ней громадное пламя бурлит.

Нет, конечно, не пожар: талы это, кустарники красноватого цвета. На фоне тёмного, заросшего овражка да на снегу, освещённом солнцем, эти талы (или верба?) любому могут пламенем показаться, особенно, когда ветерок ветки колышет.

Верба, верба — странный кустарник: прутики то фиолетовые с голубым налётом, то кирпично-красного цвета, то оранжевого, то жёлтого, то бледно-зелёного оттенка — все и не перечислишь. Смотришь, а на иной вербе серебристо-белое облачко отдыхает — это её сережки темную кожуру сбросили и искрятся под лучами яркого светила.

Чего только не услышал, чего только не увидел я в лесу — пора и домой поворачивать.

Я так и сделал, а крик вороны меня оглянуться заставил. Чего, думаю, она так расшумелась-раскричалась: глядь, а ворона какую-то хищную птицу гонит — не то коршуна, не то скопчика — издали не угадаешь. Одно ясно — ворона место для гнезда давно присмотрела, а птица-хищница на разведку летала, да и высмотрела воронье хозяйство. Вот и не стерпела серая такого нахальства: ещё и птенцов нет, а смертушка их уже ищет.

Прогнала она обидчика.

Вышел я на тропинку, и стал мой путь в колечко замыкаться — уже и клёны знакомые у дороги завиднелись, и машины громче зашуршали... Жаль с лесом расставаться, да и он не выпускает меня без подарка.

Вот и овражек последний: южный склон в снег спрятан, а на северном песок и глина подсыхают.

Еще не вижу, но чувствую: кто-то тихонечко копошится за полыню жухлой. Мать честная! Суслик! Ещё только тридцатое марта сегодня, а он уже проснулся — вход в норку приоткрыл да прихорашивается. Шкурка его с цветом песка сливается, и не разглядишь толком — только мордочка виднеется. Стрельнул в мою сторону взглядом — только его и видели! Ждал я его — появиться должен — да затаился зверёк, не перехитрить.

Пора все же честь знать. Уходить надо, а тут птицы, как нарочно, такой концерт закатили — залюбуешься. На все голоса да со всех сторон весну славят: самолёты ревут, а я про них и думать забыл, так звонко птицы распелись.

Стою — слушаю. Под ноги посмотрел, а там мох на свежей проталинке, как в банчке, греется. От пара еще изумруднее сделался. А рядом на снегу точка тёмная движется — кто бы выдумали? — паучок.

Ну и чудеса! Я-то предполагал, что весна только-только начинается, а живность лесная, видать, давно её встретила. Вон под кленочком божья коровка копошится, вон — ещё, ещё... Поймай, да это девочка в красном пальто, а не божья коровка, под деревцом сидит.

Что же она делает-то? Подхожу ближе — вижу: сосульки с кленовых веток обламывает и в баночку собирает. Одну — в баночку, другую — в рот. Другую — в баночку, а следующую сожёт. И облизывается.

- Что делаешь, — говорю, — ведь простудишься.
- Не-а, — отвечает, — от мороженого не болею же.
- Сладко? — спрашиваю.
- Очень-очень!

ДЕРЕВО

Этюд о природе

На крутом правом берегу Самары росло громадное дерево. Было ему... не знаю сколько лет, наверное, в молодости оно струги Разинские видало. Имело дерево раскидистую крону и богатырскую стать. Любые ветра ему – нипочём: тугие острые корни намертво вцепились в глиняный угор и много лет пили родниковую живую силу. Вечное дерево!

Сейчас такие высокие да размашистые, да упругие в наших местах уже не встречаются почему-то...

Росло это древнее дерево и молодилось каждой весной, и гудело свежее листвою, как само Время – непрерывно, тревожно и весело.

...Росту во мне – от горшка два вершка, да еще полушка. Стою, смотрю на солнце сквозь подрагивающие веточки. Голову задерёшь, насмотришься – закружится – падаешь. Смешно!

Увидел однажды моё развлечение рыбак, старый дедушка: – Смотри, внучок, смотри... Отец мой сказывал, самому Стеньке этот сокорик ветками помахивал на счастливый путь... И я так-то на него смотрел, а теперича не могу...

Размышлял я о его присловье, думал, да, видать, недолго, а повзрослел – понял: мало живет на Земле человек, очень мало – меньше дерева; меньше ворона, что на нём иногда отдыхает; меньше черепахи, что в самой гуще корней водяных обитает... Эх, Самара!

И вот, долго меня в родном посёлке не было. Душа горит – свиданья с красотой хочет. Пошёл на место памятное, весёлое – изменилось оно: и Самара-река уже не Самара, а Самарка – ручеёк сморчковый. И людей тут не бывает, даже рыбацких кострищ не видно, да и берег левый, кирсановский, ивняком да клёном зарос – как чужая рать с копыями стоит, а ветерок последним лешим в бурьянном овражке от тоски и страха завывает... А дерево?!

А дерева-то нет! Прошёлся немного, по течению, вдоль бережка правого – и он ответным войском остроконечных кустов грозит. И ниже как-то стал, поприместей...

Спустился я к лиманчику, кусты раздвинул — вижу: вдали, шагов аж за триста, лежит оно — искорёженное, обесцветившееся, далеко от места родимого, и гниёт головою где-то на самом стрежне речки.

Вот так свиданьице!

А пацаны с него в воду прыгают, друг друга толкают...

И дерево мало на земле живет!

Очень мало.

Меньше речки. Меньше облаков в небе белесом. Меньше ветра одичавшего...

А и Самарке-то недолго жить, думаю, осталось: замутнела, запсиховала, обмелела — мальчишкам-то на серёдке всего по грудь.

И повернул я обратно, и чуть, было, не заплакал. Да вдруг в знакомом овражке незнакомый совсем родничок встретил, а рядом на часах крепыш-осокорь с меня ростом, аки Илья Муромец стоит, солнышку улыбается.

Напился я воды кипучей, веточку дерева погладил, да и засмеялся, как в детстве, сам не зная чему.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Весенний марш. Стихи. Челябинск, ЮУКИ, 1986 г.
2. Что будет завтра? Стихи. Челябинск, ЮУКИ, 1989 г.
3. Поговорим наедине. Стихи. Калуга, Золотая аллея, 1994 г.
4. Работа, служба и любовь. Стихи. Оренбург, Димур, 2008 г.
5. Маша и луковая каша. Стихи для детей. Москва, Перо, 2014 г.
6. Стихотворения (аудиокнига на диске МР-3), Москва, ИСП, 2016 г.
7. На берегу Самарки быстрой. Стихи и проза. Оренбург, ООО «Союз-А», 2014 г.
8. Бог шельму метит. Степные рассказы. Екатеринбург, Ridero, 2017 г.
9. Люблю простор, объятый клевером. Стихи. Екатеринбург, Ridero, 2017 г.

Цена договорная.

Книга издана в авторской редакции, на средства автора.

Отзывы присылать по адресу: fann-50@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Странная штука — память	3
Бытовуха	6
Кисточка непризнанного гения	9
Сказки на ночь про Луну	12
Богиня	14
Карасиные страдания	17
Художника обидеть может каждый	20
Всё к лучшему, мой друг...	25
Три километра мороза	27
Любви, представьте, не ждала	31
Тусклые звёзды	39
Старое ружьё	48
Бог шельму метит...	53
Платок от Екатерины...	56
Мал золотник, да дорог...	59
Огородная история...	61
Поеду в родную станицу...	64
Заяц	67
Вовка, ты — настоящий	71
Купание железного коня	73
Сиянье над селом	76
Явление народу	80
Снег да снег кругом	83
С Самаркой шутки плохи	88
Шесть спасительных секунд	92
Горькая дикая вишня	95
В разведку сгодятся	98
Ритуал	101
Делай, как я	105
День озорника	108
Чтоб стал чемпионом	110
Синичка в руке	113
Страшная ночь	116

Сашкина машина	120
Азы взрывного дела	125
Сколько жизней впереди?	128
На вокзале	131
Приём	133
На убывающей луне	136
Парадоксы	138
Очень-очень	139
Дерево	143
Краткая библиография	145

Александр Филатов-Тоцкий

Купание железного коня

Степные рассказы